

МУКИМИ

ФУРКАТ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия:

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев,
М. К. Луконин, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
В. А. Рождественский, С. А. Рустам, А. А. Сурков,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

**МУКИМИ
ФУРКАТ**

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

*Вступительная статья,
составление и примечания
А. А. Зырина*

*Редактор
стихотворных переводов
В. А. Рождественский*

Мухаммад-Амин-ходжа Муками (1850—1903) и Закирджан Халмухаммад-оглы Фуркат (1858—1909) — выдающиеся представители узбекской поэзии. Расцвет их творчества совпадает с периодом, когда началось всестороннее сближение узбекского народа с русским. Оба поэта, связанные дружбой и близостью взглядов на общественные явления, были выразителями демократических идей, разоблачали произвол богачей и власть имущих, горячо ратовали за просвещение. Муками и Фуркат являются также мастерами лирической поэзии, они продолжили и творчески обогатили традиции классической лирики. Настоящая книга является одним из наиболее полных собраний стихов обоих поэтов в переводе на русский язык.

МУКИМИ И ФУРКАТ — ВЫДАЮЩИЕСЯ ПОЭТЫ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

1

Поэтическое наследие узбекского народа включает произведения фольклора древних кочевников-тюрков, письменные произведения средневековья (начиная с XI века), на которых в отношении формы и сюжетов заметно сказывается влияние арабской и персидско-таджикской поэзии, творения великого Навои, стихи Лютфи, Турды, Маджлиси, Машраба, Мунпса Хорезми.

К концу XVIII столетия на территории Средней Азии сложились три крупных феодальных государства — Бухарский эмират, Хивинское ханство, Кокандское ханство, причем в каждом из них узбеки представляли собой в политическом и культурном отношении главенствующий элемент, а в Хиве и Коканде также преобладали численно. В силу исторических причин именно в наименее затронутом феодальными смутами и нашествиями иноземцев Кокандском ханстве, «метрополией» которого была Ферганская долина, письменная поэзия в XVIII—XIX веках получила особенно широкое развитие по сравнению с тем, что наблюдалось в двух остальных государствах.¹ В Ферганской долине жили и творили Бабарахим Машраб, Турды, Фазли, Гульхани, Махмур. В начале XIX века Кокандское ханство на короткий период достигло сравнительно высокой степени военно-политического могущества, внутреннего сплочения; определенный прогресс наблюдался в градостроительстве, ирригации; создавались новые медресе.

С целью поднять авторитет власти, а также прославить свое правление, кокандский хан Умар (годы правления: 1810—1822), сам

¹ См., в частности: В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, с. 115—116.

слагавший стихи (поэтический псевдоним: Амири), оказывал всяческое покровительство поэтам. При его попечении была составлена поэтом Фазли обширная антология («Маджмуату-ш-Шуара-и-Умархани» — «Собрание поэтов эпохи Умар-хана»), куда вошли произведения 101 автора, включая самого хана. Выдающейся поэтессой была старшая жена Умара — Махлар-аим, писавшая под псевдонимом Надира («Редкостная»); вокруг нее сложился кружок одаренных поэтов, из которых заслуживают упоминания Махзуна и Увайса. В этой литературной среде, наряду с поэтами придворного толка, творчество которых было в основном традиционным, далеким от жизни народа, мы видим также выразителей демократических тенденций, наиболее ярким из которых следует признать Гульхани, за свои стихи подвергавшегося гонениям со стороны властей. Разносторонняя деятельность поэтов, наряду с работой историографической, интенсивно развивалась в Коканде и в последующие десятилетия. Столица ханства — город Коканд — в короткий срок сделался одним из крупных культурных центров Средней Азии. Таковы были условия, подготовившие выход на литературную арену целой плеяды поэтов нового времени — эпохи разложения феодализма, присоединения Средней Азии к России, — наиболее значительными из которых мы должны признать Мукими и Фурката.

2

Мухаммад-Амин-ходжа, прославившийся как поэт под псевдонимом Мукими,¹ родился в городе Коканде в 1850 году.

Его отец, ремесленник-хлебопек по имени Мирза-ходжа, в середине 30-х годов XIX века вместе со своим отцом переселился из родного Ташкента в Коканд; вся семья обосновалась в городском квартале Бекбача. Можно лишь гадать, что именно явилось причиной переселения. Следует вспомнить, что Коканд, столица ханства и центр Ферганской долины — одного из богатейших в Средней Азии экономических районов, — был в то время молодым растущим городом, Ташкент же то и дело подвергался нашествиям извне и разорениям.

¹ Имя поэта, данное ему при рождении, двойное: Мухаммад-Амин; в народном произношении — Мадамин; ходжа — приставка, указывающая, по-видимому, на наследственную принадлежность к сословию ходжей (см. Словарь); об этом также см.: Х. З а р и ф о в. Мухаммад-Амин Мукими. Материалы, относящиеся к его жизни и творчеству, Ташкент, 1955, с. 6 (на узбекск. яз.). Мукими — поэтический псевдоним (тахаллус), означающий (по-арабски): оседлый, постоянно живущий на одном месте.

Мать поэта, Биби-Айша (или Айша-биби, а по уважительному прозвищу: Хумар-биби), родом из Ходжента, была на редкость для своего времени образованной женщиной, благодаря чему пользовалась всеобщим почетом и уважением. Именно ей принадлежит заслуга в том, что ее сын уже в детские годы основательно познакомился с образцами классической поэзии, в том числе с творениями Навои, азербайджанца Физули, издавна очень популярного в Средней Азии, и других поэтов. Это пробудило в душе любознательного, одаренного мальчика живой интерес к стихам, к литературе в широком смысле, и в значительной степени предопределило его жизненную судьбу. В детском возрасте будущий поэт, согласно традиции, существовавшей в среде сколько-нибудь обеспеченных горожан, учился в начальной религиозной школе (*мактаб*) и окончил ее настолько успешно, что, по-видимому, сразу же и без препятствий поступил в одно из кокандских медресе (носившее наименование Хаким-аим) — учебное заведение высшего типа. Это было обычным для городских юношей, обнаруживших способности, прилежание и достаточно высокие познания в начальный период обучения.

Среднеазиатские медресе во второй половине XIX столетия давали почти исключительно духовное образование в рамках ортодоксального ислама; преподававшиеся в них некоторые положительные знания — по космогонии, географии, началам естественных наук — оставались на средневековом уровне, отличались отсталостью и догматизмом. Тем не менее слушатели медресе получали солидную подготовку по арабской грамматике, практически овладевали арабским и персидским языками, а главное — имели возможность стать эрудитами в классической литературе Ближнего Востока, прежде всего в поэзии. В разное время курс обучения в медресе прошли, побуждаемые к тому собственным желанием, многие и многие прославившиеся впоследствии поэты народов Средней Азии, начиная с Ясави и Лютфи, кончая Хамзой и Айни.

Учащиеся медресе для начала должны были купить себе место в келье (*худжра*) и впоследствии получали содержание за счет так называемых «вакуфных» (от слова *вакф*) доходов, согласно древнему мусульманскому законоположению отчисляемых с земельных участков, садов, а также постоянных дворов, караван-сараев и т. п. Малообеспеченные ученики к тому же обычно подрабатывали, как могли.

¹ Об условиях учебы и жизни учащихся медресе в новейшее время, накануне революции, см., в частности: С. Айни, Воспоминания (перевод с таджикск.), М.—Л., 1960.

Занятия в медресе в сильнейшей степени способствовали углублению интереса к поэзии у литературно одаренных юношей, побуждали их к самостоятельному творчеству, к состязанию в сложении стихов. Это благоприятствовало росту и совершенствованию таланта начинающих поэтов, и судьба Мукими была в этом отношении довольно типичной. Имеются свидетельства, что его первые стихотворные опыты восходят еще к 1863 году; неопровержимо доказано, что в 1870 году молодой поэт уже слагал стихи, пользовавшиеся известностью у сограждан.¹

50—70-е годы XIX столетия — пора детства и юности Мукими — были насыщены впечатляющими событиями и оказались переломными в истории не только Коканда, но и всей Средней Азии в целом. Кокандское ханство, достигшее в начале века определенной степени политической и экономической стабилизации, пришло затем в упадок, подверглось неоднократному нашествию бухарских войск, сопровождавшемуся разорениями, резней мирных жителей, разбоем. Одновременно усилились феодальные междоусобицы, кровавые распри между горожанами и оседлыми земледельцами, с одной стороны, и недавними полукочевниками-кипчаками, а также горно-степными киргизами, с другой. Время от времени вся Ферганская долина превращалась в арену сплошного кровавого хаоса. Наряду с этим с начала 50-х годов захватнические устремления царизма распространились на северные окраины Кокандского ханства; находившийся в вассальной от него зависимости Ташкент был взят русскими летом 1865 года в результате осады и штурма. Последующее успешное продвижение русских войск отрезало Кокандское ханство от его непримиримого врага — Бухарского эмирата. Хан Худояр прочно утвердился на престоле в Коканде, заключив с русскими властями союзный договор.

Наступившее умиротворение хан использовал не столько для подъема благосостояния государства, сколько для собственного беззастенчивого обогащения за счет подданных. Это вскоре привело ко всеобщему возмущению и затем к вооруженному восстанию в середине 1873 года.² Движение в короткий срок распространилось по всему ханству, восставшие заняли ряд городов. Худояр-хан обратился за помощью к русскому командованию, но прежде чем она подоспела, он оказался вынужден со своими приближенными бежать через рус-

¹ См.: Г. Каримов, Выдающийся узбекский поэт-демократ Мукими (перев. с узбекск.) — Предисл. к сб.: Мукими, Избранные произведения, Ташкент, 1959, с. 10; Г. Каримов, Жизнь и творчество Мукими, Ташкент, 1970, с. 38—39 (на узбекск. яз.).

² См.: История Узбекской ССР, т. 2, Ташкент, 1968, с. 31—39.

скую границу. Против восставших двинулись русские войска; бои в Ферганской долине в 1875—1876 годах были необычайно кровопролитными и упорными, мирная жизнь оказалась полностью парализованной.

В разгар событий — в феврале 1876 года — царское правительство в Петербурге решило официально ликвидировать Кокандское ханство. С огромным трудом всенародное восстание — теперь уже не только против хана и знати, но и против иноземного нашествия, — было в конце концов подавлено. Наступила новая эпоха в жизни народов Ферганской долины — эпоха колониального порабощения, в условиях которой тем не менее появились возможности для непосредственного общения с русским народом, с Россией. Это было исторически прогрессивным обстоятельством, ибо открывало пути для торгового обмена, для восприятия всего передового в сфере науки и промышленности, подготавливало условия для сближения между культурами двух народов.

Как раз в описываемое время, в начале 70-х годов, Мукими завершил образование в кокандском медресе; ему, однако, показалось это недостаточным. Пройти курс обучения в одном из медресе Бухары — древнего центра мусульманской образованности считалось гораздо более почетным, давало возможность приобщиться к обширному кругу познаний. Мукими едет в Бухару, где учится в медресе почти четыре года.

Годы ученья были для Мукими периодом напряженной творческой деятельности. Он внимательно и настойчиво изучает произведения классиков, в частности Джами, которого считает своим учителем. Сам Мукими в это время овладевает приемами традиционной восточной лирики, учится применять правила арабо-персидской поэтики (*аруз*), пишет подражания классикам, а также *назирь* — своеобразные ответы в стихах, развивающие мысли и образы другого произведения, загадки-хронограммы и т. п. Наиболее употребительной формой лирики издавна считалась газель — стихотворение обычно из 6—12 двустиший. Мукими еще в ранний период творчества стал признанным мастером этого жанра: десятки его газелей, по традиции воспевающих красоту возлюбленной, ее ветреность и коварство, а также мученья влюбленного, отвергнутого ею, завоевали широкую и прочную популярность. Некоторые из них были положены на музыку и до наших дней бытуют повсюду в Узбекистане, сделавшись народными песнями.¹

¹ Следует еще добавить, что Мукими одинаково свободно владел как родным узбекским, так и таджикским языком, на котором сложил немало стихотворений.

Поэтическое наследие Мукими до настоящего времени полностью не выявлено;¹ по понятным причинам (прежде всего — отсутствие прижизненных публикаций, авторских датировок) приходится скептически оценивать возможность когда-либо в точности установить время написания каждого из произведений поэта. Тем не менее по ряду свидетельств, прежде всего по намекам на обстоятельства и факты личной судьбы поэта, можно заключить, что многие из ныне известных газелей Мукими, его мурабба, а также мухаммасов (см. Словарь), часто являющихся своего рода ответами на газели других авторов,² были им написаны еще в период учебы, до возвращения в Коканд из Бухары. Произведения эти, конечно, не предназначались для печати — ее не существовало ни в Бухаре, ни в Коканде; они читались в кругу молодых людей, знатоков и ценителей поэзии, наиболее удачные записывались, включались в рукописные сборники, а затем так или иначе распространялись в народе. Подобный способ общения с читателями и слушателями и в дальнейшем оставался для Мукими главным — лишь в последние годы жизни его отдельные произведения были напечатаны на родном языке, а также в русском (видимо, только дословном) переводе.³

Итак, в молодости Мукими, очевидно, не был участником бурных политических событий эпохи — он проходил курс наук в медресе, совершенствовался в стихосложении, подражая великим мастерам прошлого; учился он также каллиграфии (что впоследствии очень ему пригодилось). В эти годы Мукими писал стихи, вполне традиционные по форме, а по содержанию почти исключительно относящиеся к любовной лирике. Но это отнюдь не значит, что окружающая социальная действительность оставалась за пределами его внимания. Правда, нам неизвестны относящиеся к данному периоду стихотворения поэта, посвященные конкретным политическим событиям, отражающие общественные отношения и т. п. Следует иметь в виду, что подобные произведения вообще сравнительно редки в узбекской поэ-

¹ Исследователи считают, что оно включает до 10 тысяч стихотворных строк (см.: Г. Каримов. Выдающийся узбекский поэт-демократ Мукими, с. 9). В 1968—1972 годах молодой узбекский литературовед Абдувахид Шакиров выявил в различных рукописных собраниях еще свыше тысячи строк доселе неизвестных стихов Мукими; готовится их публикация на родном языке.

² Мухаммас на газель построен следующим образом: строки газели одного автора (например, Навои) берутся в качестве основы и представляют собой четвертую и пятую строки каждого из пятистиший; три первых строки, в рифму к четвертой и с соответствующим содержанием, сочиняет автор, пишущий ответ (например, Мукими).

³ Подробнее об этом см. в примечаниях.

зии прежних времен. Однако и в известных нам стихах Муками этого периода так или иначе отображена среднеазиатская действительность 60—70-х годов. К примеру, в стихотворении «Порицание времени», лишь несколько лет назад опубликованном и доселе не переведившемся на русский язык, есть такие строфы:

Разбой, насилье — сущий ад! Ну и настали времена!
Домá в развалинах лежат. Ну и настали времена!

Хватаясь за голову, мы бездомных слышим стон и плач.
Вот что разбойники творят. Ну и настали времена!

Терзают женщин. Собрались убийцы, вору всей земли.
Захожих персов не щадят. Ну и настали времена!

.....

Худеет бай, тощает бай — незваных ждет ночных гостей.
Обвис на нем его халат. Ну и настали времена!

Везде разбойников клянут, повсюду толки лишь о них.
Все говорят, вопят, кричат: «Ну и настали времена!»¹

Без сомнения, перед нами — живая картина бедствий, переживаемых народом во время каких-то распрей еще при господстве ханов. Точно так же отображением социальной действительности в эпоху феодальных смут и междоусобиц следует считать ситуацию, яркими красками обрисованную поэтом в известном стихотворении «Прощение хану от жителей селения Хафалак»:

Саранча кишлак объела, в кишлаке гнездовья змей,
Прямо посреди кибитки кучу строит муравей.
В Хафалаке клещ завелся, пожирающий людей.
Захватил шайтан деревню, измывается над ней.
Селезень стал стрекозою, вялой бабочкой гусак.

¹ Все включенные в настоящее издание переводы на русский язык стихотворений Муками, как и почти все вообще до сих пор напечатанные переводы его стихов, сделаны поэтом Николаем Ушаковым.

.....

Наготу тряпьем прикрывши, хафалакцы без дорог
Бросились бежать на запад, побежали на восток,
Горько плакали, рыдали: новый заведен налог.
Хафалак однажды утром упорхнул, как мотылек,
Новой подати огромной не внести ему никак.

Это мухаммас на газель Махмура, писавшего о несчастной доле дехкан, вконец разоренных новым налогом хана. Газель — исключительно сильный образец редкой в те времена социальной сатиры — с одной стороны, навлекла гонения на ее автора, с другой — обратила на себя внимание современников, вызвала ряд ответов, подражаний. Таким образом, у нас есть основания говорить о демократических, обличительных мотивах в творчестве кокандских поэтов конца XVIII — начала XIX веков, предшественников Мукими (наиболее видные среди них — Махмур и уже упоминавшийся Гульхани), причем социальная сатира использовала традиционные поэтические жанры. Естественно, что и Мукими, свидетель тяжких бедствий народа, вновь, спустя десятилетия, обратился к не утратившей злободневности газели-сатире Махмура, развивая и углубляя тенденцию своих идейных предшественников. У Мукими построенное на ее основе стихотворение открывается и завершается обращением к некоему властителю («Ханов хан, владык владыка. . .»). Это может быть понято и как сатирическая гиперболизация, и, возможно, как подлинное обращение молодого поэта, еще не потерявшего веру в социальную справедливость, к одному из ханов или иному вельможе. Стихотворение Мукими по содержанию и красочности несравненно богаче прообраза — газели Махмура, дающей как бы только штрихи трагической картины крайнего обнищания, чем обусловлены его обличительная сила и обобщающее значение.

Как приведенные стихотворения, так и многое в творчестве Мукими в последующее время свидетельствует, что поэт отчетливо видел бедствия, переживаемые родиной, глубоко проникся состраданием к беззащитным беднякам, ненавистью к всемогущим угнетателям. Очевидно, еще в юности, в годы ученья в Коканде и Бухаре, начало складываться мировоззрение поэта-демократа, смелого и непримиримого обличителя социальных зол. Мукими, получив высокое по своему времени образование, остался верен среде, которая его взрастила, остался с народом; он жил радостями и горестями простых тружеников-горожан, и это дало ему возможность сделаться в поэзии выразителем

их идей и интересов, завоевать впоследствии признание и любовь широких народных масс.¹

В Коканд Мукими возвращается приблизительно в 1876 году — вероятно, после того, как там улеглась военная буря и начал укрепляться новый политический порядок. Его мать умерла еще в 1865 году, отец женился вторично; мачеха, Зияда-биби, привела с собой малолетнюю дочку по имени Санам-биби. Эту девочку, когда она немного подросла, выдали замуж за Мукими, — по-видимому, при отсутствии у молодых людей какой-либо взаимной склонности. Брак, заключенный по воле родителей, оказался неудачным, в начале 80-х годов семья распалась. Мукими вдвоем с сыном² поселился отдельно и до конца жизни оставался холостым.

Но вернемся к 1876 году — поворотной дате в истории края. Характерно, что молодой поэт поступил на службу писарем в только что созданное русскими властями уездное управление по землеустроительной части. Однако не миновало, кажется, и года, как Мукими почему-то уходит с этой службы, после чего — человек грамотный, имеющий законное право претендовать на более высоко оплачиваемую должность, — устраивается простым паромщиком на переправе через Сыр-Дарью у кишлака Акджар.

Что же произошло? За ответом следует обратиться к стихам Мукими. Одним из самых ярких образцов его социально-обличительной сатиры является широко популярное стихотворение, известное под названием «Землемеры». Дата его создания остается невыясненной, но, несомненно, в нем отразилось то, что поэт увидел, пережил, передумал, находясь на службе в ведомстве, где обмерялись дехканские земли, устанавливались размеры налогов и т. д. В стихотворении дана сцена грабежа, которому подвергали земледельцев, но уже не ханские чиновники, а служащие новой, только что утвердившейся русской власти. Притом повадки этих людей изобличают, что, вероятно, сами они — из числа бывших чиновников хана, ловко и с выгодой для себя приспособившиеся к новым правителям:

«Я ваш хаким — богач из богачей,
Добиться надо милости моей.

¹ Имеются свидетельства того, что еще в 70-е годы, до падения Кокандского ханства, газели и мурабба Мукими сделались популярными песнями; мурабба «Я далеко» распевали, например, в ханском гареме (см.: М. Алибеков, Домашняя жизнь последнего кокандского хана Худаяра. Ежегодник Ферганской области, т. 2, Новый Маргелан, 1903, с. 78—117).

² Единственный сын Мукими — Акбар-ходжа умер в 1919 году.

Дано мне право жечь, топтать, крушить,
Дано мне право головы рубить.

Я захочу — и покараю вас,
Я захочу — и обласкаю вас».

Такой речью устрашает дехкан один из двоих чиновников, прибывших для обмера полей. Другой вторит ему:

«По вашим землям твердою стопой
Пройду и покажу, кто я такой.

.....

Пусть знают дети потаскух меня!» —
Так говорит он, не сходя с коня...

Правда, «голова рубить» больше уже не разрешается, но дехкане, по-прежнему бесправные и забытые, торопятся дать взятку грозным «землемерам», а тем только того и нужно. В целом — то же царство беззакония и произвола, беззащитное ограбление бедняков, что и прежде; почти ничего не изменилось при новом режиме:

Кто правит — тот и прав; мы — никогда...
И в этом наша главная беда.

Такой безрадостный вывод — а он впоследствии варьируется во многих стихотворениях Мукими — свидетельствует о крушении надежд, знаменует глубокий духовный кризис, пережитый поэтом в то время. Более чем вероятно, что он, как и немалое число его современников (прежде всего горожан, занятых ремеслами и торговлей, особенно международной), надеялся, что с приходом русских, положивших конец ханским междоусобицам, воцарится законность и справедливость в общественной жизни.

Действительность во многом обманула эти ожидания. В последующие годы Мукими еще множество раз пережил крах самых сокровенных надежд; к нему — непримиримому врагу всяческой несправедливости — жизнь была поистине безжалостна. И поэт мужественно смотрел в глаза судьбе:

Искать заставит падишах — меня ищите вы.
Мне имя — Скорбь. Где скорбь в очах, там и ищите вы.

Мне имени другого нет. Меж тех, кто от беды,
Как сорванный тюльпан, зачах, меня ищите вы.

.....
Уж если сердце вам велит скитальца отыскать —
Среди людей, чья жизнь в цепях, меня ищите вы.

(«Ищите»)

В другом стихотворении («Моя судьба») он как бы подводит итог прожитому:

Мне удачи, к сожаленью, не дала моя судьба,
Мне одни лишь огорченья принесла моя судьба.

Всё застлала пыль печали. Зеркало души моей
Черной пылью неудачи замела моя судьба.

Мотивы скорби, безысходности звучат во многих произведениях Мукими как лирического, так и социально-обличительного характера. Обстоятельства жизни поэта, как и современная ему действительность, способствовали развитию меланхолических свойств его натуры.

Однако пессимизм представляет собой лишь одну, притом не доминирующую, черту мировоззрения поэта. Мукими был наделен горячей любовью к жизни и людям, одарен темпераментом борца. И со злом, опутавшим жизнь, он не мог примириться.

Потерпев неудачу на служебном поприще, Мукими, как сказано, сделался паромщиком. Но и тут он не ужился. В стихотворении «Мухаммас о жителях Акджара», созданном, вероятно, в ту же пору, он без пощады высмеял и паромщиков, и жителей приречного кишлака — хвастунов и стяжателей, с пустыми душами и сварливым нравом. Мукими и в дальнейшем никогда не приукрашивал среду, в которой жил, гневно обличал социальные пороки, кто бы ни был их носителем — бай, чиновник или же последний бедняк.

Насколько известно, в последующие годы Мукими больше уже не пытался найти себе постоянную службу. Средства к существованию, помимо случайных заработков, он добывал перепиской — ведь он был искусным каллиграфом. Приходилось, по-видимому, пользоваться также материальной поддержкой со стороны благотворителей — состоятельных кокандцев, в чьих убеждениях он находил известные точки соприкосновения с собственными взглядами. Расставшись с женой, Мукими с маленьким сыном остался без крова. Тогда один из богачей, покровителей Мукими, по имени Хазрат-Сатвалды, предложил поэту поселиться в построенном им медресе Джанаби-Хазрат (где Мукими, по некоторым сведениям, учился одно время в юности), хотя это было нарушением правил. Предложение было принято. Мукими с сыном

поселился в тесной келье, в самом конце левого крыла величественного по тем временам здания.¹ Здесь, в чрезвычайно стесненных материальных условиях, он провел остаток жизни. И здесь скончался 25 мая 1903 года от малярии, которой страдал с детства.

За почти двадцатилетний период отшельнической жизни Мукими совершил несколько поездок — в Ташкент (в 1887—1888, 1892 и 1899 годах), а также по многим городам и селеньям Ферганской долины. Эти странствия расширили кругозор поэта, обогатили его духовный мир, дали обильный материал для стихов. Цикл «путевых очерков», в узбекской поэзии новаторских как по замыслу, так и по выполнению, написанных в непринужденной манере, представляет собой замечательный образец содержательной и острой сатиры, социальной и нравоучительной. Поэт с горечью и негодованием обличает бессовестных богачей, мздоимцев из числа власть имущих, а также людей порочных, негостеприимных, вздорных и суетных.

Четверть века — с конца 70-х годов и до смерти — была у Мукими порою творческого расцвета. Большинство его стихотворений создано в это время. По-видимому, уверовав еще юношей в свое поэтическое призвание, он не только усердно изучал труды классиков поэзии, но также искал среди окружающих и находил тех, кто был ему близок по интересам и устремлениям, по взглядам на жизнь.

Как сказано выше, город Коканд еще с конца XVIII столетия был одним из центров литературной жизни в тогдашней Средней Азии. Несмотря на тяжкие потрясения — внутренние смуты, нашествия извне, — здесь не прекращали писать и распространять стихи многочисленные поэты, иные из которых, например уже названные Махмур, Гульхани, Фазли, ханша-поэтесса Надира, — пользовались широкой известностью еще при жизни. Искусством складывать стихи владели очень многие; следует помнить, что стихи были почти единственной формой литературного творчества — художественной прозы, а также драматургии не существовало ни тогда, ни прежде. Этим объясняется, что искусство версификации, формальное владение приемами стихосложения издавна стояло, тем более в среде образованных людей, на весьма высоком уровне. Те, кто испытывал особенно сильное влечение к литературе и обнаруживал выдающийся талант, становились в определенном смысле поэтами-профессионалами, именно в таком качестве приобретали известность и даже получали за свою литературную деятельность некоторый доход — в виде денег или ценных подар-

¹ Здание существует в Коканде по сей день; его левое крыло — мемориальное, посвященное Мукими, отделение Кокандского литературного музея. Келья (худжра) поэта восстановлена в своем первоначальном виде.

ков, преподносимых богачами, влиятельными лицами (такие доходы, однако, не были постоянными, и основным источником средств существования для поэта всегда оставались занятие ремеслом, торговля, служба государству или частному лицу и т. д., чем в немалой степени определялась их принадлежность к тому или иному сословию).

Поэты, как признанные, так и начинающие, составляли неофициальные сообщества — кружки, членов которых объединяла прежде всего личная дружба, взаимная приязнь, а также близость или общность взглядов (о последнем, в условиях общественной отсталости и косности, следует судить с большой осторожностью). Подобного рода кружки включали в свой состав не только собственно поэтов, но и вообще образованных людей, любителей и ценителей поэзии, а также искусств, прежде всего музыки. Обо всем этом несколько позже рассказал в своей автобиографии другой замечательный узбекский поэт — Фуркат, младший современник и друг Мукими. Вот как он описывает литературные занятия кокандского кружка поэтов в начале 80-х годов:

«Когда часы моего возраста отсчитали двадцать четыре года, я уже дружил с образованными талантливыми людьми Коканда и находил много полезного в беседах с ними. С выдающимися поэтами Мухи, Мукими, Завки и Нисбати мы постоянно собирались и устраивали поэтические состязания — мушоира. Выбрав какую-нибудь газель, мы выражали одну и ту же мысль разными способами. . . Иногда писали газели, восхваляющие любовь и красоту, или, взяв шутивную газель из диванов древних поэтов, писали на нее ответы — мухаммасы. В наших беседах охотно участвовали и другие мастера поэтического слова. Если кому-нибудь из нас удавалось создать хорошую газель, то люди, обладающие литературным вкусом, просили экземпляр, чтобы переписать для себя».¹

Характерно, что среди видных поэтов своей среды Фуркат в одном ряду называет как Мукими и Завки — сатириков демократического толка, так и Мухи, впоследствии зарекомендовавшего себя реакционером. Подобная недифференцированность была, очевидно,

¹ Автобиография на родном языке была напечатана в «Туркестанской туземной газете» (Ташкент), в одиннадцати номерах за январь — июнь 1891 года. В переводе на русский язык вышла в 1896-м году (Н. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы, Ташкент, 1896, с. 243—263: «Автобиография кокандского поэта Захирджана Фирката»). Мы, следуя традиции современных изданий, цитируем по ее новому переводу К. Громатовича (Ф у р к а т, Избранное, Ташкент, 1963, с. 339—361: «Автобиографические воспоминания кокандского поэта Закирджана Фурката», с. 355), который, однако, является менее полным сравнительно с переводом Остроумова.

характерной для того времени. Отметим еще, что Мукими был связан личной дружбой со своими современниками — поэтами-просветителями Надимом из Намангана, Альмаи из Ташкента. Можно, таким образом, говорить о литературной среде в достаточно широких географических пределах, поставить вопрос о том, как эта среда повлияла и на совершенствование поэтического таланта и на формирование убеждений Мукими (также Фурката). Недостаточная изученность соответствующего историко-литературного материала не позволяет дать исчерпывающий ответ на этот вопрос.

Краткое свидетельство из автобиографии Фурката дает представление лишь об одной стороне поэтического творчества Мукими в зрелые годы — стороне далеко не главной и не самой характерной. Естественно, что кокандские поэты, следуя многовековой традиции, состязались в подражаниях классическим образцам, писали и сами же читали, распевали во время дружеских пирушек газели, обильно уснащенные привычными образами, гиперболами, сравнениями бровей красавицы с луком, ресниц — со стрелами, уст — с бутоном или рубином, волос — со змеями и т. п. Подобного рода упражнения были хорошей школой поэтического мастерства, помогали овладеть его формальными приемами. Наследие Мукими включает огромное количество подобного рода произведений — газелей, мурабба, мухаммасов; лучшие из них, как уже сказано, приобрели широкую популярность, сделались народными песнями. В таких стихах внимание современного исследователя и читателя привлекает прежде всего то, что помогает раскрытию сложного и богатого духовного мира поэта, что ставит его выше современников и собратьев по искусству, представляет ломкою традиций, новым словом в развитии поэзии.

Мы уже приводили строки стихов Мукими, в которых выражена его глубокая, почти безысходная скорбь, порожденная всем тем, что поэт видел в окружающем мире, в современном ему обществе, а также тем, что он переживал лично; количество подобных примеров можно умножить. Интересно, что в лирические стихотворения Мукими, повествующие о традиционно-поэтической (то есть чаще всего воображаемой) неразделенной страсти к жестокой и вероломной красавице, органически входят строфы очень реалистические, обнажающие социальное неравенство, которое разделяет людей, делает одних счастливыми, других несчастными:

О, если бы я только был и счастлив, и богат,
Чтоб ты могла счастливой стать! . . . Жизнь за тебя отдам!

.....

Богатство отдал бы тебе. Как жаль, что я бедняк!
И где же мне богатство взять? Жизнь за тебя отдам!

(«Жизнь за тебя отдам»)

Или — еще более острое противопоставление двух ступеней социальной лестницы:

Когда к тебе приходит гость в халате золотом,
Зачем склоняся его встречать, влюбленного в тебя?

Когда к тебе приходит гость в одежде бедняка,
Зачем тогда не замечать влюбленного в тебя? . .

(«Влюбленный в тебя»)

В традиционную форму обращения к возлюбленной Мукими вкладывает глубоко личное содержание, создавая в то же время образ поэта, находящегося в разладе с окружающим миром:

Бездомного такого где ты встретишь бедняка?
Судьба не милует меня, скупа ее рука.
Искал приятелей-друзей — их не нашел пока.
Просил лекарства твоего — в душе одна тоска!
Как тонкобровой передать: «Я от тоски горю!»

(«Я от тоски горю»)

В лирических стихах Мукими множество строк и строф, преисполненных, при всей традиционности их формы, неподдельного, искреннего чувства. Любовь для поэта — не только источник мучений, но и чистый родник самых светлых и радостных ощущений, возвышающих человека, согревающих душу. Изображение любовного чувства у Мукими противостояло нормам религиозной морали.

Относительная скудость сведений о жизни Мукими не позволяет ответить на вопрос, в какой степени его любовная лирика была отвлеченной, беспредметной и в какой степени — вдохновлялась действительными событиями его личной жизни. Исследователи полагают,¹ что мухаммас, начинающийся словами «Ты павой выступаешь . . .», посвящен девушке по имени Офарин, поэтессе, ученице Мукими. Мукими якобы сватался к девушке, но получил отказ от ее

¹ См.: Л. Климович, Лирика и сатира Мукими. Вступительная статья к сб.: Мукими. Лирика и сатира, М., 1957, с. 13; см. также с. 359, примеч. 132.

отца, и она была выдана замуж за богача. Вероятно, автобиографический характер имеют и другие лирические стихотворения поэта.

Оптимистическая струя в лирике Мукими звучит не менее отчетливо. Поэт призывает к мужеству и стойкости перед лицом невзгод; источник духовных сил для него не только в любви, но и в преданной дружбе:

Опять весна, и зелен сад, цветы со всех сторон.
Друзья, пусть грянет полных чаш веселый перезвон!

Святая дружба — дар небес, она — сердец бальзам.
Когда вокруг тебя друзья — ничем ты не стеснен.

(«Ранняя весна»)

Жизнелюбие поэта, резко отмежевывающее Мукими от реакционеров-святош, отрицавших земную жизнь с ее радостями, вдохновляет его на строки эпикурейского звучания:

Эй, приятель, для души гости очень хороши!
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

(«Смейся, друг, и пляши»)

Поэт убежден, что каждый человек достоин счастья и благоденствия; он искренне, всеми силами души желает, чтобы зло и горе на земле исчезли:

Пусть тюльпан не увядает, не страдает никогда!
Пусть струна во время пира не смолкает никогда!
Пусть никто своей святыни не теряет никогда!
Пусть никто вдали от милой не пылает никогда!
Пусть, подобно мне, влюбленный не рыдает никогда!

(«Пусть тюльпан не увядает»)

Лирика Мукими чрезвычайно богата и красочна по форме, проникнута философским смыслом. В ней сильны мотивы гуманизма, оптимизма, она чужда мистике; в ней отчетливо звучат реалистические ноты. Все это делает Мукими новатором в области лирики, выводит его в первый ряд мастеров, классиков узбекской поэзии. Однако по-прежнему непревзойденным был и остается Мукими в области социальной сатиры в стихах.

Выше говорилось об исторических обстоятельствах, обусловивших острый интерес у молодого Мукими, как и у многих его современни-

ков, к проблемам общественного устройства, добра и зла, правды и лжи в отношениях между людьми. Усилению такого внимания в высшей степени способствовал весь ход социально-экономического развития Ферганской долины после присоединения к России.

Край густонаселенный, сказочно изобильный, благодатнейший в отношении природных богатств, Фергана была неплохо известна российским купцам уже с начала XIX века. Торговля между Ферганой и соседними странами неуклонно росла даже в периоды смут. С завоеванием Ташкента Россия заняла господствующее место во внешней торговле Ферганы. Богачам, торговцам открывались новые возможности для наживы. Это усиливало угнетение земледельцев, скотоводов и ремесленников со стороны феодалов и баев. Русское завоевание ликвидировало политическую власть феодалов и ханов, урезало наследственные уделы. С другой стороны, торговля с Россией сделалась беспрепятственной, беспошлинной, поскольку не стало границ. Появилась возможность интенсивно эксплуатировать природные ресурсы, развивать в широких масштабах хлопководство. С лихорадочной быстротой в Фергане начал расти, обогащаться класс капиталистов — торговцев и предпринимателей. Пришлый из центральных губерний капитал смыкался в рыночной конкуренции с быстро нарождающимся местным капиталом. Русская администрация вводила новые законы, стремилась упорядочить общественную жизнь, опираясь на догмы ислама и традиции населения, оберегая права привилегированных слоев.

Однако действенность новой системы управления была с самого начала парализована: народные массы оставались к ней равнодушными; те же, кто эту систему воплощал, использовали ее главным образом в целях личной, самой бессовестной наживы. Усиливалось налоговое бремя. Неслыханно обогащались ростовщики. Разоренные дехкане сбывали за гроши или бросали свою землю, шли в города — на хлопкоочистительные, маслобойные заводы, число которых росло и росло. Так начал складываться рабочий класс.

Разгул низменных страстей, беззакония, всеобщий подкуп и надувательство, обычные для набирающего темп капитализма, вызывали недовольство народа, протест у тех, кто выступал выразителем его идеологии. В тот начальный период формирования капиталистических отношений в Туркестане зачастую ими становились представители местной интеллигенции, вышедшие из народа и не порвавшие с ним. Именно такими людьми были кокандские поэты — современники Мукими, составлявшие кружок, о котором говорилось выше со слов Фурката.

В какой-то момент, возможно в 80-е годы, среди поэтов Коканда

наметилось расслоение: Мукими, Фуркат, а также Завки, Нисбати и некоторые другие образовали, по современным понятиям, демократическое направление; в творчестве этих поэтов мотивы социальной сатиры проявились особенно отчетливо, благодаря чему они быстро завоевали и широкую популярность и сочувствие простых кокандцев. Противоположное направление представляли поэты, группировавшиеся вокруг мецената, крупного торговца Шейх-Сулаймана Афгани. В своих стихотворениях они утверждали верность догмам религии, открыто защищали устои общества, основанного на неравенстве; в отношении формы стихов они являлись тенденциозными консерваторами. В эту группу, видимо, перешел, порвав с прежними друзьями и единомышленниками, поэт Мухи, которого Мукими в эту пору неоднократно высмеивал в своих стихах. Со своей стороны поэты реакционного крыла не только отвечали тем же, но и всячески преследовали, травили своих идейных противников, не пренебрегая даже клеветой. Мукими страдал от этих нападков более других, что может служить свидетельством его значения среди поэтов демократического толка.

В Коканде, а также во время поездок в соседние города и кишлаки поэт внимательно наблюдал жизнь, все глубже постигая ее пути, движущие пружины. Мукими глубоко сокрушался, видя, как торжествует неправда, и против нее ополчился всею мощью своего поэтического таланта. Он широко использовал стихотворную форму *маснави* — двестишый, где либо строки зарифмованы попарно, либо четные строки связаны сквозной рифмой; маснави издавна применялась в эпических стихотворных повествованиях, дружеских посланиях и т. п.

Сатирические произведения Мукими создавал не только в форме газели, но и мурабба, и мухаммаса, что для той эпохи являлось новаторством. В значительной степени расширив тематику сатиры в стихах, Мукими пользовался языком, близким к народному, вводил в поэтическую речь слова, обозначающие бытовые и социальные (в том числе новые для узбекского общества) понятия. Сатире Мукими свойственны живость, хлесткая насмешка, ядовитая ирония. В этом отношении его творчество смыкается с фольклором горожан.

Поэтические жанры и формы, используемые Мукими, были привычными для слушателей и читателей, к которым поэт обращался. Стихотворение, которое ему казалось удавшимся, — газель, клеймящую взяточника-волостного, или мухаммас, ядовито высмеивающий неуклюжие и разорительные для народа потуги уездной администрации в борьбе с эпидемией, — поэт сперва читал у себя дома (то есть в келье медресе), в узком кругу друзей. Если нравилось — стихи тут же переписывались слушателями. Друзья несли новое стихотворение

своим друзьям, те — своим. За какие-нибудь сутки оно оказывалось размноженным в десятках и даже сотнях экземплярах. И утром люди находили бумажные листки с новой сатирой на воротах и стенах домов, лавок, мечетей, просто на улицах...¹ Таков был единственно возможный в ту пору способ общения поэта с теми, чьи мысли и чувства он выражал, один из способов борьбы против социальной несправедливости.

Мукими ненавидел тех, кто, будучи облечен властью, беззастенчиво грабил народ. Изобличению подобных людей, раскрытию пороков всей системы управления посвящены его широко популярные стихотворения: «Землемеры», «Выборы», «Мингбаши», «Асраркул» и др. Ему было ясно: власть всегда на стороне богатых. Маснави «Случай с одноглазым Ашурбаем-хаджи», в основу которого, возможно, положен реальный эпизод, он заключает такими безнадежными строками:

Оправдан будет бай наверняка:

Цена какая слову бедняка!

Нужда — косноязычный адвокат.

Богатство — вот отличный адвокат.

Стихотворение это, кстати сказать, в виде исключения было напечатано незадолго до кончины поэта в официальной краевой «Туркестанской туземной газете».² При жизни стихи Мукими печатались в той же газете еще несколько раз, а первый тоненький сборник его произведений был издан лишь в 1907 году. Многие стихотворения поэта при его жизни включались в различные рукописные сборники (*байзы*); известны также рукописные собрания (*диваны*), целиком состоящие из его стихов. Но больше всего популярности Мукими спо-

¹ Обо всем этом уже в советское время исследователям (в частности, кокандскому поэту Чархи) рассказывали сверстники и друзья Мукими. Эти сведения перекликаются с тем, что сообщает в своей «Автобиографии» Фуркат (см. с. 17). Свидетельство Фурката, однако, относится к более раннему периоду, когда Фуркат еще жил в Коканде и молодые поэты — в том числе Мукими — совершенствовались во владении формальными приемами мастерства. Слушателями и распространителями сатирических стихов Мукими, по свидетельству современников, являлись друзья и почитатели Мукими не только из среды литературной, среди них было много неимущих горожан, соседей по кварталу.

² Дословное (в переводе) наименование этой газеты, издававшейся в Ташкенте на узбекском языке в 1870—1917 годах, — «Газета Туркестанского края». Мы сохраняем переводное наименование, бывшее прежде официальным и оставшееся традиционным в специальной литературе.

собствовало непосредственное общение с теми, к кому было обращено его поэтическое слово.

В узбекской поэзии до Мукими изредка встречались сатирические произведения, обличающие лихоимцев-правителей или ханжей-святош; знала она и горестное раздумье в стихах над бедствиями родного края. В Коканде, как мы уже говорили, поэтами, в чьем творчестве отчетливо звучали гражданские мотивы, были Машраб, Гульхани, Махмур. Заслуга Мукими в том, что он в огромной степени расширил тематику и богатство форм стихотворной сатиры, возвысился до смелых обобщений. В его сатирических произведениях люди труда увидели воплощенными свои собственные чувства недовольства и протеста против социальных зол, когда власть у того, кто с деньгами. Этим-то «рыцарям наживы» посвящены наиболее значительные из сатирических произведений поэта. Сюда относятся стихи, составляющие цикл о проделках «Виктор-бая»,¹ реально существовавшего дельца, прославившегося в начале 90-х годов своими жульническими махинациями. Тесно примыкает к этому циклу и «Новоявленный бай», герой которого предстает жалким и смешным в своих претензиях на богатство и могущество, но также зловецким в своей изворотливой наглости и двуличии. «Новоявленный бай» и «Вексель» вскрывают механику обогащения одних и разорения других; это первые в узбекской поэзии образцы социально-нравственного анализа общественных отношений своей эпохи, сделанного первоклассным поэтом и знатоком народной жизни. Сюда же следует отнести «Года этого плоды», «Семена хлопчатника» — картины всенародных бедствий, порождаемых несовершенством общественного устройства.

Выросший в среде тружеников, воспитанный на высоких нравственных идеалах, завещанных классиками восточной поэзии, Мукими всегда был непримирим ко лжи, обману, лицемерию, в какой бы сфере они ни проявлялись. Сын своей эпохи и своего окружения, он оставался верующим мусульманином как внешне, так, по-видимому, и в душе. Тем не менее в своих стихах он без пощады обличал жадных и развратных святош, для которых религиозное благочестие становилось лишь маской; особенно доставалось ишанам, шейхам, самовластно распоряжавшимся общинами тех, кто им покло-

¹ Широко популярны стихотворения Мукими, образующие циклы, каждый из которых, согласно поэтической традиции, как бы варьирует одну и ту же тему (например, «Прделки Виктора», «Арба», «Грязь» и др.). Такие циклы характерны именно для творчества Мукими.

нялся. Об этом красноречиво свидетельствуют сатиры «Святой», «О мой ахун!», «Где же ты?» и некоторые другие.

Сатиры Мукими зачастую поражают своей резкостью, смелой прямолинейностью. Однако, по-видимому, в ряде случаев, не желая навлекать на себя попреки или прямые гонения, поэт прибегает к искусному вуалированию своих мыслей. Так, может быть, следует читать «между строк» «Порицание лягушкам», «Порицание москиту», «Мухи», возможно также «Ветер налетел», стихи циклов «Жалоба на лихорадку», «Грязь». В самом деле, в нижеприведенных строках, кажется, имеется в виду вовсе не москит в прямом смысле слова:

Он занес копые и колет, нет защиты от него.
Кровопийца — знать не знает сострадания москит.

Бедняки и богатеи — для москита все равны.
Даже с муфтием сразиться в состоянии москит.

Мукими взмолился: «Боже, от него освободи
Наши города и села!» Наказание — москит!

(«Порицание москиту»)

В подобных произведениях Мукими предстает мастером иносказания — «эзопова языка». «Москит», для которого равны бедные и богатые, — это, может быть, наглый вымогатель, мулла, странствующий «святой» или же представитель местной администрации, судья или полицейский, который «кормится» от поборов с правого и виноватого.

Близки к явно иносказательным и во многом смыкаются с ними стихотворения циклов «Арба», «Конь», отчасти — «Фонарь». Здесь мы вступаем в сферу юмора Мукими. Можно, вслед за некоторыми исследователями его творчества, согласиться с тем, что в стихах циклов «Конь» или «Арба» поэт в образе хилой, но строптивой клячи, либо в образе допотопной, неуклюжей телеги представляет невежество и косность, безнадежную социально-культурную отсталость родного края. Несомненно, однако, что в этих и подобных образах весьма силен элемент комизма, так сказать, «чистого», не обязательно сатирического. Стихи такого рода могли писаться «на случай», по чьему-либо заказу, или же слагаться на дружеском состязании поэтов. Чувство юмора, высоко ценимое узбекским народом, было в большой степени присуще Мукими: он испытывал потребность смеяться и смешить не только с целью обличения. Он порой вышучивал даже своих близ-

ких друзей, например в стихах цикла «Безбородый» — бедняка-музыканта Исмаила-ата, всеми уважаемого и широко популярного. На взгляд читателя наших дней иные из шуточных строк Мукими кажутся грубыми, излишне натуралистичными. Но Мукими, естественно, стремился удовлетворить вкусы своей среды. В своих юмористических стихотворениях он использует средства, характерные для песенного фольклора современных ему горожан и дехкан, с нашей точки зрения — средства так называемого «физиологического юмора», сегодня, да еще в достаточно близком к подлиннику переводе, представляющиеся нам подчас однозными. Следует подчеркнуть, что и в откровенно юмористических стихотворениях Мукими умеет создать образ, насыщенный социальным содержанием (к примеру, образ «безбородого» — кроткого душою музыканта, страдающего от нищеты и людской черствости), вызывающий сочувствие читателей.

Мукими, большой поэт, человек передовых взглядов, горячо желал своей родине благоденствия и процветания. Присоединение к России, хотя и свершившееся насильственным способом, все же создавало для узбекского народа возможности для значительно более интенсивного социально-экономического и культурного развития, открывало доступ к русской и мировой культуре. Это понимали (пусть не сразу и не в полном объеме) передовые люди в Средней Азии, на глазах которых присоединение совершилось; и Мукими, без сомнения, стоял в их ряду. Правда, у него чрезвычайно редко можно встретить открытое прославление того нового, что принесли с собой русские; стихотворение «Похвала печи» выглядит в этом смысле исключением. Зато многие черты косности, отсталости, примитивной грубости в общественной жизни и в быту родного народа стали казаться ему нестерпимыми, отвратительными, заслуживающими осмеяния и уничтожения, и в этом следует видеть первые попытки переосмыслить многое в образе жизни узбекского народа в сопоставлении с нормами и образцами передовой русской культуры. Такая тенденция проявляется в стихотворениях уже упомянутых циклов «Арба», «Грязь» (возможно также «Конь»). Мукими едко высмеивает увеселения и забавы — охоту с ястребом («Кийгирчи») и в особенности козлодрание («Улакчи»), способствующие развитию низменных страстей. В своих посланиях (традиционный жанр, во все времена использовавшийся поэтами для выражения своих философских, этических воззрений, дружеских чувств, любви к родине и т. п.) Мукими с глубокой убежденностью говорит о пользе наук и просвещения, притом не только просвещения мусульманского: так, он с похвалой отзывался о сотрудничестве Фурката в ташкентской газете.

Мукими, как мы видим в его стихах («Года этого плоды»), не делал скидок местным властям, когда их руками творился произвол, наносился вред людям. Но поэт умел быть объективным и по достоинству оценивал те действия русской администрации, которые способствовали экономическому и культурному развитию края. Одно из немногих, но красноречивых тому свидетельств — маснави о землетрясении в Андижане в декабре 1902 года, появившегося в печати за несколько недель до кончины поэта.

Мукими был одним из тех, кто в переломную для истории узбекского народа эпоху открыл для узбекской поэзии — дотоле далекой от реальности, стесненной рамками придворно-феодалных традиций, религиозной идеологии, — новые горизонты, направил ее по пути служения интересам трудового народа, выражения его идеалов. Сатира Мукими клеймила произвол властей, гнет богатых, объективно способствуя формированию идей социального протеста. Его лирика вошла в золотой фонд узбекской поэзии, стала рядом с лучшими памятниками многовекового фольклора и классики.

8

Фуркат — арабское слово, означающее «разлука», — поэтический псевдоним Закирджана, сына Халмухаммада. Будущий поэт родился в Коканде в 1858 году, его отец — бедняк-кустарь, занимался также мелкой торговлей.

Уже в зрелые годы Фуркат, в отличие от своих современников-поэтов, составил и опубликовал на страницах «Туркестанской туземной газеты» автобиографию,¹ правда довольно краткую и охватывающую период лишь до конца 80-х годов. Все же она дает немало сведений, ценных своей достоверностью, и потому служит, наряду с произведениями поэта, надежным и полезным источником.

Детство и юность Фурката мало чем отличались от того, что пережил в соответствующую пору, скажем, его земляк и старший современник Мукими. Как и многие городские мальчики, Закирджан учился в мактабе, причем учился, по его собственным словам, весьма усердно и еще в детстве начал самостоятельно читать произведения Навои, Хафиза, Бедиля, Аттара, Физули — как на узбекском языке,

¹ См. выше, с. 17 (в дальнейшем ссылки на нее в тексте — указания на страницы издания: Фуркат, Избранное, Ташкент, 1963.) Биография поэта до сих пор в узбекском литературоведении разработана сравнительно слабо, специальные монографии отсутствуют.

так и на азербайджанском и на распространенном в Коканде таджикском. К этому же времени относятся его первые опыты в сложении стихов. Интерес к литературе, а также поэтические способности выявились у Фурката в раннем возрасте, и судьба благоприятствовала развитию того и другого. После окончания мактаба юноша получил возможность учиться в медресе у себя же на родине. Продолжается работа над стихами — обстановка медресе этому в высшей степени способствует. Но, как явствует из автобиографии (с. 353), события 1876 года помешали продолжению учебы. Фуркат возвратился к отцу, помогал ему в житейских хлопотах. Вслед за тем дядя по матери пригласил его к себе в Новый Маргелан — только что возникший центр русской администрации в Фергане. После длительных колебаний Фуркат принял приглашение родственника.

Юноша Закирджан — будущий Фуркат — был очевидцем и современником событий ханских времен, междоусобиц и восстаний, потрясавших Коканд, затем прихода русских войск. В его поэтическом творчестве, однако, мы не обнаруживаем интереса к событиям, развертывавшимся у него перед глазами.¹ Только в уже упоминавшейся «Автобиографии» (с. 353) Фуркат кратко и в неодобрительном тоне повествует о смутах 1873—1876 годов: «Киргизские и кипчакские племена, не соблюдая своих верноподданнических обязательств Коканду, на доброе к ним отношение ответили изменой. . . Кипчакские и киргизские войска вторглись в Кокандский вилайет и подняли великую смуту. . . Страна подверглась захвату. . .» и т. д. Подобный тон, односторонность в оценке событий — не случайны, как мы увидим ниже.

«Автобиография» дает самое общее представление и о том, как складывалась жизнь поэта в первые годы после присоединения Коканда к России, содержит намек (с. 354) на то, что процесс сближения с чужеземцами, к тому же «кяфирами», утвердившими свою власть силой оружия, был отнюдь не легким для самого Фурката, как, разумеется, и для многих его соотечественников. Даже в 80-е годы поэт не считает нужным умолчать о следующем: «Мой дядя по матери переехал в Новый Маргелан и открыл там лавку. Он вызвал меня к себе, но я, остерегаясь русских, отказался ехать. В то время, даже увидев русского на базаре, я убежал или обходил его стороной и не любил людей, разговаривавших с русскими».

Дальше говорится о том, что три года спустя, под влиянием рассказов родственника, страх перед пришельцами у Фурката исчез.

¹ Поэтическое наследие Фурката, как и Мукими, пока нельзя считать полностью выявленным.

Эти признания следует считать чрезвычайно важными свидетельствами того, сколь сложным в социальном и психологическом отношении был на ранней стадии процесс установления контактов между двумя народами, постепенно, не без трудностей, переросших в тесное сотрудничество, а затем, уже в советское время, в нерасторжимую дружбу и братство. Фуркат и его поколение, следовательно, выработали свое отношение к русским не без внутренней борьбы, преодолевая недоверие и страх, инерцию привычек и т. д. Нужно ли доказывать, что в духовном облике человека ценным и прочным является лишь то, что в большей или меньшей степени этим человеком выстрадано, выношено? Еще важнее помнить это, когда речь идет о большом поэте, чей духовный мир — отражение чувств и мыслей народа.

Несколько лет жизни в Новом Маргелане были, по-видимому, периодом вынужденного отхода Фурката от поэзии; в это время он служит в лавке у дяди, берет уроки богословия, выполняет также обязанности писаря уездной канцелярии (благодаря чему, видимо, сближается с верхами администрации, в частности с генерал-майором А. К. Абрамовым, отличившимся в войнах с Бухарой и горными бекствами). В это же время Фуркат женился.¹ Самое важное значение имеет тот факт, что в новомаргеланский период жизни Фуркат сумел собрать средства на то, чтобы в будущем сделаться торговцем, обрести материальную самостоятельность — до такой степени, что он мог не только свободно ездить по городам Узбекистана, но и совершить в 90-е годы длительное путешествие через весь Туркестан и Кавказ, в Турцию, Болгарию, Грецию, затем в Аравию и Индию; оттуда он направился в Западный Китай (Синьцзян, или Китайский Туркестан) и поселился в городе Яркенде, где также, по-видимому, до конца дней занимался торговлей.

Итак, по своему образу жизни, достатку, окружению Фуркат находился в более благоприятных условиях, стоял на более высокой ступеньке социальной лестницы, чем бесприютный бедняк Муками, — несмотря на это, их объединяла искренняя дружба и близость мировоззрения. Условия жизни создавали для Фурката возможность, прежде всего, больше увидеть и постичь в окружающем — притом увидеть под определенным углом зрения, который так или иначе был задан местом и положением поэта в обществе. К примеру, еще в Новом Маргелане, затем в Коканде Фуркат пристально заинтересовался таким неслыханным для старого Туркестана явлением, как газеты. Он стал

¹ В одном из стихотворных посланий уже из Западного Китая, где поэт провел последние годы жизни, он упоминает о своих двух сыновьях.

их читать, что естественно для торговца, жителя русского города, к тому же близко стоящего к администрации; пытался выяснить, как они печатаются, а в дальнейшем, по приезде в Ташкент, познакомился и с хозяином ташкентской типографии, крупным предпринимателем С. И. Лахтиным,¹ и с издателем «Туркестанской туземной газеты» Н. П. Остроумовым. Последний совмещал обязанности редактора-издателя газеты с обязанностями директора мужской гимназии в Ташкенте, в которой любознательный Фуркат в ташкентский период жизни побывал, вероятно, не однажды (чему свидетельства — стихотворения «Гимназия» и «О торжественном акте»).

Знакомство с Остроумовым, а также с видным ученым-востоковедом В. П. Наливкиным и, очевидно, с другими лицами из числа местной русской интеллигенции постепенно все шире открывало перед поэтом доселе невиданный мир русской, а вместе с тем и европейской культуры. Фуркат учится читать и говорить по-русски (Мукими, заметим, русского языка не знал, да и вообще, насколько известно, с русскими общался лишь эпизодически), смотрит спектакли в русском театре, присутствует на выставках, на концертах европейской музыки в Ташкенте... Все это захватывает воображение Фурката, поражает новизною. И это в значительной степени определяет как мировоззрение, так и творческое лицо Фурката-поэта: он становится пламенным пропагандистом просвещения на европейский лад, непримиримым врагом косности и невежества. Таковы преобладающие мотивы его творчества в зрелый период.

Но в молодые годы Фуркат прошел ту же школу поэтического искусства, что и его друзья — Мукими, Завки и другие из числа прогрессивных поэтов Коканда. Мы уже приводили выдержку из его автобиографии (см. выше, с. 17), где говорится о поэтических состязаниях в дружеском кругу, об увлечении классическими образцами. К этому периоду, очевидно, восходит значительное количество произведений, составляющих лирику Фурката. Она занимает большое место в его литературном наследии. Это — совершенные по форме, выдержанные в канонах классики газели, мухаммасы, мусаддасы, варьирующие традиционные темы неразделенной любви, коварства возлюбленной, воспевающие совершенство лика и стана красавицы, когда стан сравнивается с кипарисом, лик — с полной луною и т. д. и т. п. Каждый узбекский поэт, от предшественников Навои до наших современников, сделал свой вклад в сокровищницу тради-

¹ В те же годы этот капиталист, имевший предприятия и в Фергане, сделался объектом сатиры Мукими («Жалоба на Лахтина», также непереведенные «Проделки Виктора»).

ционной любовной лирики, которая неизменно, во все века пользовалась популярностью и широчайшим спросом у народа; в ней следует видеть выражение существенной стороны народного характера и мироощущения. Лирика Фурката, в ее лучших образцах, сделалась всенародным достоянием, завоевала признание всюду, где звучит узбекская речь.

Газели Фурката проникнуты оптимизмом, они зовут радоваться земной жизни. Такое настроение усиливается частыми в них пейзажными картинками:

Если розам весной хорошо средь цветущего луга,
Если каждый в любви обретает любимого друга,

.

Если тучи полны, если душу так радует зелень,
Близ арыков — луга и зеленое пиршество юга,

Если воздух пригож, и прозрачны журчащие воды,
И, бурля в ручейках, волны бьются о берег упруго,

.

А у роз — соловьи, стайки горлиц — в ветвях кипариса
Дивный облик и стан вспоминают, томясь от недуга, —

Что нам райский цветник, да и нужен ли он человеку,
Если этой красотой так богата земная округа?

(«Цветенье весны»)

Здесь, как и в некоторых других газелях («Страстью обуян», «Пришла весна») примечательно, с одной стороны, соблюдение канонической лирики: соловьи с розами, горлицы над кипарисом, который им (и поэту вместе с читателем) напоминает о стане красавицы, и т. д. Но с другой стороны, эти строки — отрицание канона: ведь поэт призывает наслаждаться красотой реального мира, перед лицом которого райский цветник человеку вовсе не нужен! Стихотворение — гимн мирской, посюсторонней красоте, а значит, оно — вызов тем, кто ее отвергает, считает греховной, то есть защитникам религиозного исламского догматизма, проповедовавшим свои воззрения также средствами поэзии. Чтобы усилить впечатляющий эффект газели, Фуркат завершает ее двустийшим-диссонансом, еще ярче оттеняющим светлую радость весеннего пейзажа:

Но в мирском цветнике как Фуркату стать столь же счастливым,
Если дом его стал точно полная скорби лачуга?

Внимание читателя и слушателя не могут не привлечь в лирических стихах Фурката неожиданные и смелые образы большой впечатляющей силы:

Багряный тюльпан в степи — то тень твоего чела
Иль это в степях судьбы — кровавая пиала?

(«Смилуйся!»)

В других стихотворениях поэт как бы намеренно снижает традиционный образ, дает почти пародию на него и тем в высокой степени оживляет, овеществляет картину:

Людям ночью покоя нет — будит их громкий лай собак,
А от стонов моих и псы сбились с ног у ее дверей!

(«Я в прах сожжен»)

Еще пример — вплетение бытовой детали в серию образов традиционной лирики:

И разве прошлую весной не сгнули с позором
Взросшие вокруг тебя, равняться смея, розы?

В охапку их садовник сгреб и на базаре продал,
И поделом погибли все от той затеи розы!

(«Рядом с розой»)

Лирика Фурката включает и мухаммасы, в том числе имеющие основой газели Навои, Физули, Машраба, и мусаддасы, вообще представляющие собой малораспространенный в среднеазиатской поэзии жанр. Стихотворения Фурката выделяются среди лирики его современников своей красочностью, динамичностью; образ возлюбленной в них зачастую реален, воспринимается почти зримо: это живая девушка, чьи черты знакомы и привычны для читателя (к примеру, в газелях «Бог любимую послал мне», «Забрел я в погребок», «Приятней»). В иных газелях нашли отражение скептические раздумья поэта о мире и человеческой судьбе («Ежечасно», «Не найду»), в других — восхваляется красота и богатство родного края («Андижан»).

Мухаммасы и мусаддасы Фурката в идейно-тематическом отношении являются развитием того, что выражено в газелях, — здесь картина более развернутая, богатая красочными деталями, здесь

обычно глубже философское осмысление переживаний поэта. По традиции многие мухаммасы созданы Фуркатом на основе газелей других авторов (как современников, так и далеких предшественников), с которыми поэт вступает в своеобразное состязание, по-своему варьируя, с новых сторон раскрывая и осмысляя намеченную ими тематическую канву. В мухаммасах и мусаддасах Фурката с еще большей силой, нежели в газелях, звучат мотивы слитности поэта с реальным миром (мухаммас «Желает сердце»), поэту свойственно упоение радостями земного бытия:

Трое нас — гуляк бездомных, кабачок нам — целый свет,
У кувшинов мотыльками вьемся, трое непосед,
Одержимы и хмельны мы, от вина впадаем в бред,
Мы забыли кров родимый и мирских не знаем бед!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет! ¹

(«Иных желаний нет»)

В популярном мусаддасе «Отпусти невольницу»² Фуркат в образе пленной, страдающей газели представляет судьбу родного народа, опутанного цепями безжалостной эксплуатации, тщетно порывающегося к свободе.

Судьба далеко не всегда и не во всем была благосклонна к поэту. Жалобы на жестокий и несправедливый рок довольно часты в лирике Фурката; в элегических тонах выдержаны многие газели («Увы!», «Тщетно», «Не найду»), мухаммасы («Судьба», «Я отторгнут»), а также стихотворные послания к друзьям.

В молодые годы, особенно в кокандский период жизни и творчества, Фуркат, сам вышедший из среды трудового народа, оставался близок этой среде, жил ее интересами, вместе с нею остро переживал социальную несправедливость, падение нравов. Сказывалось, очевидно, также влияние старших друзей — Завки и Муками, поэтов

¹ Мотивы хмельного веселья и даже разгула, вина, кабачка и т. д. традиционны в среднеазиатской поэзии, ведут начало от дому-сульманской арабской и шиитской (не слишком благочестивой с точки зрения ислама) иранской культуры. При этом следует помнить, что в действительной жизни кокандцы, средние и бедные горожане, в XIX столетии строго соблюдали запрет на алкогольные напитки. Безудержному пьянству, однако, предавались во дворцах (в особенности хан Мадали со своим ближайшим окружением), что вызывало негодование и резкое осуждение со стороны народа.

² Есть сведения, что в его основе — реальное происшествие, см. с. 366, примеч. 287.

демократического направления. Все эти обстоятельства нашли отражение в творчестве Фурката. Известна, правда, всего лишь одна — зато чрезвычайно острая — его социальная сатира; ее можно поставить рядом с лучшими произведениями Мукими:

Посмотрите на кокандских богачей самовлюбленных —
 тьфу на них!
 Ездят, важно развалившись, в пароконных фаэтонах, —
 тьфу на них!

.

К ростовщичеству, к наживе, несомненно, с колыбели
 вас влечет.
 Прочь от милостыней ваших, преступленьями клейменных, —
 тьфу на них!

Грош — голодному, а сотни тратите на угощенье
 богачей,
 Мулл, ишанов-блюдолизов, чести, совести лишенных, —
 тьфу на них!

(«Кокандским богачам»)

В течение семи лет жизни в Коканде Фуркат напряженно работает — не только пишет много стихов, но и переводит на родной язык с персидско-таджикского; он также продолжает учиться в медресе. Занят он в это время торговлей, кроме того служит писцом на постоялом дворе. Вскоре, однако, ему опостытели эти занятия, зародилось желание странствовать. В 1889 году он направляется в Ташкент, где у него заочные друзья, поселяется в известном медресе Кокельташ в «старом городе». Начинается самый интересный и плодотворный, хотя и краткий, период его творческой биографии.

Ташкент еще в средние века был важным центром торговли и ремесел; этому способствовало его выгодное географическое положение — на рубеже между населенной кочевниками Казахской степью и культурной земледельческой полосой собственно Туркестана. Именно в Ташкенте в середине XIX века было больше, чем где-либо, передовых людей, — прежде всего торговцев, ремесленников, — понимавших, какие политические и экономические выгоды сулит городу и всему краю неизбежное в тех исторических условиях присоединение к России. Действительность, казалось бы, не обманула их ожидания: Ташкент, в 1865 году присоединенный к России, быстро сделался крупнейшим в Средней Азии экономическим и

культурным центром, он стал и центром административным. Именно через Ташкент распространилось по всему Туркестану все прогрессивное, что явилось прямым результатом присоединения, — те достижения науки, техники, культуры, о которых дотоле в Туркестане имели представление лишь одиночки, да и то главным образом понаслышке.

Естественно, что живые, любознательные натуры, энтузиасты цивилизации, которые оседали здесь, приобретали новые знания, учились русскому языку, включались в просветительскую деятельность, начатую передовыми представителями русской администрации. Фуркат был одним из них; образ жизни, настроения, тенденции, круг интересов, черты мировоззрения этого социального слоя нашли яркое отображение в его стихах и публицистической прозе. Притом, являясь большим поэтом, Фуркат в своих произведениях поднялся значительно выше упомянутого слоя: его страстные призывы отринуть вековую отсталость и косность, смело и безбоязненно сближаться с представителями русского народа, учиться у них всему, что полезно людям, — такие призывы явились выражением прогрессивных тенденций, назревших в узбекском обществе того времени в целом. Стихи Фурката, в особенности ташкентского периода (1889—1891), являются, таким образом, ценным историческим свидетельством, материалом для постижения одной из важнейших эпох в истории социально-культурного развития, а также общественной мысли узбекского народа.

Как мы уже говорили, именно газета особенно поразила воображение юноши Фурката. По приезде в Ташкент он, как сказано выше, спешит познакомиться и с издателем «Туркестанской туземной газеты», и с владельцем типографии. А уже на следующий год на страницах газеты появляются произведения самого Фурката («Гимназия», «О празднике песен в Ташкенте»), позже она печатает и его «Автобиографию» (см. выше, с. 17); поэт сотрудничает в газете до конца жизни.

Фуркат становится, по-видимому, близким другом Н. П. Остроумова — видного ученого-востоковеда, знатока Туркестана (и при этом православного миссионера), его многолетним корреспондентом.¹ При посредстве Остроумова поэт приобщался и к миру знаний, к современной школе. Все это захватило его воображение, прочно, на всю жизнь, сделало убежденным ревнителем прогресса, просвещения. Тому свидетельство — стихи поэта; после «Гимназии», «О торжест-

¹ Переводы писем (в прозе) Фурката к Остроумову, а также к другим туркестанским корреспондентам, публиковавшиеся в той же газете, напечатаны в сборнике: Фуркат, Избранное, Ташкент, 1963, с. 364—380. С Остроумовым, возможно при посредничестве Фурката, познакомился также Мукуми.

венном акте», «О достоинствах науки» следовали новаторские для узбекской поэзии стихотворные репортажи-отчеты о промышленно-сельскохозяйственной выставке в Ташкенте осенью 1890 года; эти отчеты также печатались в газете. Во всех подобных произведениях Фуркат использует традиционную форму маснави. По содержанию, на взгляд современного читателя, эти стихи Фурката кое в чем наивны и примитивны; перед нами прямой пересказ виденного, перемежаемый размышлениями автора, выражениями его восторга и т. д. Но все это интересно и ценно как свидетельство того энтузиазма, который вызывали в душе поэта демонстрируемые на выставке достижения науки и техники, человеческого гения и труда. Здесь Фуркат — открыватель новых путей не только в узбекской поэзии, но и в общественной мысли узбекского народа, первый публицист, пропагандист научного и экономического прогресса.

В стихах о выставке, о гимназии и других этого же цикла Фуркат неоднократно возносит похвалы науке, порицает пренебрежение к ней, прямо утверждает, что благосостояние страны и даже ее политическая устойчивость непосредственно зависят от того, насколько почетное место занимают наука и ученые в жизни общества. Такие утверждения были безусловно прогрессивными для своего времени. Пусть через единственную газету, издаваемую властями в небольшом количестве экземпляров, на языке до известной степени искусственном, предназначенную главным образом для узкого круга грамотных низовых служащих из местного населения, — пусть через такую газету передовые идеи Фурката распространялись в узбекском народе; западая в сознание лучших его представителей, эти семена давали всходы уже в последующие десятилетия, когда усложнившиеся общественные отношения породили слой народной узбекской интеллигенции, готовой к борьбе за лучшую долю для родного края.

Что же касается Фурката, то он торжество прогресса науки и культуры непосредственно связывает с ростом могущества России как государства:

А теперь времена наступили благие, —
Наш тепершний век — это время России.

Мощь, величье ее крепнут день ото дня,
Крепнет власть ее, силу законов храня.

Она пестует знания с великим стараньем,
И во всем поступает по их предписаньям.

(«О достоинствах науки»)

Здесь, как и в некоторых других стихотворениях, а также в опубликованных статьях, письмах, автобиографии Фуркат объявляет себя сторонником России в целом; присоединение к ней Туркестана рассматривает как явление безоговорочно положительное; очевидно, ему, как и его современникам, даже наиболее проникательным и образованным, еще не дано было всесторонне постичь сущность государственного и общественного строя России Александра III и победоносцевской реакции. По-видимому, Фуркат не был способен осознать в полном объеме двойственность политики самодержавия в Туркестане: она объективно способствовала социально-экономическому и культурному развитию края, но при этом была направлена ее творцами и проводниками на то, чтобы увековечить темноту, культурную отсталость, политическую инертность местного населения, консервировать всевластие духовенства, укрепить позиции баев и т. д. Фуркат, сблизившийся с кругами ташкентской служилой интеллигенции, даже введенный в «высший свет» (он был неоднократно принят и отличен самим генерал-губернатором, — см. «Автобиографию», с. 346, 360), скоро на собственном горьком опыте убедился, что человек подлинно передовых взглядов, стремящийся проводить их в жизнь, нежелателен и даже нетерпим для тех, кто у власти.

Ташкентский период оказался, против желания поэта, слишком коротким, однако при этом на удивление плодотворным. Сразу же по приезде в Ташкент Фуркат принимается за изучение русского языка — и вскоре уже читает в подлиннике Пушкина и Лермонтова, а затем, по-видимому, переводит некоторые стихотворения русских поэтов. Близко знакомится он и с историей России. Интересует его не только наука, но также искусство: вероятно, одним из первых и притом немногих из числа своих соотечественников он посещает русский театр и даже — что в глазах мусульманских фанатиков выглядело неслыханным отступничеством от догматов веры — музыкальные концерты с участием женщин. Обо всем этом, о своих впечатлениях, раздумьях он также спешит поведать читателям в стихах со страниц газеты. Фуркат, таким образом, был одним из первых популяризаторов европейского светского искусства в среде узбекского народа.

Обращаясь к темам, не свойственным поэзии прошлого, Фуркат обновляет поэтический язык, смело вводит в него множество слов, обозначающих новые для его читателей понятия — из области техники, науки, искусства и т. п. Фурката, следовательно, мы вправе причислить к новаторам в сфере узбекского литературного языка на рубеже XIX—XX веков.

В своих печатных выступлениях в прозе поэт, как и в стихах, призывает соотечественников не чуждаться русских вообще и, в част-

ности, русского искусства, увеселений, общественных собраний, клубов и т. д., хотя это внешним образом и противоречит предписаниям религии.¹

Можно не сомневаться, что подобные высказывания не только возбуждали гнев и раздражение у представителей реакционного духовенства, но в конце концов стали вызывать неодобрение также у покровителей Фурката из кругов администрации. Во всяком случае, когда весной 1891 года поэт навлек на себя недовольство властей тем, что в одном из стихотворений высмеял офицера — генерал-губернаторского адъютанта, да еще сам же и распространил по городу экземпляры этого стихотворения (вспомним Мукими с его сатирами), — доброжелатели посоветовали ему не мешкая покинуть Ташкент.² И Фуркат тотчас направился в Самарканд, к одному из своих просвещенных друзей Мирзе-Бухари, неоднократно бывавшему в России. Может быть, не без нравственного влияния этого человека поэт решился на путешествие за границу; правда, это более походило на бегство — столь поспешно совершался отъезд; вряд ли случайно и то, что его обстоятельства были и остаются невыясненными.

В странствиях поэт провел несколько лет, причем не порывал связей с туркестанскими друзьями, регулярно слал им письма, новые стихотворения; продолжал он печататься и в газете, издаваемой Остроумовым. Произведения зарубежного периода сохранились и стали известны позднейшим исследователям, без всякого сомнения, далеко не полностью. В эти годы Фуркат продолжал писать традиционные газели, нередко навеянные впечатлениями от вновь увиденного и пережитого (например, «Девушка из Кашмира»). Наибольший интерес представляют стихотворные послания (в форме маснави), в которых поэт описывает реальные встречи, а также дает оценку виденному, проявляет живой интерес к общественной жизни, быту народов разных стран, к природе, пейзажу и т. п. Таково прежде всего «Письмо из Бомбея», а также «Греческая легенда», в которой традиционный для восточных сказок, мелодраматический по своему характеру сю-

¹ См.: «Автобиография», с. 346, 360; также: Х. Расулев, Фуркат. Вступительная статья к сб.: Фуркат, Избранное, Ташкент, 1963, с. 10, со ссылкой на «Туркестанскую туземную газету» № 22 от 25 мая 1891 года.

² См.: Х. Расул, Фуркат. Критико-биографический очерк, Ташкент, 1959, с. 90 (на узбекск. языке). Впрочем, Н. П. Остроумов, в своей книжке («Сарты»), вообще уделяющий Фуркату и его стихам сравнительно много внимания, указывает (с. 263, примеч. 2), что поэт отправился в путешествие по своей воле, побуждаемый любознательностью, притом якобы даже не имея средств (?) на длительную и дальнюю поездку.

жет дополнен мотивом христианских духовных легенд (хождение де-вушки, исцеленной от недуга и чудом спасшейся от гибели, по «свя-тым обителям») и притом разворачивается в условиях Средиземно-морья, где поэт только что побывал. В это же время, особенно в последний период жизни, в Яркенде, в поэтических посланиях Фур-ката с неизменной силой звучат мотивы скорби от разлуки с родиной и друзьями («Просьба к ветру», «Письмо из Яркенда» и др.). Тоска по родине выражена и в его письмах, многие из которых были напе-чатаны в газете.

Фуркат, живя в Китае, оставался русским подданным, был бли-зок к русскому консульству в Кашгаре и выполнял поручения рус-ских властей. На родину тем не менее он так и не возвратился, и явно не потому, что этого не желал. В силу неизученности материала можно лишь предполагать, что этому мешали те же причины, кото-рые вынудили поэта уехать за границу.

В это время, в конце XIX столетия и в начале XX, Фуркат, если судить по его произведениям, не изменил своих политических взгля-дов. Он остается патриотом России, причем активно выступает про-тив издававшихся в Индии (распространявшихся в Китайском Тур-кестане) британских газет, которые, критикуя внешнюю политику царизма, стремились также опорочить русскую армию, солдат — участников русско-японской войны. Он пишет и публикует страстное патриотическое стихотворение «О русских солдатах», где, в частности, воспевае доблесть русских войск, выносливость солдат. Военное мо-гущество России всегда восхищало поэта, ему посвящены вдохновен-ные строфы в одном из популярнейших стихотворений ташкентского периода — «О Суворове». Наряду с этим Фуркат в своих статьях клеймит позором британских колонизаторов, развязывавших граби-тельские войны против буров, афганцев; он с восторгом отзывается об афганцах, в том числе женщинах, мужественно сражавшихся за независимость своей родины.

Живя в Яркенде, Фуркат до последних дней не оставлял заня-тий науками, много читал, продолжал изучать русский язык; в одном из писем Н. П. Остроумову он упоминает о своей новой поэме, кото-рую пересылает в Ташкент и надеется увидеть напечатанной в пере-воде на русский язык.¹ К нему часто приезжали друзья и знакомые из России, как узбеки, так и русские. Поэт тем не менее постоянно чувствовал, что он на чужбине; острая тоска по родине угнетала его:

¹ См.: Фуркат, Избранное, Ташкент, 1963, с. 380 (письмо от 4 сентября 1904 года). Поэма осталась неизвестной исследователям.

По отчизне томясь, на чужбине я горе влачу,
Нет спасения мне от напастей, обид и досад. . .

(«Письмо из Яркенда, обращенное к Ташбалту»)

Вынужденная разлука с отчизной не позволяла Фуркату полностью раскрыть свои творческие возможности, отдать все духовные силы тому делу, которое он считал самым важным, — делу культурного сближения узбекского народа с русским, просвещения родного края. Поэт умер, совершив меньше, чем мог бы при более благоприятных условиях жизни и труда.

Фуркат вошел в историю узбекской поэзии как высокоодаренный, энергичный проповедник и защитник идей просвещения, прогресса во всех сферах духовной жизни. Известная историческая ограниченность мировоззрения не помешала ему увидеть, осознать и с большой эмоциональной силой отобразить животрепещущие проблемы своей эпохи — начальной ступени сближения узбекского народа с остальными народами России, эпохи пробуждения народных масс Средней Азии к самостоятельной политической жизни, что стало проявляться с грозной для самодержавия силой уже при жизни поэта. Проникнутая социальными мотивами поэзия Фурката — одно из драгоценнейших сокровищ интеллектуальной деятельности узбекского народа на рубеже двух столетий, памятник этой переходной эпохи.

Заметный след в духовной жизни своего народа оставила также обогащенная элементами реализма лирика Фурката, многие образцы которой широко популярны по сей день, причем не только среди узбеков, но и у соседей — таджиков, казахов, уйгуров.

4

Произведения Мукими и Фурката, крупнейших представителей узбекской поэзии XIX—XX веков, широко распространялись в народе еще при жизни поэтов. Такая популярность явилась выражением той высокой оценки, какую они получили со стороны масс трудящихся — горожан, земледельцев, скотоводов. Отдельные произведения Фурката и Мукими тогда же были напечатаны, а некоторые переведены на русский язык.

Как мы знаем, Мукими и Фуркат не только хронологически принадлежат одной исторической эпохе, не только родились и выросли в одних и тех же местах, но и как поэты сформировались в одной и той же литературной среде, являются представителями, — без сомнения, наиболее выдающимися, — так называемой кокандской поэ-

тической школы. В рамках этой школы, или среды, обоих поэтов смолоду связывала личная дружба, основанная, по-видимому, на значительном сходстве воззрений на жизнь, особенно в ранние годы, когда оба жили в одном городе, часто встречались. Дружба между Мукими и Фуркатом сохранялась до самой кончины первого, даже в разлуке, когда Фуркат оказался вдали от родины. Тому свидетельства — обмен стихотворными посланиями (снова заметим: нам пока известно далеко не все написанное обоими поэтами), неизменный взаимный интерес к обстоятельствам жизни и деятельности друг друга и т. п. Мы видели, в какой степени мировоззрение обоих поэтов оставалось близким в зрелые годы их жизни. Оба ненавидели социальный гнет, всегда готовы были во весь голос, без страха обличить несправедливость, обман, порок. Оба в конечном счете выражали в своем творчестве передовые идеи, явившиеся порождением того нового, что принесло узбекскому народу присоединение к России. Как Мукими, так и Фуркат выступили новаторами, расширившими диапазон использования традиционных поэтических средств, обогативших узбекскую поэзию в целом, лирику в частности, мотивами гражданскими, социальными, реалистическими деталями и художественными обобщениями. Все это роднит обоих поэтов, ставит их имена в истории узбекской литературы на одну, притом высокую ступень.

Вместе с тем в творчестве, как и в мировоззрении каждого из них, отразились как бы две различные стороны общественного бытия и сознания эпохи.

Мукими, в силу специфики своего дарования и несколько иного, по сравнению с Фуркатом, социального положения, отражал преимущественно негативные стороны нового времени. В сатирах, которые являются наиболее интересной областью его творчества, разоблачены пороки, порожденные не только отсталостью, но и цивилизацией, ярым проповедником которой был Фуркат.

Однако Мукими, как это часто бывает с поэтами чисто сатирического склада, не смог противопоставить отрицаемым им явлениям некий позитивный идеал.

«Русофильство» же Фурката было вызвано поисками именно такого идеала.

Современному читателю такие стихи Фурката, как «О торжественном акте», цикл о ташкентской выставке, стихи, навеянные впечатлениями от музыкальных вечеров, и т. д., — могут показаться несколько примитивными. Однако для узбекской поэзии того времени наивный «прозаизм» Фурката был своего рода новаторством. Таким образом, для читателя и исследователя наших дней представляется интересным и поучительным ознакомиться с творчеством Мукими и

Фурката в их сопоставлении, что позволит с различных сторон увидеть и оценить важный этап истории узбекского народа и его литературы.

Живые свидетельства глубоких исторических перемен в жизни края — сатирические газели и мухаммасы Мукими, двуступия на социальные темы Фурката — сами способствовали укоренению передовых идей в сознании массы читателей и этим влияли на общественный прогресс узбекского народа. Многие в системе общественно-политических взглядов Фурката и Мукими, а также в творческом облике того и другого роднит их с деятелями литературы и культуры соседних народов со сходными историческими судьбами: азербайджанцем М. Ф. Ахундовым, казахами Ч. Валихановым и Абаем, таджиком Ахмадом Донишем, татаринном Габдуллой Тукаем. В широком плане творчество обоих поэтов явилось отражением ломки многовекового уклада жизни народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, порожденной вовлечением их в процесс социально-экономического и культурного развития всей многонациональной России.

Передовые идеи, воплощенные в поэзии Мукими и Фурката, были восприняты, развиты, подняты на новый уровень их непосредственными продолжателями, среди которых — Завки, Авлони, Мискин и, наконец, — блистательный Хамза, родоначальник узбекской советской поэзии и драматургии.

Поэтическое наследие Мукими и Фурката на протяжении десятилетий являлось источником идейного обогащения и творческого опыта для нескольких поколений поэтов, не только узбекских, но и других народов Средней Азии. Выдержавшие проверку временем произведения обоих поэтов, уже неоднократно издававшиеся и вновь издаваемые в переводе на русский язык, становятся достоянием массы читателей разных национальностей, по праву входят в сокровищницу мировой культуры как вклад узбекского народа.

А. Зырин

МУЗИКИ

1. ПОРИЦАНИЕ ВРЕМЕНИ

Разбой, насилье — сущий ад! Ну и настали времена!
Домá в развалинах лежат. Ну и настали времена!

Хватаясь за голову, мы бездомных слышим стон и плач.
Вот что разбойники творят. Ну и настали времена!

Шлют письма: «Деньги подавай. Не дашь — тогда конец
тебе,
Хотя б ты был Нур-Мухаммад». Ну и настали времена!

Сегодня смерти избежал, но завтра всё равно умрешь, —
Тебе разбойники грозят. Ну и настали времена!

Трясутся все по вечерам, не смея двери отворить.
Все ждут рассвета и дрожат. Ну и настали времена!

Терзают женщин. Собрались убийцы, вору всей земли.
Захожих персов не щадят. Ну и настали времена!

Уж скоро месяц, как богач ночного отдыха лишен:
Зарыться он в солому рад. Ну и настали времена!

Худеет бай, тощает бай — незваных ждет ночных гостей.
Обвис на нем его халат. Ну и настали времена!

Везде разбойников клянут, повсюду толки лишь о них.
Все говорят, вопят, кричат: «Ну и настали времена!»

Я, Мукими, сказал бы так: «Хакимы твердые нужны, —
Пусть всех разбойников казнят!» Ну и настали времена!

2. ПРОШЕНИЕ ХАНУ ОТ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЕНИЯ ХАФАЛАК

Мухаммас на газель Махмура

Ханов хан, владык владыка, справедлив твой каждый шаг.
Месяц в небе — лук твой верный, полон стрел твой сагайдак.
Ты к деревьям бессловесным, а не только к людям благ, —
О звезда эпохи нашей, побеждающая мрак,
Благосклонное вниманье обрати на Хафалак!

Саранча кишлак объела, в кишлаке гнездовья змей,
Прямо посреди кибитки кучу строит муравей.
В Хафалаке клещ завелся, пожирающий людей.
Захватил шайтан деревню, измывается над ней.
Селезень стал стрекозою, вялой бабочкой гусак.

В кишлаке, как совы дупла, хижины и шалаши.
В норах темных обитают ящерицы да ежи.
Волка встретишь там, не встретив человеческой души.
За огнем пойдешь к соседу — двое суток путь держи.
Тут шалаш, а там землянка — так разбросан твой кишлак.

Люди там едят колючку, от которой мрет верблюд,
Кукурузную лепешку ханским пиром там зовут,
Постный суп из тыквы лучше хафалакцам прочих блюд.
Хафалакцы, голодая, в ступах корни трав толкут
И едят их ежедневно, говоря: «Наш сумалак!»

Лошади у них калеки, пожалеть бы надо кляч,
А безумцы эти гонят лошадей несчастных вскачь.

Трет песком юнец безусый и почтенный бородач
(Там безводная пустыня, положение хоть плачь)
И лицо себе и руки, умываясь телько так.

Служит острая осока ложем этим беднякам,
Женщины, мужчины вместе спят, забыв, что это срам.
Их суфи мычать лишь может, и не знает букв имам.
Их мечеть — нора глухая. Нетопырь летает там:
Зазеваешься — подарит он твоей скуле синяк.

Наготу тряпьем прикрывши, хафалакцы без дорог
Бросились бежать на запад, побежали на восток,
Горько плакали, рыдали: новый заведен налог.
Хафалак однажды утром упорхнул, как мотылек,
Новой подати огромной не внести ему никак.

Ханов хан, владык владыка, самый мудрый из владык,
Снисходить к народным нуждам, справедливый, ты
привык,
Знает Мукими, — налога не возьмешь ты с горемык...
Не возьмешь с людей налога, как бы ни был он велик.
Я, Махмур, уверен в этом — пожалеешь ты бедняг.

3. БОЕВОЙ ПЕРЕПЕЛЕНОК

Он к зерну бежит без страха, — вот перепеленок мой!
В битву не спешит, однако, — вот перепеленок мой!

Из-за пазухи он рвется, оглушительно кричит,
Но его смущает драка, — вот перепеленок мой!

И не спрыснутый водою, он не трус, — смотрите, как
Клювом репу бьет с размаху, — вот перепеленок мой!

Всех перепелов Коканда он сильнее, говорят.
Нет изъяна в нем, нет брака, — вот перепеленок мой!

Горло в крапинках! А ноги! А ресницы! А глаза!
Вот красавец-забияка, вот перепеленок мой!

По ночам вожусь с цыпленком, свечи жгу, чтоб злее
стал,
Сам готов от злости плакать, — вот перепеленок мой!

Только раненый сдается перепел, а мой боец
Не идет, подлец, в атаку. Вот перепеленок мой!

Подменил Рустам цыпленка. Спohватился Муками:
«Дал я с перепелом маху». — Вот перепеленок мой!

4. ГОРЕ НАШЕМУ КРАЮ

О, горе нашей стороне, — забыл о шариате суд.
У нас дурные люди есть, а их владыками зовут.
У нас не славные дела, а недостойные цветут.
У нас не уважают ум и красноречие не чтут.
Предавшим веру в наши дни почет и славу воздают.

У нас дурные люди есть — несчастье нашей стороны.
Мы им оказываем честь, хотя их презирать должны.
Пусть правоверные они, деянья их — от сатаны.
Дочь выдают за старика: карманы у него полны,
Бараны у него жирны, и славу все ему поют.

Греха дорога для невежд всех соблазнительней дорог.
Судья на пир к себе зовет и преступленье и порок,
А правоту и чистоту не допускает на порог.
Боюсь, о худших временах я рассказать бы вам
не смог, —
Сейчас советчики владык — отъявленные вор и плут.

У нас невежество в чести, а к знаниям уваженья нет.
К поступкам мудрым и благим у нас расположенья нет.
У нас почет дурным делам, а добрым одобренья нет.
У нас скупые есть сердца, а щедрых, к сожаленью, нет.
Сироты в сердце богача лишь мрак и тесноту найдут.

Буза, вино и мусаллас всего на свете нам милей.
Стучатся к пивовару все, не открывает он дверей,
Кувшины не выносит он для тех людей, что победней, —

Он ждет, чтобы богач пришел. Известна мерзость наших
дней:
Коль на кладбище нужник есть, так даже в нем творится
блуд.

У нас дурные люди есть, о них я мухаммас сложил.
Давно ушел бы я от них, когда б мне хлеб не нужен
был.

Как я без хлеба тронусь в путь, — припасов я
не накопил.

Нет у меня проводника. Я бы Аллаха попросил:
Мне — Мукими — путь укажи, мне дай совет, что
делать тут?

5. ЗЕМЛЕМЕРЫ

Творятся дивные дела у нас, —
О них я начинаю свой рассказ,

Пусть он до слуха вашего дойдет.
Кто сердцем справедлив, меня поймет.

Моя беда — начальнику доход, —
Обмер полей бывает каждый год.

Али-ходжа и Хакимджан — друзья;
Их уподоблю новобрачным я.

Один другому о любви поет
(Здесь совершенно ни при чем расчет).

Один хитрец: что ни словечко — ложь.
Другой — на дикого быка похож...

Али-ходжа едва с коня сойдет,
Без устали, не умолкая, врет:

«Я, может быть, курчонком вам кажусь,
Но я за вас как следует возьмусь.

Я сам — ходжа, Шахлик-мазар — мой дед.
И здесь числа моим мюридам нет.

Дядя мне — Эр-Хубби и Нур-ата,
Родная мне прабабка — Убайда.

Случалось, хаживала к нам она, —
Я был младенцем в эти времена.

Роднею был сам Хызр моей родне,
Чимликские святые — братья мне.

Прославленный ученый, шейх к тому ж, —
Я плов могу подать на сорок душ.

Я ваш хаким — богач из богачей,
Добиться надо милости моей.

Дано мне право жечь, топтать, крушить,
Дано мне право головы рубить.

Я захочу — и покараю вас,
Я захочу — и обласкаю вас».

Еще не кончил речи пустозвон, —
Кишлак трепещет, речью потрясен.

А Хакимджан кричит: «Эй, аксакал,
Ты гостя дорогого не признал.

А я готов начать обмер полей,
Шли четырех работников скорей,

Танап — веревку протащить могу
По вашему дрянному кишлаку.

По вашим землям твердою стопой
Пройду и покажу, кто я такой.

Для вас из кожи лезешь вон, а вы
Не клоните пред нами головы.

Им два за десять, аксакал, считай
Да пошевеливайся, негодяй!

Пусть знают дети потаскух меня!» —
Так говорит он, не сходя с коня.

Переглянулись люди меж собой,
Толкуют, спорят, судят меж собой:

«Так не отделаешься, нужно дать, —
И снова будет тишь да благодать».

А речь держать велели старикам:
«Мюриды ваши назр приносят вам!»

Хоть танапчи и взяли сто рублей,
А всё же норовят прижать людей.

Кто правит — тот и прав; мы — никогда...
И в этом наша главная беда.

6. МУХАММАС О ЖИТЕЛЯХ АКДЖАРА

Расхвастались акджарцы: «Мой араб силен, силен!
Кобыла вьючная моя, ей-ей, как слон, как слон!»
А вот халат на хвастуне — заплат мильон, мильон.
Но ложью, выдумкой своей бедняк пленен, пленен.
На тюркском, на таджикском ли их слов трезвон,
трезвон?

Едва приеду к ним, бежать от них уже готов.
Как на кладбище здесь живешь, с трудом находишь
кров.
В жилищах темь. Холодный день, однако мало дров.
И степь вокруг, и если, друг, ты сердцем нездоров,
Советчика здесь не найдешь, чтоб был умен, умен.

Акджарцы — не князя, не знать, не баи-господа.
В акджарцев стрелы шлет нужда и вместе с ней беда.

Акджарцы даже у себя в почете не всегда.
Акджарцы любят за водой к реке ходить, когда
К парому едут и идут со всех сторон, сторон.

А кто приходит на паром, тот затевает спор.
Паромщик всех бы их побил, — меж ними уговор
Лишь часть платить... Паромщик им: «Кончай-ка
разговор!
Ты дал четыре медяка, — за лошадь больше сбор...
Таков закон! Он должен быть тобой почтен, почтен!»

И не подумает никто открыть свой кошелек.
А думает: «Припрячу кладь, а после наутек».
Начальник за полу поймал. Паромщик вновь: «Зятек!
С тебя еще два медяка, давай — плати должок».
Зятек в ответ: «Полушки нет, что твой закон, закон!»

7. ВЫБОРЫ

Когда хаким отдаст приказ — начнутся выборы у нас.
Чиновникам не так легко даются выборы у нас.

Элликбаши и мингбаши шипят: «Да пропади они!»
Кази шипят, как лист дрожат, трясутся: «Выборы
у нас».

Большие деньги в долг берут, чтоб должность лучше
получить,
Не получивши, разорясь, плюются: «Выборы у нас!»

Не зря пирушки заведут, Корана чтения начнут.
Когда их изберут, они спасутся, — выборы у нас.

Аллаха молят мингбаши, чтоб взятку приняли от них:
«Аллах, будь милостив!» — чумой зовутся выборы у нас.

С лицом желтее янтаря, худые скачут на конях,
Друг с другом из-за должностей дерутся: выборы у нас!

Скорей бы кончились они, ведь голова от них трещит.
Сам знаешь, Мукими, вот так ведутся выборы у нас.

8. МИНГБАШИ

Ты, мингбаши мой, «правильно» живешь —
Без взятки пальцем не пошевелинешь.

Ты ласков с тем, кто хорошо одет,
Строг с оборванцем, — что с него возьмешь!

Ты только управитель волостной,
Что ж не по чину золото гребешь?

Хан Худояр не так спесив, как ты,
Ты проклят всем народом за грабеж.

Надулся, смотришь — сколько могут дать.
Гияс — твой писарь — на тебя похож.

Ждет не дождется, стонет Мукими:
«Скажи, когда ж ты, мингбаши, помрешь?!»

9. ПОРИЦАНИЕ ПСУ, НАЗЫВАЕМОМУ ЭЛИКБАШИ

Я старостью раздавленный старик.
Мой стройный стан согнулся навсегда.
Давным-давно я память потерял,
И борода давным-давно седа.
Я — старый пес, зовусь эликбаши.
Ей-богу, эта кличка никуда!

Избавьте от нее. Я облысел —
И там и тут нет шерсти ни следа.
Еще живу, но печень, как чарык,
Мне распороли горе и беда.

Я жалкий пес. Я голоден и наг,
И лезут из меня веревки жил.
Чесоткой болен — я чешусь, чешусь, —
Чесаться больше не хватает сил.
Молите господу, чтоб умер я.
Мне кто-то корку хлеба предложил.
«Ешь!» — мне сказал. А есть я не могу —
Мой долгий век мне зубы искрошил,
Оставил лишь пеньки да корешки.
Мой возраст провалил мои уста.

Я бросился к суфи, его спросил:
«Как быть мне, что мне делать,
подскажи.

Меня вконец измучила парша, —
Меня прошу избавить от парши».
Скитаюсь я с протянутой рукой,
А сделали меня эликбаши.
И вакуф ничего мне не дает, —
А от него доходы хороши.
На всех вокруг бросаться я хочу, —
Кусаться заставляет нас нужда.

Муллы меня на поводке ведут, —
Мне шею давит жесткий поводок.
Они отметили ножом мой нос, —
Вот так я и попался к ним в силок.
Они сказали: «Будь эликбаши!»
Самим бы им напасть такую в бок!
Медынскому я жалобу подам,
Чтобы начальник этот мне помог.
Суфи-невежды мучают меня,
От них возня везде и суета.

Я слабым стал, а если б сильным был, —
«Наш лев могучий, — говорили
мне б. —

Как благороден, как прекрасен ты!»
А я злосчастной волею судеб
Совсем не лев, а шелудивый пес.
А я полуоглох, полуослеп.
Я хлеба у невежи попросил,
Невежа плюнул: «Мой плевок — твой хлеб!»
Еще сильнее омрачился дух.
Где мой отец? Где мать? Я сирота...

Я обратился с просьбою к суфи:
«Меня — страдающего — пожалей!
Чесотка руки тронула мои, —
На них бальзам целительный пролей!
За этим я к тебе и прибежал
С покорнейшею просьбою моей». Суфи избил меня, и от него
Я поспешил убраться поскорей.
Торговец пнул ногой. Как не подох
Я от жестокого пинка тогда?

Я долго кашлял. Из носу лилось.
Недуг простудный был свиреп и лют.
Я, нищий, питания просил —
Мне, страстотерпцу, мыло в рот суют.
Я не один обмылок проглотил,
Но только увеличился мой зуд.
Мне фунта не поднять — всё меньше сил.
Когда ж вечерние часы придут,
Я с ног валюсь, подняться не могу,
И не вернутся силы никогда.

И если скажет добрый человек:
«Разлука с близким всех ужасней бед».
И если скажет: «Всех опасней бед
Глухая скорбь», — замечу: «Нет и нет!»
И если спросит добрый человек:
«Так что же хуже?» Я ему в ответ:
«Быть самым младшим — быть элликбаши —
Печальной участи не знает свет».
И я готов взбеситься — жалкий пес,
Страданьям обреченный на года.

10. АСРАРКУЛ

Убирайся! Прочь отсюда! Мной ты понят, Асраркул!
Яд прими — никто слезинки не уронит, Асраркул!

Ты халат смени на саван, — мы измучены тобой...
Пусть с веревкою на шее тебя гонят, Асраркул!

Ты развратник, ты обжора. День и ночь ты ешь
и пьешь,
Хоть местечка в толстом брюхе всё равно нет,
Асраркул!

Ездишь из Янги-Кургана, хвастаешься: «Закормлю», —
А не хватит галке даже и вороне, Асраркул!

Прикрываешь платьем белым сердце черное свое, —
А к добру такое сердце кто же склонит, Асраркул?

На замке твои ворота, нищим «проходи» кричишь.
Нет, тебя ничья на свете скорбь не тронет, Асраркул!

Носишь новую одежду и гератскую чалму,
Но твоя душа в безмерной фальши тонет, Асраркул!

Жаль, что ты приятен многим: запах от тебя дурной,
Слово плохо пахнет, — весь ты полон вони, Асраркул!

Что за шишка ты такая? Важничаешь почему?
Пусть тебя хоть поскорее похоронят, Асраркул!

Мукими сложил сатиру в назидание тебе.
«Убирайся, — всё селенье плачет, стонет, — Асраркул!»

11. ХАДЖИ-КАДАКЧИ

Кто в твой силок не попадал? Тебя клянем, Хаджи!
Ты в городе прослыл у нас злым должником, Хаджи!
Воруешь ночью и воров ругаешь днем, Хаджи!

Считаешь своего осла лихим конем, Хаджи!
Как знаменитый козлодер, сидишь на нем, Хаджи!

Хаджи, ты бедный человек, не пыжься, дуралей;
Нет за душою у тебя, боюсь, и двух рублей.
Нет рукавицы у тебя, нет сокола на ней, —
Ты не охотник, — знай латай, чини посуду, клей!
Тем занимайся ремеслом, с каким знаком, Хаджи!

Молотобоец ты плохой и штукатур плохой,
Но говоришь: «Умею всё, вот я, Хаджи, какой!»
Ты недруг всем, а внешне друг, приятель дорогой.
Спеша похлебкой нищеты налить желудок свой,
Всё называемое злом зовешь добром, Хаджи!

К тебе собрался Таджихан. Ему сказать спешат:
«Опомнись, добрый человек! Побереги халат!
Хаджи — красильщик и маляр. Скорей назад, назад!
Измажет он тебя всего от головы до пят.
Не лучше ль будет обойти коварный дом Хаджи?»

Кричишь везде: «Вон тополя моих садов видны.
На горных пастбищах моих стада и табуны.
Полны сосуды у меня и закрома полны.
Недаром все меня зовут — „учитель сатаны“».
Отступит даже Азраил перед плутом Хаджи!

Все путешествия твои не слишком далеки:
На ишаке собрался ты объездить кишлаки,
Но путешествовать тебе, как видно, не с руки, —
Ты не поехал никуда и клеишь черепки,
И уличный сапожник стал твоим дружкой, Хаджи!

12. ПРОДАВЕЦ ЧАЯ

Стал юношею снова: дурит, воркует он.
О страсти, не о смерти, хоть стар, толкует он.

Он даже пояс продал, был многократно бит
И вот опять в лавчонке сидит, торгует он.

Ты спросишь: «Сколько стоит?» Заломит он вдвойне,
Тебя заговорит он, тебя надует он.

Приобрели лепешку, в амбаре слышен шум, —
Всё ведает, всё знает, всё нюхом чует он.

Из-за копейки каждой хозяин бьет его,
Бранит, из лавки гонит, — и в ус не дует он.

Совсем не унывает, да вот влюблен старик
И ночью тон сбавляет, — тут не сплутует он.

Он даже не достоин сатиры, ну его, —
Пускай себе вздыхает, пускай горюет он. . .

13. СЛОВО О ГАПЕ

Кто живет не по карману, быстро убежит в Халаб.
Но бывает, что богатый — своего богатства раб.
О таких моя сатира рассказать в стихах могла б,
О газыяглыкском гапе вам понятие дала б.

Фьють — и нет людей! Язык мой бегунов не назовет.
Хоть каруны, а привыкли на чужой кормиться счет.
А спесивые какие!.. Увидав их чванный род,
Мерин рвется из оглобель, жеребец постромки рвет.
А скупые!.. Чай раз в месяц дома пьют, и то
он слаб.

А вруны!.. В полях обмана хитростей пасут коня,
Ус закручивают лихо, скромность от себя гоня,
Сто приводят доказательств, не краснея от вранья.
Скатерть гапа облипают жадной тучей воронья.
Мед вареньем заправляют, и на всем следы их лап.

Скупердяи те на гапе, как Рустам, себя ведут.
Говорят всех прочих громче, выше всех носы дерут.
Где бесплатная пирушка — первыми туда бегут,
Где кормушка даровая, там по-богатырски жрут.
Лучше б косы заплетали, стать им бабами пора б!

Бранных слов для них не хватит, хоть истраченных
не счесть.
Поговорка существует: «Всё выкладывай как есть», —
Убежал мужчина, может женщине окажем честь, —
Может, всё ж на даровщинку женщина не станет есть.
Пригласим, — свой пай, наверно, женщина скорей
внесла б.

Угощаются, а сами никогда не угостят,
Вероятно, вечеринки прекратить они хотят.
Если б хоть один нашелся не скупой, я был бы рад,
Душу отдал бы такому, а смеялся бы навряд.
Мукими, как не смеяться, коль джигиты хуже баб?

14. СЕМЕНА ХЛОПЧАТНИКА

Шайтан, как видно, расхвалил вот эти семена.
«Бери, хватай, — он объявил, — вот эти семена!»

О хлебе позабыли мы, не запаслись зерном, —
Кто только мог, скорей схватил вот эти семена.

Побольше взял, чтоб от своих знакомых не отстать.
Но остудили общий пыл вот эти семена.

Аллах не мог понять людей. Но всё пошло вверх дном,
Лишь первый кто-то разобрал вот эти семена.

Их перестали брать в кредит, заказчик отменить
Заказ спешил, он поносил вот эти семена.

Друзья встречались: «Как живешь?» — «Не спрашивай,
а ты?»
— «Меня совсем лишили сил вот эти семена».

Встречались двое: «Что да как, да где ж ты пропадал,
Ты болен был?» — «Мне черт всучил вот эти семена».

Молился дервиш, получив барана за труды,
Чтобы сосед соседу сбыл вот эти семена.

Пошли судебные дела, до муфтия дошли,
Судья один превозносил вот эти семена.

Убытка ветер разметал хирманы кошельков,
Тот разорился, кто купил вот эти семена.

Любя короткую газель, ты всё же, Мукими,
Не пожалел чернил — клеймил вот эти семена.

15. ПЛОДЫ ЭТОГО ГОДА

Зреют, сладость обещая, года этого плоды.
Словно россыпь золотая — года этого плоды.
Всюду без конца и края — года этого плоды, —
И цена вам никакая, года этого плоды!
Фергане беда большая — года этого плоды.

К приставу пришли дехкане вместе с мингбаши своим.
Говорили: «Прегрешенья отпусти плодам, хаким!»
Кратко просьбу излагали, разговаривали с ним.
Оставался тот начальник тверд и непоколебим,
Продавать не разрешая года этого плоды.

Персики пошли на свалку. Был им нынче урожай, —
За гроши их отдавали, только полы подставляй.
Так сказал хаким кокандский: «Лишь черешню уважай!»
Так сказал хаким уездный: «Кандалупку отвергай,
Огурцы предпочитая — года этого плоды».

Он сказал: «Предупреждаю всякого фруктовщика:
Яблоки не разрешаю продавать с арбы, с лотка.
Грушу трогать запрещаю, как бы ни была сладка:
Страшный мор в округе нашей, и борьба с ним
не легка, —
Смерть свою найдешь, вкушая года этого плоды».

Прежде в сад войдешь фруктовый — изругает садовод.
Разжирели от доходов! Нынче всё наоборот:
Хлопка семечко дороже груш и яблок в этот год, —

И по кишлакам хозяин разорившийся идет,
Лишь с оглядкой продавая года этого плоды.

За железною калиткой прежде сад плодовый рос,
А хозяин на прохожих лаял из него, как пес.
Над грошом дрожали скряги и дождались горьких слез:
Полицейский в речку валит и гранат и абрикос.
Негодуют, утопая, года этого плоды.

Другу не подашь на блюде, тайно не продашь плодов.
И стоит хозяин жадный посреди своих садов, —
Гиря — каждый глаз, глазницы стали чашками весов!
Садовода не пускают на базары городов,
Прокаженными считая года этого плоды.

Полицейские повсюду, взгляда ты куда ни кинь.
Я рыдаю в зимний холод, плачу в летнюю теплынь.
К дыням я не прикасаюсь, а созрело столько дынь!
Лето без плодов — не лето, и базар мертвей пустынь!
Люди плачут, причитая: «Года этого плоды!»

Я от жажды умираю. День пылает, словно ад.
Это ветер обжигает, или стал огонь крылат?
Каждый плод мне влагу должен, а сады мне говорят:
«Фрукты будущего года эту жажду утолят».
Мукими твердит, вздыхая: «Года этого плоды!..»

16. ТОЙ

Пришел о тое рассказать черед.
Купец ташкентский телеграмму шлет

Приказчику в Икан: «Наплюй на той
Иль сообщи, кто поручитель твой.

Не плов получится — навоз один.
Без тоя тоже проживет твой сын!

Не оберешься с празднеством хлопот,
По средствам ли тебе такой расход?

Сердиться буду, — не зови гостей
И курицу откармливать не смей,

А если тратить вздумаешь дрова, —
Всё, что мне должен, возврати сперва!

Я ни копейки более не дам!»
Так передал купец по проводам.

Приказчик рад, зато его жена
Нежданной телеграммой сражена.

Когда нечист намеренья поток,
Дверь щедрости закрыта на замок.

Все перессорились: и стар, и млад.
Семья большая, а в семье разлад.

Рыданья, вопли потрясают дом,
Как будто бы покойник в доме том.

Мужчины багровеют от грызни.
Не позвала жена своей родни.

Жена вопит: «Мне нечем их кормить!»
Обижен муж — не стал ни есть, ни пить.

Он из дому сбежал, вконец взбешен.
Купил барашка подешевле он

И заколол, а мясо спрятал в хум, —
Созвать совет ему пришло на ум.

Он под вечер из ближних двух домов
Зовет друзей. Они спешат на зов.

Цирюльник, прозванный «Слепым», идет,
За ним сосед — Саид-Касым идет.

Их потчуют бараньей головой.
Советы сыплются наперебой.

Тот начинает, этот перебьёт.
Умаялись и вытирают пот.

Вновь говорит один, другой сосед.
Советов много, а толковых нет.

Решили... На базар тайком идут.
Рис покупают, сало в долг берут.

Истратив четвертак, скорей назад...
Огонь разводят и над ним дрожат.

Токкуз и плов готовя, не дают
Распространяться ароматам блюд.

И, если кто чихнет у очага,
Его молчать заставит кочерга.

А кто погромче говорить начнет,
Тому другие зажимают рот.

Десятки глаз следят из-за угла,
Но дыма нет, и не видать котла.

Ведя соседям самый строгий счет,
Хозяин дома их на пир зовет.

Он приглашает семерых гостей, —
Они в чалмах и прочих поважней.

Он пальцем их манит, — они должны
Прийти и с той, и с этой стороны.

Явились. Моют руки всемером.
Хозяин им: «Для вас открыт мой дом!»

«Твой пир благословен!» — один в ответ.
Он замахал руками: «Пира нет!»

Услышит обо мне торговый ряд —
Торговцы знать меня не захотят!

Повсюду сплетни обо мне пойдут,
Меня везде и всюду осмеют.

Увы, не всех я пригласил друзей —
Почтенных баев, шейхов и ходжей!

Я — не купец, я лишь слуга купца», —
Канючил он по-бабьи без конца.

«И это, — гости хором, — верь ты нам,
По нынешним отлично временам».

Вот хлеб лежит на скатерти скупой,
Как будто нищей собран он сумой.

Каков хозяин — сдоба такова:
Одна лепешка не совсем черства,

А эти девять — камень-зуболом, —
Хозяин прикрывал их рукавом.

Плов приготовлен — блюдец на троих.
Кто только ахнул, кто совсем затих.

Еды — что кот наплакал, и плоха!
Не рис, а камешки да шелуха.

Успел шепотку каждый ухватить —
Чисты тарелки, их не надо мыть.

От голода икнувши раз-другой,
Прочли молитву гости — и домой.

Приказчик хвастал на пирах чужих:
«На той истрачу сорок золотых».

Во всех склонял приказчик падежах:
«Я лучше угощу, чем падишах:

Я рису отвалю. Пяти пудов
Едва ли хватит на подобный плов!

Припасена пшеничная мука,
Вот только дров и мяса нет пока,

Но будут и они, — я рад душой
Поставить каждому котел большой!»

Да вот беда, — он пригласить забыл
Того, кто досыта его кормил.

Да вот беда: забывши бедняков,
Он двери дома запер на засов,

И праздник вышел вроде похорон.
Приказчик счета взял, он не смущен.

Стучат костяшки, сердце веселят:
Истрчено всего — шесть шестьдесят.

Ну, вот и всё! Я — Мукими — не лгу,
Я очевидцев привести могу. . .

Свидетели найдутся и меж вас.
Хвала Аллаху, кончен мой рассказ!

17. ВЕКСЕЛЬ

Мухаммас на газель Завки

О векселе такое болтают языки:
От векселя повсюду несчастья велики.
Ишан в Алты-Арыке попал к нему в тиски:
Завод решил построить, да руки коротки,
Завода не достроил и помер от тоски.

О векселе издали для мусульман закон,
Он должен быть исполнен, каков бы ни был он.
И золоту богатый не верит с тех времен.
Бедняк — тот и подавно, приказом разорен:
Велят нам пять копеек отдать с любой теньги.

Пришли к хакиму люди, и говорят они:
«Судьба нам подарила страдания одни.
Освободи от пени, — на города взгляни:
Везде в цепях торговля». Едва ль не в те же дни
Проценты стали выше, хоть были высоки.

Коканд в недоуменье, смущен Алты-Арык:
Ни купли, ни продажи, лишь повсеместный крик.
Ремесленники стонут, их стон небес достиг.
Навзрыд торговцы плачут, рыдающий мясник
Себя в мясной развесил, как мясо, на крюки.

Народ в тревоге плачет, не осушая глаз.
Мы умерли, но палкой бьют после смерти нас.
О нищете и ценах твердим мы каждый раз.
Я — Мукими — сработал вот этот мухаммас.
Свой зад прикрыв кошмою, мне помогал Завки.

18. НОВОЯВЛЕННЫЙ БАЙ

О наших богачах рассказ начну,
Такие не встречались в старину:

Едва какое дело заведут,
И, смотришь, по миру уже идут.

Ишан Хади-ходжа — подобный бай,
И у него долгов хоть отбавляй!

Кишка из богатея лезет вон:
Он должен москвичу-купцу мильон.

«Сейчас бы тысяч мне отдать пятьсот, —
Он думает, — пятьсот же через год!»

Мечтами улетаю в облака,
Дождется бай продажи с молотка.

И в Андижане есть должок за ним...
Ишан Хади-ходжа невозмутим.

Он сорок тысяч должен в Андижан.
«Земляк потерпит», — думает ишан.

«Возьмет он за отсрочку платежа
Процент двойной», — решил Хади-ходжа.

Богач в Москву за ситцем брата шлет,
Но фабрикант товару не дает.

Брат говорит: «Товару не привез,
Твой фабрикант довел меня до слез».

Понятно будет каждому из нас,
Сколь стыдно баю получить отказ.

Он внес задаток: ситец можно брать,
Да денег где на весь товар достать?

А если бай товара не возьмет,
Того гляди задаток пропадет.

И дома у купца не благодать:
Успел он всех рабочих разогнать.

Забыл о деле, тешит свой порок.
Все батраки от бая за порог.

Двор опустел. Рабочих след простыл.
И Бабаджан — приказчик бая — взвыл.

Контору отпер Бабаджан, вопит.
«Что делать с хлопком?» — словно пьян,

ВОПИТ.

«Где грузчики?» — он, как осел, вопит.
Руками Бабаджан развел, вопит.

Свой хлопкоочистительный завод
В аренду русскому богач сдает.

И у того неважные дела:
Ишана слава знать себя дала.

Дома у бая были хороши —
Ему пришлось продать их за гроши.

Кто хочет выгодно свой дом продать,
Тому в долги не надо залезать.

Домашние, завидев богача,
Задать спешат тотчас же стрекача.

Не угодишь ему — он в суд идет,
Начальнику прошение подает,

Он требует взыскать с тебя скорей
Неведомую тысячу рублей.

Ведет его сутяжные дела
Прославленный мошенник Хайрулла.

На память знает шариат, речист,
Да уж зато и на руку нечист.

Когда ж выходит на базар купец,
Все говорят: «Наставник и мудрец!»

«Вот мударрис! — все говорят о нем,
Когда он едет на коне своем, —

Халат белее снега и чалма!
Вот человек высокого ума!»

Рассказ кончаю, замолчать спеша:
Скучны длинноты, краткость хороша.

19. САТИРА НА ВИКТОРА

Ну и делец! Бухгалтер был не промах Виктор-бай.
Искусником в богатых слыл хоромах Виктор-бай.
Кокандцам головы кружил в ту пору Виктор-бай.

Их было множество, смутил которых Виктор-бай.
Дурную славу заслужил в конторах Виктор-бай.

Бежали алчность и корысть к нему по вечерам.
Терял он счет купцам-друзьям, льстецам и хитрецам.
Он говорил: «Торговый дом мой честно служит вам».
Он говорил: «Я рубль возьму, а тысячу отдам».
Подумать баи не могли, что вор — их Виктор-бай.

Того, кто ловкостью своей известность приобрел,
Кто рассуждал: «Пусть все ослы, но я-то не осёл», —
Он всех подвел, всех обманул, всех в заблужденье ввел.

И андижанцев обобрал — позор их — Виктор-бай.

Везде незнаек просветил, всем стало ясно вдруг,
Что ложь — помощница его, что нет грязнее рук.
Он воздух в деньги превращал и складывал в сундук.
Первейших баев разорил — советчик их и друг.
Всех великанов повалил матерых Виктор-бай.

20. ВТОРАЯ САТИРА НА ВИКТОРА

Повсеместно разговоры, пересуды: «Виктор-бай!»
И повсюду стоны, крики, и повсюду Виктор-бай.
Все ограблены — раздеты и разуты, Виктор-бай!
Обокрал почтенных баев недруг лютей — Виктор-бай.
Вот он, вот, держите вора, вот он, тут он — Виктор-бай!

Важно, гордо выступают, баи сотнями идут.
Сотни пловов затевают, Виктора на все зовут,
Потчуют и угощают, «кушай» Виктору поют.
Важность, гордость забывают — услужить ему бегут.
Благородный, — всех пленил в одну минуту Виктор-бай.

А у Виктора в сусеке крошки нет для воробья,
А у Виктора в конюшне сена не заметил я.

Но как шейх он проплывает, нищим медный грош даря,
Но как мудро рассуждает, прибыль богачам суля,
Важный гость из Андижана — фу-ты, ну-ты,
Виктор-бай!

Пир Касым с Карим-ахуном, и седой и молодой, —
Все дельцы к тебе скакали вверх по лесенке крутой.
За твои хватались полы: «Виктор милый, дорогой!»
А узнав — платить не будешь, думали: ты не такой.
И пришли-то по другому делу будто, Виктор-бай.

А придя к тебе в контору, поняли: разорены.
И не знали, что им делать в той конторе сатаны.
Продали и заложили и халаты и штаны.
Не давай им ни копейки, избегать мы их должны,
Ты держись от них подальше, пресловутый Виктор-бай!

21. ЖАЛОБА НА ЛАХТИНА

Правоверные в смятенье, жалуясь на Лахтина.
Думают, что их спасенье — жалоба на Лахтина.

Пир Касым-даллал обманут, также и Карим-ахун.
Ждут законного решенья, жалуясь на Лахтина.

Может, баев и не слишком этот напугал хитрец, —
Денег жаждут возвращенья, жалуясь на Лахтина.

Те не пили, те не ели, всё доверили ему.
Ожидают разоренья, жалуясь на Лахтина.

Тот делец — сундук надежный, этот хват — мешок
с трухой.
Вот и подано прошение — жалоба на Лахтина.

Береги свое здоровье — деньги будут у тебя.
Даст ли удовлетворенье жалоба на Лахтина?

Мукими писать довольно о каком-то ловкаче.
Вот и всё стихотворенье — «Жалоба на Лахтина».

22. ГДЕ ЖЕ ТЫ?

Где же ты запропастился? Провинился мой ахун.
Может, заболел, а может, заблудился мой ахун,
У какой-нибудь подружки очутился мой ахун?
Обещал мне: «К ночи буду»... Не явился мой ахун.
И доверия лишился, застыдился мой ахун.

Вечером ты не приехал. Спать пора, а ночь идет.
Ночью славно говорится. Нет тебя, а ночь идет.
Обещал поторопиться, — нет тебя, а ночь идет.
От собак теленок мчится, он устал, а ночь идет.
Мчался ты быстрее теленка, утомился мой ахун.

Жду я сутки, жду неделю. Почему же, отчего ж
Так жестоко поступаешь, дружбы ты не признаешь?
Я письмо тебе направил, — ты не едешь, не идешь.
Не исполнил обещанья — что ж, мои мученья множь,
Если наносить мне раны ты решился, мой ахун.

.....

Хорошо в своем квартале, гордо голову держа,
Молодежь смирять моралью. А погода хороша.
И арык журчит приятно. Благоденствует душа
За кипящим самоваром. А в курильне анаша.
Ты с довольством, ты с богатством породнился, мой ахун.

Но быть может, так случится — хлынет ливень неудач.
Кровля протечет, и в доме положение — хоть плачь.
Подсчитай свои убытки, горе цифрой обозначь!
Может быть, в грязи глубокой утонул весь Беш-Агач.
И не ехал — шел в тот вечер, с ног валился мой ахун.

Впрочем, будь благополучен и не знай тяжелых дней.
Ты ахун — так добродетель праведной душой лелей.
А напьешься, благодетель, — протрезвись и снова пей.
Мукими заплат не ставит на сердца других людей.
Что же плакать, как сапожник, он пустился — мой ахун?

23. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Вас теперь почти не видно. Что случилось?
Что стряслось?
Хмуры вы. Мне любопытно — что случилось,
что стряслось?

Вас соперники-убийцы колют тысячами слов, —
Вы сконфужены, вам стыдно. Что случилось?
Что стряслось?

На ногах вы не стоите. Вы пьяны... Так с кем же вы
Напились неблагоприятно, ваша милость? Что стряслось?

Собственной боитесь тени, как какой-нибудь олень.
Вам распутство не противно. Что случилось?
Что стряслось?

Вы как слива посинели. Франт — легко оделись вы,
А зима, и, очевидно, с вами что-нибудь стряслось.

Вас соперники терзали, позабыли вы о них —
О жестоких и ехидных. Что случилось? Что стряслось?

Вы от дружбы отказались — ищите иных друзей.
Мне досадно, мне обидно... Что случилось?
Что стряслось?

Если совесть сохранили, расскажите всё как есть.
С Мукими не будьте скрытны, — он не спросит:
что стряслось?

24. СВЯТОЙ

То шапку носит, то чалму, — его зовут святой.
Аллаха сотню раз предаст за пять минут святой.

Его известны чудеса: он нюхает везде, —
Заслышав жареного дух, уж тут как тут святой.

Не сходят с языка его бесстыдные слова, —
Боюсь, камнями как-нибудь тебя побьют, святой!

Нечистое увидит он и тащит прямо в рот,
Но чистую обмоет кость великий плут святой.

Замерзнешь в шубе меховой в июльский жаркий день,
Едва задумает острить ханжа и шут святой.

Он самый толстый на земле, он весит больше всех,
Хотя придет без добрых дел на Страшный суд святой!

Всё знает это Муками, он правде первый друг.
Такая слава про тебя, дурной сосуд — святой!

25. ПОРИЦАНИЕ ЛЯГУШКАМ

Я оглох от вас, лягушки, не вопите, дети зла!
У меня сегодня гости, — погодите, дети зла!

Гости это городские, — о наставнике своем,
Я прошу вас, хоть сегодня помолчите, дети зла!

Крик ваш — не призыв к молитве, водоем — не минарет,
Отчего же, мне скажите, вы кричите, дети зла?

Не простые вы лягушки — богатырские, — себя
Толстобрюхими ханжами вы зовите, дети зла!

Ваши ни к чему раденья. Думая о Минг-тепе,
Дервишам не подражайте, не скачите, дети зла!

Вы имама не бойтесь, что же прыгаете в пруд, —
Может быть, уйти от кары вы спешите, дети зла?

Муками, я полагаю, стал Аим не тот, — ведь здесь —
Твари в тибетейках белых — вы шумите, дети зла!

26. БЕЗБОРОДЫЙ

Я о бороде мечтаю. Как мне жить без бороды?
В зеркало глядясь, вздыхаю: как мне жить
без бороды!

Каждый ходит с бородою, у меня — ни волоска.
Громко плачу и рыдаю. Как мне жить без бороды!

Лет моих не угадаешь, я всех старше на земле.
Самый старей — я не знаю, как мне жить без бороды.

Ты, лицо мое увидев, юношей меня зовешь,
Я свой век переживаю. Как мне жить без бороды?

Не гадай, — не угадаешь. Я загадка сам себе,
Сам себя не понимаю, — как мне жить без бороды!

Ростом я — батыр огромный, но дитя меня легко
Валит с ног, и я страдаю. Как мне жить без бороды!

Что мне делать, — будто нищий, милостыню я прошу.
Я по городам блуждаю. Как мне жить без бороды!

Был богат, да разорился. Наказал меня Аллах!
Флейте горе изливаю: как мне жить без бороды!

Я лицом Шайдан-пустыня, лик мой — крепостца Махрам,
Разоренная, пустая. Как мне жить без бороды!

Не терзай меня вопросом, флейта скажет за меня.
Я от слез не просыхаю. Как мне жить без бороды!

Мусульмане, помогите! Я молюсь за Мукими,
Я поэта вопрошаю: как мне жить без бороды?

27. БРОДЯЧИЙ МУЗЫКАНТ

Помогите, — я бродячий, некрасивый музыкант!
Я флейтист и чтец газелей — незлобивый музыкант!

Я юродивый, убогий, — создал бог меня таким.
Молча бедность принимаю — терпеливый музыкант.

Вы меня не презирайте за истрепанный халат, —
Я не дервиш настоящий, я — плешивый музыкант.

Дайте милостыню, люди! Будет маяться всю ночь,
Если спать голодным ляжет, несчастливый музыкант.

Пожалейте! Как бездомный, неудачливый петух,
Ищет вечером насеста сиротливый музыкант.

Побираться нелегко мне, право, если б не нужда,
Не просил бы вас стыдливый, горделивый музыкант.

Я флейтист не из последних и прошу не говорить:
«Лучше бы ты шел батрачить, нерадивый музыкант».

28. САТИРА НА КОНЯ

Небо — милости твердыня, милосердия оплот —
Дарит людям уваженье, посылает им почет.
Ну, а мне одно бесчестье, только униженье шлет:
Рысака мне подарило, — что за лошадь, что за скот!
Кто мои услышит стоны, знаю, посмеется тот.

Мой скакун высокомерный — будто шах-заде какой!
Чтоб все думали: наверно, он породы скаковой, —
Он кивает правоверным благосклонной головой,
Улыбается манерно грациозный вороной,
И направо и налево те ужимки раздает.

Ест траву он, съест и камень, если камень возле рта.
А наестся, пить изволит, — с морды катится вода.
А напьется — и ни с места, ни туда и ни сюда.
Лишь башкою конь мотает, — вот несчастье, вот беда!
Он идти не хочет или ходит задом наперед.

Сколько лет ему? Сказал он: «Я в подлунный мир
пришел, —
Моря не было и суши, не было полей и сел.
Люди после появились. Жеребца я произвел,
Мною рождены кобыла, и ослица, и осел.
От меня пошли все твари, все — моя семья, мой род».

Я ему: «Но-но!» — застонет. Взглядом скажет мне о том,
Что бежать уже не может, что разбит параличом...
Растеряется бедняга, если встретится с мостом.
Сядет у моста и плачет. Сяду рядышком с конем,
Преисполнен состраданья, зарыдаю в свой черед.

Старикана умоляю: «Отпрыск мудрых лошадей,
Ты добро и зло обходишь, обойдешь ли ты ручей?
На другой мне нужен берег, — ты меня уж пожалей,
Пусть Дульдудль тебе поможет! Ну, спускайся поскорей,
Ну, иди, голубчик, в воду, перейдем речонку вброд!»

Конь мое слышит слово — затрепещет, задрожит,
Пожует слегка губами, челюстями заскрипит.
«О, наставник мой!» — воскликнет, перепрыгнуть
поспешит.
Прыгнул — и свалился в воду, и без сил в воде лежит...
Я барахтаюсь с ним вместе — смерть меня и лошадь
ждет.

Конь мой ничего не делал, но отчаянно устал.
Только шаг ступить собрался, как от пота мокрым стал,
Будто каменные глыбы на себе весь день таскал.
Три шага всего он сделал, — я внимательно считал.
Злость меня взяла, как только кончился шагов подсчет.

Свыкнуться с уздой не может, к недоуздку не привык,
Пусть они стальные будут, — борзый конь порвет их
в миг.
Скандалист, нахал, задира: где мой конь, там шум
и крик.
Если спереди прохожий, мой скакун, как будто бык,
Мордую богопротивной в зад прохожего боднет.

Привязал я негодяя, — отвязался негодяй.
Собралась толпа густая, получил он нагоняй.
Повалили, колотили: ой-ой-ой да ай-ай-ай!
Все смеются, все хохочут, я же — от стыда сгорай!
Сколько мук мне доставляет пакостный мой сумасброд!

Люди, лошади, собаки, — свора вся за ним гналась.
Побежал он по базару, в иноходца превратясь.
Будто дервиши в день Судный, все вопили, разъярясь,
Хвост коняге поджигали, он и рухнул крупом в грязь.
Каждый пес его облает, лошадь каждая куснет.

Мне не помогла подруга, было ни к чему седло.
Божий раб свалился тоже, — всех от смеха затрясло.
Конь проклятый, конь бесстыжий, главное на свете зло!
Вот такое приключилось, — мне с конем не повезло.
Надо мною издевались, и меня бросало в пот.

Опозоренный, смущенный, расхворался я совсем.
Возмущенный, разозленный, расхворался я совсем.
Будто желчью опоенный, расхворался я совсем.
Будто без ума влюбленный, расхворался я совсем.
Ястребом среди развалин меня гибель стережет.

Наш высокий покровитель, будь удачами богат!
Всех избранников опора, пусть твоих желаний сад
Сладкие плоды приносит, дарит добрый виноград!
Люди все о том молитву постоянную творят,
И о том молюсь я тоже дни и ночи напролет.

29. ВАШ КОНЬ

Эй, господин, куда как плох ваш полный скверны
конь, —
Ваш хитрый конь, ваш вздорный конь, ваш лицемерный
конь.

Вы плеткой хлещете коня — он ухом не ведет,
Как будто банщик трет его: невероятный конь!

Разбейте жернов о коня — как вкопанный стоит,
Ни шагу лодырь не пройдет, — ленив чрезмерно конь.

Хоть до кормушки головой не может он достать,
Не встанет с места ни за что, лежит ваш скверный
конь.

А если соизволит встать — не открывая глаз,
Как пьяница, как наркоман, бредет неверно конь.

Посмотришь на него — рысак! И люди говорят:
«На скачках первым он придет, вот это верный конь!»

Со всех сторон на короб он разносчика похож.
Тебе он нравится, ну что ж, — таков примерно конь.

Ты у барышника купил его как жеребца,
Ой, Мухими, а он осел, наверно, а не конь!

30. О ДОСТОИНСТВАХ КОНЯ, ХОЗЯИНА КОТОРОГО — ТАДЖИ — РАЗВОЗИТ ТЕЛЕГРАММЫ

Хотите возраст знать его — тотчас же дам ответ:
На днях исполнится ему без году сотня лет.

Но полагает — он не стар, и кажется ему,
Что даже юным стригунком он был беззуб и сед.

Легонько жеребца хлестнешь, что с места он сошел,
А он, как пьяница, упал, и сил подняться нет.

Коня оставишь на два дня, на третий день придешь,
А он по-прежнему лежит — полуживой скелет.

32. ГРЯЗЬ

Не выберешься за порог — везде большая грязь.
Весною снова снег пошел. Почти что в мае грязь.

По жидкой грязи хлещет дождь, над грязью вьется
снег,
И грязь на улице лежит, сама ругая грязь.

Весна, а снег идет. Его не знали мы зимой.
Глушит побеги и ростки, всё погребая, грязь.

Почтенный человек — в грязи, ходжа — и тот в грязи, —
Ведь брызжет на халат любой, всех обдавая, грязь.

Богатых, бедных валит с ног — все перед ней равны.
Она — силач, она — батыр. Гляди, какая грязь!

Была весна, и начинал уже цвести миндаль,
И вдруг Аллах нас покарал, ниспосылая грязь.

Идет по грязи Муками, скользит, боясь упасть.
Одни дувалы с двух сторон. Меж них — сплошная грязь.

33. ПОРИЦАНИЕ МОСКИТУ

Что за странное создание по названию москит?
Ночью не дает покоя то создание москит.

Летней ночью жарко, душно, в довершение всего
Летней ночью нас приводит в содрогание москит.

С головой под одеяло залезаешь — чем дышать?
Высунешься — над тобою в ожидании москит.

Он занес копьё и колет, нет защиты от него.
Кровопийца — знать не знает сострадания москит.

Бедняки и богатеи — для москита все равны.
Даже с муфтием сразиться в состоянии москит.

Плотно двери закрываешь, дыры затыкаешь все, —
А к тебе опять явился для терзания москит.

Мукими взмолился: «Боже, от него освободи
Наши города и села!» Наказание — москит!

34. МУХИ

Сто тысяч мух, — я как в аду: вокруг сто тысяч мух.
Всем правоверным на беду — вокруг сто тысяч мух.

Почтенный господин паук, тенета натяни, —
В тебе союзника найду, — вокруг сто тысяч мух.

Соринку вставлю мухе в зад, гоняю по худжре.
Прихлопну эту или ту, — и вновь сто тысяч мух.

Обжоры — голодны всегда. Нахалы — вечно жрут.
Несутся мухи на еду, — а всех сто тысяч мух.

Исчезла муха — и опять, и снова тут как тут.
Я в суд бегу, кричу суду: «Вокруг сто тысяч мух!»

Не вижу вечером свечи, не вижу солнца днем —
Живу повержен в темноту, — вокруг сто тысяч мух.

Сто тысяч мух — сто тысяч мук, не меньше ни одной.
Куда от страшных мук уйду? Вокруг сто тысяч мух!

35. ПОХВАЛА ПЕЧИ

Ну кто ж отрадой не считает печь?
Один невежда презирает печь.

Когда придешь озябший со двора,
Как мать родная, приласкает печь.

Когда зима ведет на нас полки,
Их наступленье отражает печь.

Когда зимой к себе вернешься в дом,
Как сад чудесный, расцветает печь.

Когда войска снегов на нас идут,
Как богатырь, их побеждает печь.

Сандал, увы, бессилен, Мукими, —
От холода нас ограждает печь.

36. ЖАЛОБЫ НА ЛИХОРАДКУ

Ты всех других недугов злей, жестокосердая болезнь!
Ты бед внезапных тяжелей, жестокосердая болезнь!

Ты схватишь — и лишишь ума; мой тощий изможденный
Шафрана сделаешь желтей, жестокосердая болезнь!
лик

Господь, покров единый мой, мучительнице объяви:
«Терзать несчастного не смей, жестокосердая болезнь!»

Я не могу тебя понять, — навряд ли ты из мусульман.
Ты жилы тянешь из людей, жестокосердая болезнь!

Приехал милый мой москвич, мой родственник,
Лишаешь радости моей, жестокосердая болезнь!
а ты меня

Но, может быть, рабов своих господь желает наказать?
И всё опасней, всё страшней жестокосердая болезнь.

Гостит племянник у меня, я — дядя Мукими — прошу:
Ты нас обоих пожалей, жестокосердая болезнь!

37. КИЙГИРЧИ

Трое суток пробродили, птиц набили кийгирчи.
«Мы живых не раздобыли», — заявили кийгирчи.

Но добыли штук пятнадцать, лучших баям дал Гаиб.
Наша очередь настала — нас забыли кийгирчи.

День охотились с орлами — не достали ничего
Два ловца перепелиных эти, или кийгирчи.

Уважаемый, почтенный сын сановника — дадхи,
А другой — Гаиб-цирюльник эти были кийгирчи.

Вечером они вернулись, мертвых самок принесли,
От меня птенца живого утаили кийгирчи.

Сын сановника по-царски за услуги награждал,
И ему весьма охотно все служили кийгирчи.

По дороге каменистой шел с Надимом Мукими, —
Нас глубоко возмутили, оскорбили кийгирчи.

38. УЛАКЧИ

Не похожи на людей козлодеры-улакчи.
Злей чумы, холеры злей козлодеры-улакчи.

Ринулись, несутся вскачь, как в жестоких казней день,
Истязают лошадей козлодеры-улакчи.

Хлещут так и сяк камчой, сбились в груды и летят
Всё быстрее, грудой всей козлодеры-улакчи.

Рвут несчастного козла, а козел уже издох,
Хуже хищников-зверей козлодеры-улакчи.

Но печальна их судьба: вечно голодны они,
Нет несноснее гостей — козлодеров-улакчи.

Этот выхватил козла, — победителя лицо
Страшного суда черней, козлодеры-улакчи!

Этот на узде повис. Думают, как бы не стать
Жертвой собственных страстей козлодеры-улакчи.

Не браните Мукими, и не надо их бранить, —
Есть и доброго добрей козлодеры-улакчи.

39. ФОНАРЬ

Ответ Завки

Идешь на вечеринку — чадит дурной фонарь.
Ворот он шире, с печку величиной фонарь.

Неряху, лежебоку ты кипятком обдай, —
Быть может, засияет мой сволочной фонарь.

Шейхантауру даже не отдал бы его,
Тебе же уступаю зловещий свой фонарь.

Завидуя жестоко окрестным фонарям,
Горячим салом брызжет, шипит дрянной фонарь.

Ты, полагаю, сможешь лентяя обуздать.
Он мне служить не хочет. Мне бы другой фонарь!

Поставь на нем заплаты да свечку разожги.
Ведь сам себя стыдится дырявый мой фонарь.

Я не тебе — другому хотел его отдать.
Пристроен, слава богу, — так с глаз долой фонарь.

Избавиться от муки не думал Мукими.
Завки, тебе он нужен, — бери, он твой, фонарь.

40. ВЕТЕР НАЛЕТЕЛ

В одно мгновенье ветер налетел.
Песка круженье — ветер налетел.

Перед глазами изменился мир,
Душа в смятенье — ветер налетел.

Я полагаю, Страшный суд настал,
Столпотворенье — ветер налетел.

Пыль, да какая! Пушек рев и гром.
А с кем сраженье? — Ветер налетел.

Сорвал, несет чалму, тебя довел
До исступленья, — ветер налетел.

Халаты рвет, прохожих валит с ног, —
Без сожаленья ветер налетел.

Ты тюбетейку привязать забыл, —
С ней в отдаленье ветер полетел.

Он — фокусник, он мигом сад раздел,
Сад стал осенним — ветер налетел.

Он — свыше, не бранись же, Мукими,
В стихотворенье «Ветер налетел».

41. СЛУЧАЙ С ОДНОГЛАЗЫМ АШУРБАЕМ-ХАДЖИ

Ну что за люди, что за времена!
Событиями жизнь у нас полна.

Об Ашурбае расскажу сейчас,
Весьма известном в Фергане у нас.

Он ночью к дочке сторожа проник.
Она, конечно, подымает крик,

Соседей разбудила: стар и млад
Причину шума выяснить спешат.

На крик, раздавшийся в ночной тиши,
Бегут будкабаши и мингбаши.

Они ввалились к бедняку во двор,
Серьезный начинают разговор. . .

И грозный прекращают разговор:
Пред ними Ашурбай — богач, не вор.

Для Ашурбая лестницу несут,
Под ручки бая к лестнице ведут,

Оказывая Ашурбаю честь,
На крышу помогают баю влезть.

Богач почету этому не рад,
Бежит по крышам, подобрав халат.

Да только оступился на одной
И очутился в яме выгребной.

Двора хозяин с лампою идет:
«Какой негодник спать мне не дает?»

Кто там барахтается? Вылезай!»
— «Шуми побольше, — злится Ашурбай. —

Не видишь, что ли, — я скрываюсь тут,
Ты лучше б мне помог, за мной бегут».

Из ямы извлекают богача,
Едва не избивают богача.

Ведут в участок бая, мать и дочь,
Ведут свидетелей. Всё та же ночь.

К городовому первым бай идет.
«Ах, дорогой, прости меня, — поет, —

Ах, дорогой, здесь не моя вина, —
Меня шайтан попутал — сатана!»

И потерпевших к приставу ведут.
И всех шумевших к приставу ведут.

А пристав говорит: «Ну и хаджи!
Как ночью к сторожу попал, скажи?»

«Ах, дорогой, подрался он с женой!
Я помирить старался их с женой.

За доброе намеренье браня,
Клевещет глупый сторож на меня».

Ссылается начальник на закон:
«Вопрос судьейю будет разрешен».

Оправдан будет бай наверняка:
Цена какая слову бедняка!

Нужда — косноязычный адвокат.
Богатство — вот отличный адвокат.

У бая звонкий золотой язык,
И против бая никаких улик.

Зачем писать об этом, Мукими?
Не то еще случается с людьми.

42. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В АНДИЖАНЕ

На Андижан обрушилась беда,
О ней расскажут вам мои уста.

Господь свое могущество явил,
Подвергнув казни здешние места.

Земля затрепетала, город стал
Печальной разоренного гнезда.

Был это вторник, пост был ураза,
Был это день шестнадцатый поста.

Мечеть и лавка, баня и дворец,
Завод и медресе тряслись тогда.

Вопили люди, и на муки их
Небесная глядела высота.

Кто уцелел — был голоден и наг.
А где его одежда, где еда?

Витала птица смерти над людьми.
Без крова оказалась беднота.

Старик не ведал, юноша не знал,
Спасенье где найти, бежать куда.

Не слезы — кровь струили небеса,
Такого не случалось никогда.

Но власть, с хозяйств по малой доле взяв,
Плоды делила разного труда.

Призвала пекарей и мясников,
Котел машинный привезла сюда.

Кормила бедных и вдовцов она,
Их тешила родная мастава.

А бесприютным власть дала приют,
Нашли его бедняк и сирота.

Врача направила, лекарства шлет, —
Великими делами занята.

Мы дальние края благодарим
За благостной заботы поезда.

Без этих вот забот — здесь от людей,
Конечно, не осталось бы следа.

Кокандец Мукими, о том, о сем
Какая говорить тебе нужда?

Твой страшный день, несчастный Андижан,
Запомнил я навеки, навсегда.

43—46. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

1

ОТ КОКАНДА ДО ШАХИМАРДАНА

Беда! Шипы судьбы моей
Мне сердце рвут на сто частей, —
Немало видел я людей,
Весьма обиженных судьбой.

Пешком, верхом ли, здесь ли, там,
Но странствие для нас — бальзам.
Я разъезжал по кишлакам,
Бежав от жизни городской.

Сарпинку вез попутчик мой,
Мы доскакали в час-другой.
Селенье звали *Ултармой*.
Вдали базар кипел толпой.

Не мог я сразу разобрать,
Что это женщин сотен пять
Пришли «святого» повидать,
И разглагольствовал «святой».

Спросил я: «Кто тут мингбаши?»
Ответили: «Иса-хаджи.
Хорош ли, плох ли — сам реши:
Он — мельник, он — богач большой.

Он скажет слово — и совет. . .
Всё для Иса-хаджи доход.
Он с прокаженного берет,
Мерзавец, негодяй такой».

И в *Дурманча* лежал мой путь.
Хватаясь каждый миг за грудь,
Я тут всю ночь не мог заснуть;
Я знал, что в *Дурманча* разбой.

Кази тут главный, говорят:
Он и судья и адвокат,
Да только все его бранят —
Характер у него дурной.

Опять толпа, опять «святой».
Он обкурился анашой. . .
Уйдя в колени головой,
Сидит безмолвный и тупой.

Дома в *Ак-Яре* на подбор,
Но путнику кричит Ак-Яр:
«У нас не постоянный двор!
А ну-ка, проезжай. Не стой!»

Но вот уже и *Рашидон*,
Его арыками пленен,
Его садами осенен,
Познал я будто рай земной.

Қишлак запальчивых людей —
Проедем *Захидон* скорей, —
Стыдятся здесь своих детей
Родная мать, отец родной.

Всё чисто здесь, везде уют,
Но пакостные люди тут,
Тут в чайхане вам подадут
Не чай — слабительный настой.

Алты-Арык, чтоб он пропал, —
Здесь ливень так меня хлестал,
Что я как паралитик стал.
Здесь очень хитрый волостной!

Он праведник, хотя с сорок
Берет пример: всё скок да скок,
Схватил кусок и уволок, —
Вот он — обычай воровской.

Полушку он зажмет в кулак —
Ее не отберешь никак.
Уходит от него бедняк
Обиженным, с пустой рукой.

В *Чимьёне*, что тюрьмы темней,
Шелковиц много, но гостей
Убраться просят поживей:
«Проваливай, такой-сякой!»

Вадиль — журчанье светлых вод,
Вадиль — ветвей зеленых свод.
Кто здесь прошел однажды, тот
Познал отраду и покой.

2

ОТ КОКАНДА ДО ФЕРГАНЫ

Кудаш оставлен мною был.
Я уезжал угрюм, уныл,
Я, как Меджнун, с ума сходил, —
Как мне легко дышалось там!

В *Яйпане* воздух неплохой,
Но жигели там — боже мой!
Бранятся, спорят. . . День-деньской
В *Яйпане* крик стоит и гам.

Вернуться бы в *Нурсух* назад!
Не яблоко и не гранат
Туда влекут, туда манят, —
Там виноград по всем садам.

Вот *Беш-Арык*. Здесь у сирот
Бессовестно богач крадет.
Тут сеет просо садовод.
Да, тут раздолье шутникам!

Здесь нет хромых, но даже плеть
Не может их загнать в мечеть:
Лень невозможно одолеть
Здесь самым первым силачам.

Сколь восхитителен *Рафкон*!
Прохладу обещает он,
И ложе, и спокойный сон
В густых садах своих гостям.

Но этот край — совсем не рай:
Здесь нищих много, мерзок бай,
Здесь анаша сменила чай,
Здесь пьют кокнар по чайханам.

Здесь дом соседними тесним.
Майдан — не разойтись двоим.
С товаром свален привозным
Здесь на базаре местный хлам!

Зашел я в лавку под конец,
Там песни пел один юнец.
Осел в сравненье с ним — певец, —
Не надо петь таким певцам.

Там трое юношей других
Держали ястребов своих.

И пес под утро лишь затих,
Всю ночь он лаял: «Спать не дам!»

Не мог заснуть я до утра.
И я решил: домой пора!
В *Канибадаме* пыль, жара,
Не еду я в *Канибадам*!

8

ОТ КОКАНДА ДО ИСФАРЫ

Судьба не жалует меня,
Коканд не радует меня,
Я, скуку и тоску гоня,
Решил проведать край иной.

И я поехал в *Яккатут*.
Усатый бакалейщик тут.
Дерет великий этот плут
Втридорога за сыр сухой.

Во вторник там базар как раз,
И женщины пустились в пляс.
Зевака не спускал с них глаз.
Стоял невероятный зной.

В расселине *Иштан-Солды*
Везде разбойников следы.
Там пахнут трупами сады,
Там всё грозило мне бедой.

А мингбаши там Эш-Давлат.
Как он хорош на первый взгляд!
Но, грош истратив, говорят,
Не спит он, бродит сам не свой.

Красавицами знаменит,
Яйпан мне сердце веселит.
Никто в *Яйпане* не грустит:
Что там за вербы над водой!

От писаря до старшины
Пекутся сельские чины
О благе этой стороны, —
Видать, начальник здесь не злой.

Нурсух прославился окрест:
Дехканин здешний вдоволь ест.
Мечети здешних райских мест
Сияют дивной красотой.

Базар в *Рафконе* тесноват.
Мулла в *Рафконе* туповат.
Хоть местный житель простоват,
Но каждый хочет быть муллою.

Хоть всякий куст для них доход,
Рафконцы скаредный народ.
К ним нищий раз в сто лет придет,
От них уйдет с пустой сумой.

Рабат — всех хуже кишлаков.
Он пастбищем стал для скотов —
Пустых ослов, тупых быков, —
Людей там нет, — вот он какой.

Я дальше степью покатыл,
Мирзу-Умара посетил.
Он во дворе тесал, рубил.
Он плотник, видно, неплохой.

Тебя я посетил, *Бурхан!*
Хороший нрав Бурхану дан.
Я был и к волостному зван,
И плов дымился предо мной.

Недельку, две бы тут пожить,
Но приходилось мне спешить.
Не смог я даже посетить
Тикка-Рабат мой дорогой.

Моя душа была грустна.
Я ехал в *Исфару*. Она
Лежала, солнцем сожжена,
Гранитной сдавлена грядой.

Там водопад летел с высот.
Там слаще, чем шербет и мед,
Урюка мне казался плод,
Обрызганный живой росой.

Жилище тигра — камыши,
Но сделать вывод не спеши, —
Живут везде, в любой глуши,
Не только злобные душой.

Судья, подобно мотыльку,
Носился там по кишлаку.
И закололо вдруг в боку,
И слег судья, — лежит больной.

Там на урде живет Зухур —
Гостеприимный балагур.
Придешь к нему и стар и хмур —
Уйдешь с улыбкой молодой.

Сын богача, собой урод,
Чаеоторговец там живет.
Бывает, даже не солжет, —
А правда выглядит дрянной.

Забудь о нем! Не трогай зла!
Приятен мед, страшна пчела.
За добрые твои дела
Мир наградит тебя хулой.

Рассказ кончаю. Невредим,
Аллахом мудрым, всеблагим
На всех путях своих храним,
Вернулся Мукими домой.

**НОВЫЙ ОТРЫВОК
ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ В ИСФАРУ**

В Коканде тяжело в жару.
И вот я вновь коня беру
И отправляюсь в *Исфару*,
И вновь передо мной *Яйпан*.

Я ехал в нестерпимый зной,
Я ехал адскою тропой.
В горах за каждую скалой
Разбойничий таился стан.

Тропы я не видал страшней, —
Я ехал по стране камней,
Где ноги пеших и коней
Пылали от жестоких ран.

Соленный видел я родник,
Я видел здесь жнецов нагих,
Халатов не было у них, —
Беднее здешних нет дехкан.

Здесь знал я двух певцов — Каххар
Один из них, другой Умар.
Но где они? Их бедный дар
Сердца хранят ли мусульман?

Я видел здесь гробницу, — в ней
Пленявший джиннов и людей
Спит переписчик-чародей.
При мне читали здесь Коран.

Я так устал к исходу дня,
Что грохнулся в *Чаркú* с коня.
В глазах двоилось у меня,
Глаза мне застилал туман.

Чаркú — в ущелье Исфары.
Здесь в пятницу базар. Дворы

Здесь закрывает тень горы.
Базарный тесен здесь майдан.

Здесь из *Матчи* батрак страдал.
Тряпьем он тело прикрывал,
Он даже хлеба не видал,
Был глиной сыт, водою пьян.

Правдивый тот Абдурасул
Сказал: «А лучше жить смогу ль?
А место лучше я найду ль?»
Хозяин у него — тиран...

ПОСЛАНИЯ

47. ПРИВЕТ

Месяцу меж звезд-сеидов от меня большой привет!
Самой славной из жемчужин в море славных мой привет!

Сколько шейхов я ни видел, сколько их детей ни знал, —
Вы одни столь безупречны, столь чисты душой. Привет!

Пусть, когда к реке придете, перед взорами у вас
В самоцветы превратится галька над рекой. Привет!

Пусть господь продолжит ваше благоденствие, друзья!
Пусть сияет ваше счастье яркою звездой. Привет!

Пусть в пути и на стоянках вас хранит пророк Ильяс,
Пусть всегда вас улаживает Хызр своей водой. Привет!

Снова с вами разлученный — я терзаюсь, я томлюсь.
Снова темной, снова страшной мир мне стал тюрьмой.
Привет!

Вспомню щедрых, и от горя в горло не идет кусок.
Вспомню добрых и заплачу, захлебнусь слезой. Привет!

За добро большое ваше чем смогу я заплатить?
Существо мое рыдает, стеснено тоской. Привет!

Обо всем я собираюсь кратко сообщить в письме.
Объяснить вам постараюсь, что сейчас со мной. Привет!

Ах, друзья мои, в Ташкенте я бессонницей томим.
Мне она, едва забудусь: «Эй, глаза открой, — привет!»

Дух мой бедный здесь встревожен, мысль моя
раздражена,
Аппетита никакого, силы никакой. . . Привет!

Задержался я с ответом, — плохо чувствовал себя,
А иначе к вам летел бы, к вам летел стрелой, привет!

Наша связь с Муллою-Юлдашем не наладится никак:
Он здоров — зубной я боли говорю: «Ой-ой, привет!»

Мне немного легче станет, только соберусь к мулле,
Он лежит, не может двинуть слабою рукой. Привет!

Он, догадываюсь, занят, я не спрашиваю — чем.
Пусть не растается счастье с дорогим муллою. Привет!

Разыскав Абдуфаттаха, письма я вручил ему.
Но его дела не кончив, дал ему покой. Привет!

Исполняя порученья, птицей тут и там ношусь.
Ни минуты нет свободной, верьте, ни одной. Привет!

Шейх ученый из ученых, может, не забыл меня, —
Так ему и Ишан-хану от меня живой привет.

Вы Миян-ходже скажите, — я почтительно прошу
Снисходительным к нам грешным, добрым быть судьей.
Привет!

Если Калан-хан приедет или Насреддин-ходжа,
Передайте им, пусть ходят радости тропой. Привет!

Встретитесь с муллою Зиёю и с другим таджиком вы,
Пожелайте им не знаться с горем и бедой. Привет!

Я склонил к Коканду ухо, вслушиваюсь, — может быть,
Тамошние мусульмане мне пришлют святой привет.

Я от сердца исходящий вам салам — привет послал.
Из учтивости пришлите мне хотя б сухой привет.

Здесь, благодаренье богу, родственники у меня.
Погощу у них, побуду со своей родней. Привет!

Мой в Ташкенте проживает родич Сулайман-ходжа.
В чайном он ряду торгует, — вот он кто такой. Привет!

Против чайного базара — рисовый базар. Хаким
Там большую лавку держит, шлет он тоже свой привет.

На его пишите имя — он известен хорошо.
Ваши письма мне доставят с верной быстротой. Привет!

Написал в стихах записку и сгораю от стыда,
Занимая ваше время всякой ерундой. Привет!

Ваши письма в мохарраме до меня, друзья, дошли.
Я сравню с врачом Лукманом дружеский простой привет.

Ваши письма освежили зеркало моей души,
Келью ночи светом залил сердцу дорогой привет.

Ваши строки сердцу пели, как влюбленный соловей, —
Я читал, я упивался каждой строкой. Привет!

Ваши строки — благотворны, а без них моя душа
Бродит по тропе болезней пленной их рабой. Привет!

Шлет привет Ирназарбеку и Камалу Мукими,
Пребывая неизменно верным вам слугой. Привет!

48. ПРИВЕТ

Другу просьбу я пишу, шлю в стихах ему привет.
День разлуки ночью стал, он рождает тьму. Привет!

Ты уехал далеко. Пусть моя постель из роз, —
Ранят всё равно шипы. Другу моему привет!

У меня в Коканде друг, лучший, первый из друзей.
Шлю учености его, светлomu уму привет.

Сколько можно быть в пути и привета не послать?
Чем молчанье объяснить, — в толк я не возьму. Привет!

А приедешь — привези мне какой-нибудь пустяк.
Если купишь самовар, самовар приму. Привет!

Ты обрадуй — приезжай. Ну а будешь уезжать,
«До свидания» скажу, крепко обниму. Привет!

Привези мне что-нибудь — хоть иголку, хоть карнай.
Доверяюсь я во всем вкусу твоему. Привет!

Будет краток Мукими. Говорят: «Салам, салам»,
И в ответ: «Салам, салам», — шлю я потому привет.

49. ОТВЕТ ФУРКАТУ

Для чего же о свиданье мне упоминать, когда
Вы в отсутствии и келья нашей близости пуста.

Выслушайте, дорогие, со вниманием меня —
Вся в посланье перед вами обстоятельств череда.

Братья, вот она причина прекращения вестей:
Более чем четверть года я хворал, попав сюда.

Каждому хотел быть другом, друга не нашел нигде,
Обойдя дороги мира, кишлаки и города.

Внешне жизнь моя уныла, весь внутри разрушен я.
Печень истерзало горе, грудь изранила нужда.

Дорогие, помолитесь, чтобы мне господь помог.
Грешный раб — я заблудился, а мои идут года...

Только утро наступает, пост печали я держу.
Только сумрак повисает, лишь печаль моя еда.

Скорби ржавчина покрыла зеркало моей души, —
Ты письмо прислал — от скорби не осталось и следа.

Ни за что не написал бы, но пришло письмо от вас,
И ответное посланье я писать засел тогда.

Рад я, что Махдум смягчился, каюсь, раньше полагал —
Сердце у него жестоко, как скала душа тверда.

Если б с душенькой Махдумом встретиться мне
и с тобой,
Вам сказал бы по секрету, в чем сейчас моя беда.

Русских женщин я увижу, и тотчас передо мной
Косы милой мусульманки, помню их я неспроста.

Абдулазиз-хан мне пишет: «Сколько ты страдаешь
лет?»
Был бы ты со мной, помог бы мне и той, что не горда.

Бай разбил кувшин с водою — баю слава и хвала,
Бедняка все порицают, кем доставлена вода.

Вас, родные, вспоминаю — только зазвучит ситар,
Я вдали от вас рыдаю, грусть кривит мои уста.

Много девушек в Ташкенте, но владычицы моей
Ульфатхон, моей любимой, несравненна красота...

Ни строки, ни слова даже мне Завки не написал, —
Я сердился, я бранился: «Чтоб сгорел ты от стыда!»

Знать он, видно, не желает, помер я или живу, —
Добавлять он не желает малого себе труда.

Перечел я эти строки и прощения прошу:
Я хоть вспыльчив, но отходчив, — зла не помню никогда.

За мирзу Абдулкарима, за муллу Садуллу я
Возношу молитвы небу повсеместно и всегда.

Милые, не говорите: «Как он хорошо живет», —
День и ночь о вас тоскую, — не легка моя судьба.

Пишет Муками Фуркату: «Если ты ответишь мне,
Прославлять тебя я буду вплоть до Страшного суда».

50. ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО ФУРКАТУ

Достопочтеннейшие, вам в ответ
Посланье шлет печальный ваш поэт.

Аязы, Аристотели мои,
Платоны мудрости, эпохи цвет,

Арканы искрометного ума, —
Вам на охоте мысли равных нет.

Как стыло сердце! Но письмо пришло,
Письмом доволен я, письмом согрет.

Спросили вы о нищем-бедняке, —
Благополучны будьте много лет!

Вы пишете, что вы в газет-хане,
Что переводите, — желаю вам побед!

В Шейхантауре наших пять друзей
Сегодня учатся; ученье — свет.

Ученье, будто яркая свеча,
Мир освещает, каждый в нем предмет.

Вы спрашиваете, здоров ли я.
Всё руки ломит, вот беда всех бед.

А что касается других обид, —
Бессонница — одна из их примет.

Немало здесь, в Коканде, подлецов;
Кровь человеческую пьет клевет.

Стрела несправедливости летит, —
Я каждую такой стрелой задею.

Друзьям приветы передал; друзья
О них молиться просят, шлют привет.

Скорьбу Муками бумагу пепелит, —
Он, значит, не годится для газет.

51. ОТВЕТ НАДИМУ ИЗ НАМАНГАНА

Обращения в письме в начале стоят,
Я вот так и начну: чтимый мной стократ,

Друг почтенный, о вас молюсь каждый час,
Чтобы Джам вам поднес чашу всех услад.

Пусть для вас этот мир будто сад цветет,
Пусть для вас мир иной цветет будто сад.

Пусть не будет для вас в делах и трудах
Никаких — ни больших, ни малых преград.

В день четвертый поста получил письмо, —
Ваши письма всегда меня молодят.

Рад, что вам хорошо, досточтимый друг,
Вашей радостью я, как всегда, богат.

Было ваше письмо сладко для меня,
Но во фразе одной заключался яд:

Упрекнули меня: слова не сдержал, —
Если б бог пожелал, было б так навряд.

День тот самый, когда уехали вы,
Первым днем был поста, все теперь постят.

А в Ташкенте жара, солнце как огонь,
И в Ташкенте жара — нестерпимый ад.

Разом — пост и жара. . . «От страданья вода
Нынче кстати была б!» — постники твердят.

Правоверный бредет, язык на губе,
Все внутри потроха у него горят.

Мусульмане вопят: «Жарко, пить хотим!»
«Ледяной бы воды!» — умоляет взгляд.

Кое-кто сплеховал, взял и пост прервал, —
Кое-кто от жары волей слабоват.

Люди, встретясь теперь, в пору жарких дней,
Не «салам» говорят, «воды» говорят.

Если спросит отец — не ответит сын.
Рты от зноя молчат, глаза не глядят.

С толку сбились совсем, пусто в голове, —
В голове только дым, в голове лишь чад.

Города перемерут, если будет в пост
Вот такая жара года два подряд.

Грешен, плохо пощусь, силы нет — жара!
К вам письмо, господин, не идет на лад.

Если б в этакий жар на плече моем
Соловей зазвенел, — я бы не был рад.

Слова я не сдержал, — вот причина: зной.
Сходят люди с ума, будто ртуть кипят.

Отдохнуть бы пора — день и ночь жара.
Мусульмане почти не едят, не спят.

Если в руки дойдет вам мое письмо,
Ваши строки в ответ пусть скорей летят.

Только кончится пост, если даст господь,
Возвращусь в Коканд, — так дела велят.

52. ДРУЗЬЯМ В ТАШКЕНТ

Бесконечно дорогие, да хранит вас бог! Привет!
Вы — сердечности источник, мудрости исток. Привет!

Где бы вы ни проходили, там пускай цветы цветут,
Покрывая отпечатки ваших легких ног. Привет!

За невиданную щедрость вас господь вознаградит.
Будьте счастливы, не знайте никаких тревог. Привет!

Пусть у вас в руках работа, дело всякое кипит.
Пусть удачным дело будет и пойдет вам впрок. Привет!

Ваших душ пусть не коснутся ни унынье, ни печаль.
Пусть довольство украшает светлый ваш чертог. Привет!

Погостили вы в Коканде, побывали у меня.
Гость — хозяину отрада, радости залог. Привет!

Не сердитесь на безумца, добрые мои друзья,
Что я писем не писал вам слишком долгий срок. Привет!

Вы почаще мне пишите. Буду письма вам писать
До поры, пока не ступит смерть на мой порог. Привет!

Я уверен — ваша память, благосклонная ко мне,
Скажет старику-поэту: «Ты не одинок, привет!»

Не скрываю, обещаю, что без дружеских бесед
Поскучать меня заставил беспощадный рок. Привет!

Мне как будто стало легче, поправляется рука.
Обо мне не беспокойтесь: хворь я превозмог. Привет!

Вы галоши обещали из Ташкента мне прислать —
Может быть, в галоше каждой будет сапожок? Привет!

Пусть галоши эти будут не малы, не велики,
Чтоб, как человек солидный, я носить их мог. Привет!

Муками живет любовью снисходительных друзей.
Умоляет он: пишите, не жалейте строк. Привет!

53. ЗНАКОМЫМ В АНДИЖАН

Достопочтенным мудрецам шлю в Андижан привет.
Всем, кто знаком со мною там, шлю в Андижан привет.

Всем, кто в компании большой пирует ночь и день,
Хотя не предаюсь пирам, шлю в Андижан привет.

Ата-Фазыл, Ахмад-баба́ и Мирзабай-хаджи,
И ты, Мухаммаджан, я вам шлю в Андижан привет.

Бута-Қара и Мухиддин, и Қари-Мухиддин,
Прошу, примите мой салам, — шлю в Андижан привет.

Живу от музыки вдали, мне пеня не слышать,
Но музыкантам и певцам шлю в Андижан привет.

Они забыли обо мне, но всем, кто нравом строг,
И всем гулякам-шутникам шлю в Андижан привет.

Не забывайте же друзей, пусть изредка, но шлет
Печальным и больным друзьям и Андижан привет.

Всегда за скромность Мукими, — не хочет потому
Он некоторым гордецам слать в Андижан привет.

54. ПЛЕМЯННИКУ В МОСКВУ

Какие были времена! Я радость знал, мой друг.
Хотел я горе разделить — тебя я звал, мой друг.
Ты приходил — и я сиял, торжествовал, мой друг.
Меня ты силой наполнял, мне свет давал, мой друг.
Как много горя без тебя я повидал, мой друг!

Я горько жил, невесела была моя душа,
Был свет не мил, невесела была моя душа.
Ты приходил — и весела была моя душа.
Ты говорил — и весела была моя душа.
Весенним солнцем душу мне ты наполнял, мой друг.

Усыпал розами Аллах устроенный твой путь.
Так больших достигай высот, еще счастливей будь,
Всех сверстников опережай, и дядю не забудь.
Ты вспоминаешь ли Коканд хотя когда-нибудь?
Ты говоришь ли: «Дядя там печаль познал», — мой друг?

Живется трудно: от беды — моя душа в огне.
Не вижу звезд: от нищеты — моя душа в огне.
Дровам подобно — от луны моя душа в огне.
А ты — хоть раз сказал ли ты: «Моя душа в огне, —
Я в мире одинок, родных я растерял», мой друг?

На сердце стало веселей: мне карточку свою
Племянник шлет. — Я богачей: он карточку свою,
А с ней тринадцать шлет рублей, шлет карточку свою!
Ах, получить бы поскорей мне карточку твою!
Преобразился Мукими, другим он стал, мой друг.

55. ПИСЬМО ПО СЛУЧАЮ ПЕРВОГО СНЕГА

Примите поздравленья — выпал снег!
Готовьте чаши, созывайте всех!

При первом появлении зимы
Обычай старый вспоминаем мы.

Письмо мы пишем, — кто письмо найдет,
Обязан славный пир устроить тот.

Пусть о богатом пире говорят:
«Такого бы не задал сам Бехзад».

Вы лучших изберите мастеров,
Чтобы в большом котле варили плов.

Пусть музыканты лучшие придут,
Пусть на пиру и най и чанг поют!

Барана выбирайте пожирней!
Украстье дом как можно поскорей!

И пусть чтецы газелей не молчат,
Пусть ангелы им подражать хотят!

А мудрого из мудрых поручу
Я вам одеть в атлас или в парчу.

Пусть царствует непринужденный смех!
Мое почтенье — первый выпал снег.

Я болен, но письмо подбросил я.
Простите Мукими, мои друзья!

56. ТАК ЗАВЕДЕНО

Написан золотым пером закон.
Выносятся на рассмотрение он.

Ему — прекрасному — ты следуй, друг!
Ему согласно, ты беседуй, друг!

Но правила не нарушай бесед, —
Уж лучше гнить в зиндане много лет.

Вот *первая* статья: «Любую речь
От разглашенья надобно беречь.

А на базар уйдут друзей слова,
Ты штраф заплатишь — кара такова.

Высокий чин велит, как ни крути,
Но три рубля за болтовню плати».

Статья *вторая*: «Всех на шесть часов
Зови, и богачей и бедняков.

А если ты замешкался в пути
И опоздал, — тотчас же штраф плати.

Чеши в затылке, — правила гласят, —
Но тут же уплати рубль шестьдесят.

Иначе пеня набежит с тебя:
Двадцать копеек с каждого рубля.

А если можешь оправдаться ты,
Свидетельствуй во имя правоты.

Ты в канцелярии всё докажи,
«Я прав, ну и так далее», — скажи.

Статья и *третья* есть: «Вновь штраф внесешь,
Когда умышленно ты не придешь.

А если заболешь, добрый друг,
Запиской надо подтвердить недуг.

А если нет записки, то злодей
Обязан уплатить все пять рублей».

Статьей *четвертой* взнос определен,
Какой на каждый нос определен.

Высокий чин, господь его прости,
Твердит одно: «Плати, плати, плати».

И если вам понравится закон,
То будет Муками весьма польщен.

ГАЗЕЛИ

57. ТЕБЯ Б НЕ ВИДЕТЬ ЛУЧШЕ

Ночей моих мученье, жестоких дней беда,
Тебя б не видеть лучше поэту никогда!

Зерно любви посеял я на поле души.
Взгляни, согрей: посеvu взойти ли в холода?

Я слезы лью, увидев твой милый базилик, —
Растению любому всегда нужна вода.

Студент тебя попросит преподавать любовь, —
Из всех наук он эту усвоит без труда.

Как тонок стан любимой, законник не поймет,
Над тонкостью законов не просидев года.

Чтоб дерзкий не смеялся соперник надо мной,
Ты обо мне справляйся хотя бы иногда.

Султанша нежноликих! Страдает Мукими, —
Влюбленному ответишь ты на газель когда?

58. В ПЛАЩЕ ИЗ РОЗ

Ветерок молю, чтобы он донес
Эту песнь мою — ей, в плаще из роз.

Если ей страшна ада глубина,
Обо мне она пусть задаст вопрос.

Болен сто ночей, мучаюсь сто дней,
От разлуки с ней мой недуг возрос.

Плачу, жду ответ, а ответа нет, —
Мной потерян след девы райских грез.

Где газель моя? Оклеветан я:
Ложный на меня послан ей донос.

Горек мой удел: ветер прилетел,
Тучу острых стрел от нее принес.

Будешь мукой сыт, врач не исцелит! —
Как душа болит от таких угроз!

Мне бальзам от ран госпожой не дан,
Хоть и добр султан к тем, кто наг и бос.

Ты приди, прими слезы Мукими, —
Он богат, пойми, только морем слез.

59. ПОГОВОРИМ

Приди, приди, друг несравненный мой,
Когда придешь, — поделимся тоской.

Срок вождельенья слишком долгод был.
Красавица, поговорим с тобой.

Нам, виночерпий, чаши наливай —
Вторую, третью, — мало нам одной.

Разлуки ад познали ты и я, —
В саду свиданья рай найдем земной.

Страдать доколе?.. Мы в степи безумств
Беседой обменяемся живой.

Приют желанию друзья нашли, —
Пойдем им вслед дорогою прямой.

Ликует Муками, как соловей,
Соединенный с розой молодой.

60. В ГОРОД, МИЛАЯ, ПРИДИ...

В город, милая, приди, чтоб не стал пустыней он.
В город милая придет — и народ со всех сторон.

Если милая в горах, куропатки этих гор
Стонут, ревности полны. Пусть их прекратится стон.

Ты открой свое лицо. Увидав твой лунный лик,
Осветивший землю всю, ночь оставит небосклон.

Пей вино и веселись, и сиянием твоим
Будет в цветнике цветок и пленен, и посрамлен.

На пиру у красоты сердце я тебе вручил.
Пусть сынками богачей пир не будет оскорблен.

На красавицу свою жалобу не приноси, —
Вот условия любви, вот для Муками закон.

61. НА СЕРДЦЕ ХОРОШО

Ты страдальца посетила — и на сердце хорошо.
Ты меня преобразила — и на сердце хорошо.

Думал я: «Цветок желанья осенью не расцветет», —
Ты весну мне возвратила — и на сердце хорошо.

Я стонал, тебя встречая. Искра страстного огня
Дерзкого не опалила — и на сердце хорошо.

Без тебя прошло в разлуке сорок бесконечных дней,
Но меня ты навестила — и на сердце хорошо.

Теплилась во мраке горя бледная свеча судьбы.
Ты всё светом озарила — и на сердце хорошо.

Лишь терпение осталось, только мужество мое,
А рассудка ты лишила — что для сердца хорошо!

Смыло каменные горы половодье слез моих,
Но глаза мне сохранило — и на сердце хорошо.

Ты надежды не давала, но дороги этих глаз
Ты сама определила — и на сердце хорошо.

На меня ты посмотрела — будто жемчуг дорогой
Муками ты подарила, — и на сердце хорошо.

62. СМЕЙСЯ, ДРУГ, И ПЛЯШИ!

Эй, приятель, для души гости очень хороши!
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Жизнь прекрасна, спору нет, пусть на свете много бед.
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Больше радость ты цени, грусть подальше ты гони.
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Если тысячи хлопот, если миллион забот,
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Грешных чад своих любя, бог помилует тебя, —
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Милостив господь: за грех не сочтет он танец, смех, —
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Хорошо нам и без роз, роз, не ведающих слез, —
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Милая, лицо открой, погляди на танец мой, —
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Руку дай и побежим, милая, путем одним, —
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

Долго ль Муками страдать, долго ль думать и гадать, —
В круг друзей поспеши, смейся, друг, и пляши!

63. ВЛЮБИЛАСЬ ФЕРГАНА

Не только я в тебя влюблен, — влюбилась Фергана,
Влюбилась Индия в тебя и Мекка влюблена.

Кому пожаловаться мне, что я тебя люблю
И что любовь твоя не мне — другому вручена?

Светильник щек твоих горит, как роза на пиру, —
Мне крылья сжечь, как мотыльку, — цель у тебя одна.

Блюститель нравов, не мешай, не запрещай мне пить.
Я в винной лавке пью вино, моя душа пьяна.

К могиле приготовься, друг, в могиле отдохнешь, —
Обитель темная земли для бедняка грустна.

Не задавай вопроса мне, богач, где я живу, —
У нищего жилища нет, земля ему тесна.

Не только звонкий соловей, с ним вместе Мукуми
Рыдает глухо, как сова, — душа его больна.

64. В САДУ КРАСОТ

Меня ты опьянила лунным ликом,
Сияньем локонов с ума свела.
В саду красот с твоей красотой сравниться
Жасмин не мог бы, роза не могла.

Сперва пришла. Лицо свое открыла.
Украдала сердце. С ним исчезла вмиг.
Соперник торжествует. Я унижен.
А пери только бровью повела.

Нет ночи, чтоб до самого рассвета
Я не рыдал. Немилосердна ты!
Ты сердца моего и не искала.
Ты моему — другое предпочла.

Весть о тебе я получил. Спасибо.
Благодарю за милости намек!
Хотя надежды мне ты не давала,
Но всё же ты ее не отняла.

Твои пути парчою устилаю
И рассыпаю золото на них.
Мне равнодушьем грудь испепелила,
Мне печень невниманием сожгла.

Всю жизнь страдаю, разлучен с тобою,
Я на глухую ревность обречен.
А ты ушла, и я один остался.
И я горю, и я сгорел дотла.

В подлунном мире яд с лекарством рядом.
Не существует розы без шипов.
Друзей и так на свете слишком мало,
А ты меня на муки обрекла.

Сердечная привязанность — вот ноша.
Ее несущая, она всё тяжелей.
Меня казнят твои уста-рубины, —
Но родинка над ними так мила!

Вино — запретная отрада наша —
Эмира и бродягу веселит.
О виночерпий в храме наслажденья,
Волшебных опьянений пиала!

Мы все умрем, и каждому придется
Испить из горькой чаши в смерти час.
Я, Мукими, и ты, Мухи, мы оба
Ту горечь выпьем. Таковы дела...

65. ОПЯТЬ

Моя свобода пери мне вручена опять, —
Я к ней стремлюсь, а пери себе верна опять.

Не раз красавиц нежных жестокость я терпел, —
Из-за одной прекрасной душа грустна опять.

Не спал из-за красавиц я ночи напролет, —
Из-за одной — лукавой — не знаю сна опять.

Сегодня я несчастен, сегодня, кравчий мой,
Хочу напиться пьяным, — налей вина опять!

Я — Муками — хотел бы застыть на месте том,
Где, разума лишая, пройдет она опять.

66. СКОЛЬКО ЛЕТ

С другим мила, а вот со мной не знаться сколько лет?
Тюльпану сердца быть в крови, терзаться сколько лет?

День для меня — разлуки ночь, напиток — яд тоски.
Мой ясный месяц, будешь ты скрываться сколько лет?

Из обещаний ста хотя б сдержала ты одно.
Твоим устам над простаком смеяться сколько лет?

Ах, зданье сердца моего разрушено тобой!
Ах, слезы горькие мои струятся сколько лет!

Голубки, горлинки в слезах, рыдают соловьи,
Не видя пери, цветники томятся сколько лет!

Лейли — владычица души, я встречусь ли с тобой?
В пустыне, как Меджуну, мне скитаться сколько лет?

О косах думая твоих, в смятенье Муками:
Внимание твоё привлечь стараться сколько лет?

67. КРАСАВИЦА, КРАСАВИЦА

Ты не взглянула, ты ушла, — красавица, красавица.
Мне только муки принесла — красавица, красавица.

Ты — самый стройный кипарис меж всеми кипарисами,
Но жизнь мою оборвала — красавица, красавица.

Беспечным гребнем не терзай свои святые локоны —
В них наши души без числа запутались, красавица!

Не любишь, не ревнуешь ты, танцуешь — равнодушная,
И диадема так светла — красавица, красавица.

Я с окровавленным лицом покинул келью нежности:
На ожиданья обрекла напрасные красавица.

Нарцисс мечтал твой видеть лик, когда между павлинами
Так удивительно мила опасная красавица.

Мечтая повидать тебя, теряю я сознание.
Одни лишь слезы мне дала — красавица, красавица.

И стал я пленником твоим, едва ты струны тронула,
И музыка вдруг ожила — красавица, красавица.

Пытался тайное сберечь — открылось сокровенное,
А ты ничем не помогла — красавица, красавица.

68. ЭЙ, ВИНА!

Кравчий, дай побольше чашу! Кравчий, не жалея вина!
Я напьюсь — и сгинет горе, — мне еще налей вина!

На пиру беседа с милой заменяет мне вино, —
Ведь уста ее как кубок, а слова — пьяней вина!

Будет ли цветник приятен, будет ли арык хорош,
Если жаждущему влаги не дадут скорей вина?

Скажешь ли, всего на свете ты — удачливый — достиг,
Если ты не подливаешь госпоже своей вина?

Чтобы роза побледнела, выпей и лицо открой, —
Озаренная луною, будешь розовой вина.

Если выпьешь и пройдешься, розовым лицом горя,
Будут встречные в смятенье, улицы шумней вина.

Днем и ночью в лавке винной вы найдете Муками, —
Днем и ночью, грустный, пьяный, восклицает: «Эй, вина!»

69. МОЯ ЛЮБОВЬ

Люблю тебя, и велика моя любовь.
Мне душу радует, легка моя любовь.

Воздвигнем на своих путях любви приют.
Я — твой Юсуф, ты — Зулейха, моя любовь.

Зачем страдаю я, зачем я слезы лью?
Напрасно всё, но глубока моя любовь.

Рассудок потеряв, по улицам брожу.
Скитаюсь, нищий, — жестока твоя любовь.

В надменную все влюблены и плачут все:
На всех ты смотришь свысока, моя любовь.

Я родинки твои люблю, оставь одну,
Всего одну для бедняка, моя любовь.

Доколе будешь невниманием казнить?
Не смею понимать пока твою любовь.

И жду тебя, и жду — смиренный, как монах, —
Тебе пусть будет дорога моя любовь.

Но без меня твои прогулки. . . Муками
Приветствует издалека свою любовь.

70. ГНЕТЕТ ПЕЧАЛЬ

Без солнца лика твоего меня гнетет печаль,
Его я жажду увидеть, мне душу жжет печаль.

Свиданья утро позади, вот и разлуки ночь.
Мой взор в крови вечерних зорь, — в нем всех
невзгод печаль.

В углу отчаянья томлюсь, унылый и больной;
Когда меня ты посетишь, тогда пройдет печаль.

Едва я вспомню твой дутар и пение твое,
Еще мне станет тяжелей: великий гнет — печаль!

Уж если мусульманка ты, поверить ты должна, —
В глаза мне, как в тюльпаны, кровь всё льет
и льет печаль.

Моя кровавая слеза всё объяснит тебе,
Причину желтизны своей лик назовет: печаль!

Слова печали нанизал на строки Мукими, —
Одно он может повторять: «Разлуки плод — печаль».

71. А ТЫ УШЛА

Ты нанесла мне сотни ран. Они болят, — а ты ушла.
Все знают о беде моей, и в сердце ад, — а ты ушла.

Ты сердце истерзала мне, — скажи, какой же ты султан?
Я ранен, разорен тобой твой султанат, — а ты ушла.

Я умираю от любви, насмешка, ложь и клевета
По наущенью твоему меня клеймят, — а ты ушла.

Жестокосердая! Гранит и тот бы мягче воска стал,
Увидев, что в бою меня враги теснят, — а ты ушла,

Никто из добрых мусульман средь битвы не бросал
друзей.
Не кончен бой, и тучи стрел еще летят, — а ты ушла.

Мне лучше бы не знать тебя, но даже думать я не мог,
Что клевета, позор и стыд меня сразят, — а ты ушла.

Но всё ж, красавица, тебя благословляет Мукими,
Он бедняка бедней, тобой он был богат, — а ты ушла.

72. ПРИЕЗЖАЙТЕ

Вы не долго собирайтесь, — приезжайте поскорей!
Беды множить не пытайтесь, — приезжайте поскорей!

Плачу. Слезы ожидания в безграничный океан
Превратить вы не старайтесь, — приезжайте поскорей!

Ждать себя не заставляйте. Я приехать не могу.
От меня не отрекайтесь, — приезжайте поскорей!

Где вы нынче? В Андижане? Большею муки для меня —
Я прошу, не добивайтесь, приезжайте поскорей!

Греет ли наряд разлуки, если на дворе зима?
Вы весны не дожидайтесь, — приезжайте поскорей!

Капли моего терпенья — дорогие жемчуга.
Ими не обогащайтесь, — приезжайте поскорей!

Ваш и соловей, и роза — вами Мукими забыт.
Что тут делать — догадайтесь, приезжайте поскорей!

73. СТО ТЫСЯЧ МУЧЕНИЙ

Кровавою плачу слезой, — куда я уйду от тебя?
Палач удивительный мой, куда я уйду от тебя?

Твой локон — из шелка петля, он давит мне шею и жжет.
Твой меч над моей головой, — куда я уйду от тебя?

Сто тысяч мучений даны мне в мире, страдальцу-слепцу.
И виселица предо мной. Куда я уйду от тебя?

Сверкает корона твоя. До пояса косы твои.
Побыть разреши мне с тобой: куда я уйду от тебя?

Весь мир без тебя — как тюрьма. Верблюжий бубенчик —
И кажутся розы травой, — куда я уйду от тебя?
мой стон.

Ласкают весны ветерки твой локон, и нежен твой стан, —
Убийца он хитрый и злой. Куда я уйду от тебя?

Свой меч ты вонзила мне в грудь, я стонами
Твоею казним красотой, куда я уйду от тебя?
всех разбудил.

Ты видеть не хочешь меня, не хочешь ты знать Мукими.
С истерзанной скорбной душой куда я уйду от тебя?

74. Я — ФАРХАД

Когда ты павойходишь в сад, любимая моя,
Все павы стать тобой хотят, любимая моя!

Твой стройный стан как кипарис. Завидуя тебе,
В саду сломался бук-шамшад, любимая моя!

Когда с улыбкой ты пройдеши, готов пробиться я
Сквозь горы горя, — я Фархад, любимая моя!

Стальное сердце у тебя: несчастные твои
Поклонники о том твердят, любимая моя!

Но где, лукавая, ты прошла равнинами садов,
Там все сады в цвету стоят, любимая моя!

Сердца соперников моих измучены тобой, —
Такой жестокости я рад, любимая моя!

Другие плачут. Муками ликует и поет:
«Мне подарила нежный взгляд любимая моя».

75. ИЩИТЕ

Искать заставит падишах — меня ищите вы.
Мне имя — Скорбь. Где скорбь в очах, там и ищите вы.

Мне имени другого нет. Меж тех, кто от беды,
Как сорванный тюльпан, зачах, меня ищите вы.

Лейли вы ищите? Она не там ли, где Меджнун, —
Там, где безумные в слезах, меня ищите вы.

Уж если сердце вам велит скитальца отыскать —
Среди людей, чья жизнь в цепях, меня ищите вы.

Красавиц я любил, я пил измены купорос, —
Там, где под их стопами прах, меня ищите вы.

Уста красавицы — как мед, но он не для меня.
Меж тех, кто прожил жизнь впотьмах, меня ищите вы.

Ужасны жернова судьбы. Меж тех, чья пища — боль,
К кому немилостив Аллах, меня ищите вы.

Меж тех, кто муравья слабей, чья черная звезда
Горит в жестоких небесах, меня ищите вы.

В любви несчастен Муками, — уж лучше умереть.
Там, где неведом смерти страх, меня ищите вы.

76. ТВОЙ ЛИК

Если б лик ты приоткрыла, я б молил, молил твой лик
Быть всегда передо мною, взор бы свой вложил
в твой лик.

Если бы увидел постник брови милые твои,
Он забыл бы о михрабе, но не позабыл твой лик.

Лишь однажды я изведаль взора твоего набег, —
Государство сердца в пепел сразу превратил твой лик.

Мимо Зулейхи пройдешь ты, поражая красотой, —
Зулейха переменилась: не Юсуф ей мил — твой лик.

Сердца госпожа, по саду ты — прекрасная — пройдешь, —
Равных нет тебе соперниц, — паву изумил твой лик.

На пиру сравнил с тобою я красавиц остальных, —
Лица их — как звезды; солнце меж других светил —
твой лик.

О тебе зашла беседа, речь о родинке твоей, —
Собеседников мгновенно разума лишил твой лик.

Если б милостью Аллаха исцелился Муками, —
Он к тебе б пошел, желая, чтоб ему светил твой лик.

77. ТЕБЕ ПРИВЕТ!

Моей султанше и царице — тебе привет!
Один Юсуф с тобой сравнится. Тебе привет!

Прошу я ветерок весенний, — пусть отнесет
В твой милый сад, в твою столицу — тебе привет!

Моя судьба во тьме глубокой. Твой лунный лик
Пусть озарит мою темницу. Тебе привет!

Опьянясь вином безумья, люди все окрест шумят:
Значит, вы лицо открыли, значит, чернооки вы.

Кровью слез моих — не хною — ваши крашены ступни, —
Это слёз моих кровавых перешли потоки вы.

Онемел я, вас увидев. Засмеялась: «Что ж молчишь?
Где же твой язык?» Привыкли нам давать уроки вы.

Я свечою восковою вспыхнул на виду у всех, —
Мне пылать до самой смерти указали сроки вы.

Соловей поет о розе, Мукими поет о вас, —
Умоляет, не считайте шуткой эти строки вы.

81. И ВСЁ!

Моя любовь, передо мной ты мчалась на коне — и всё,
Я к стремени припал, тебе молился в тишине — и всё.

Воздел я руки и сказал: «Сладкоречивее тебя
Красавицы я не слыхал, не знал у нас в стране», —
и всё.

С улыбкой отвечала так: «Горел ты ярче остальных,
Горевших по вине моей на яростном огне», — и всё.

«Да, — я сказал, — я долго ждал, с тобой в разлуке
я пылал, —
В святилище свиданья ты, прошу, доверься мне», — и всё.

Она спросила: «А зачем?» Я отвечал: «Чтобы вручить
Тебе все помыслы мои с тобой наедине — и всё!»

Еще добавил Мукими: «О боже, сохрани меня, —
Один я без проводника в опасной стороне», — и всё!

82. МИЛАЯ

Помнишь, что за встречи были, милая моя, у нас?
Царства мне не надо — только видеть бы тебя сейчас!

Если б ты пришла к больному, я бы на пути твоём
Слезы радости рассыпал, каждая была б — алмаз.

Разве б я не стал счастливым, если б госпожа меня
Из числа рабов послушных выделила только раз?

Успокоилось бы сердце после светлых слез моих, —
Так весною дождик легкий освежает трав атлас.

Ждал тебя я отовсюду, во все стороны глядел, —
На дороге ожиданья мало двух мне было глаз.

От безжалостных красавиц натерпелся я обид,
Но любить я не устану, хоть грозит опять отказ.

Почему б тебе — жестокой — Мукими не пожалеть?!
Мне за муки полной мерой заплатить отдай приказ.

83. ЛУЧШЕ БЫ НЕ ВИДЕТЬ

Лучше бы не видеть, лучше бы не знать,
Лучше бы на улице пери пери не встречать.

Слова мне не скажет, мимо проходя.
Мне б о ней не спрашивать, сердца не терзать.

Если б счастье ведал, за счастливый миг
Все двенадцать месяцев я готов страдать.

Помыслы известны тайные мои:
Розою прекрасною день и ночь дышать.

Мне б устами тронуть край ее одежд,
Мне б моих соперников к ней не допускать.

Муками придавлен ярусами бед.
Лучше б о красавицах вовсе не слышать!

84. ЖИЗНЬ ЗА ТЕБЯ ОТДАМ

Могу я только повторять: «Жизнь за тебя отдам!»
Не заставляй так долго ждать, — жизнь за тебя отдам!

Тебя я видел краткий миг, и вновь исчезла ты.
Я жду свидания опять, — жизнь за тебя отдам!

Я полюбил твой лунный лик. Довольно, перестань
Меня казнить, меня терзать, — жизнь за тебя отдам!

В тюльпанах степь от слез моих, кроваво-красных
слез, —
Могу одно тебе сказать: «Жизнь за тебя отдам!»

Пленяешь ты сердца других вниманием своим,
А вот меня не хочешь знать, — жизнь за тебя отдам!

Однажды лик увидев твой, я потерял покой;
На мне влюбленности печать, — жизнь за тебя отдам!

Бальзам свиданья приготовь для тяжких ран моих —
Я буду взор твой прославлять, — жизнь за тебя отдам!

Мне долго ль плакать от любви? Меня не заставляй,
Как облако, дождем рыдать, — жизнь за тебя отдам!

Всех похитительниц сердец, властительниц других
Я не желаю признавать, — жизнь за тебя отдам!

Когда бы обошел весь мир, красавицы, как ты,
Не смог нигде бы отыскать, — жизнь за тебя отдам!

Пока живу, пока дышу, пока душа во мне,
Тебя лишь буду милой звать, — жизнь за тебя отдам!

Тебя вовек мне не забыть, так не должна и ты
О верном друге забывать, — жизнь за тебя отдам!

О, сжался надо мной, больным, познавшим гнет любви,
Не слишком заставляй страдать, — жизнь за тебя отдам!

С тобой в разлуке у меня обязанность одна —
И день и ночь к тебе взывать: «Жизнь за тебя отдам!»

О, если бы я только был и счастлив, и богат,
Чтоб ты могла счастливой стать!.. — Жизнь за тебя
отдам!

Одну молитву я творю, я на тебя молюсь, —
Пока еще смогу дышать, жизнь за тебя отдам!

Богатство отдал бы тебе. Как жаль, что я бедняк!
И где же мне богатство взять? Жизнь за тебя отдам!

Когда бы ты вручила мне цветок граната свой,
Я знал бы счастья благодать; жизнь за тебя отдам!

85. ПОМИЛОСЕРДСТВУЙ

Жестокой быть такую перестань!
Моею ты душой второю стань!

Кто это посоветовал тебе:
«Эпохи общею бедою стань!»

Пусть сто нарциссов сердца расцветут!
Скворцом щедрот ты надо мною стань!

Когда заговоришь — все замолчат.
Ты благосклонностью самую стань!

А если я другую полюблю,
Ревнивою — вот ты какую стань!

С тобой в разлуке я тебя прошу:
Моей надеждою святою стань!

А если не забудешь Муками —
Ты милосердной госпожою стань!

86. КУДА, ИЗМУЧЕННЫЙ, ПОЙДУ?

Моя красавица, мой рай, — куда, измученный, пойду?
Пусть даже скажешь: «Прочь ступай!» — куда,
измученный, пойду?

Душистой полночью волос мой день затмился. Я вопрос
Тебе задам: от черных кос — куда, измученный, пойду?

Тобой навеки одержим, и если сердцу дорогим
Не станешь лекарем моим — куда, измученный, пойду?

Хоть небу скорбь моя видна, судьба любви не решена.
Одна ты у меня, одна! Куда, измученный, пойду?

Хотя б господь свой приговор мне объявил! Пускай
я слаб —
Его приму, как добрый раб. Куда, измученный, пойду?

Где помощь Муками найдет? Кто милую увидит, тот
Пусть мой привет ей принесет. Куда, измученный,
пойду?

87. ЖЕЛАННЫЙ ЛИК

Желанный лик твой увидеть лелею я мечту.
Открой его, меня изрань, пусть кровью изойду!

Открыв михраб крутых бровей, ты постника заставь
В тебя влюбиться, пусть твердит: «Конец,
конец посту!»

Проходит пава по лугам, походкою гордясь.
Пройдись и ты, смуди ее, унизь хвастунью ту!

Моя любимая, клянусь: ты у меня одна, —
Я от тебя, любовь моя, такой же клятвы жду.

Меня, больного, навести, мне помощь окажи, —
Поверь, искуснее тебя врача я не найду.

Пусть сад увидит тонкий стан. Завидуя тебе,
Пусть самый стройный кипарис сломается в саду.

Пусть будут милые уста доступны Мукими, —
Мне поцелуями плати налог на красоту.

88. ИЗ-ЗА ТЕБЯ

Волшебница! Влюбленный друг скорбит из-за тебя.
Красавица! Меня твой дом манит из-за тебя.

Встав до рассвета, госпожу, как будто солнца, жду.
Но не приходишь; сто терплю обид из-за тебя.

Иду по улице, вокруг соперники шумят, —
Каменьями насмешек их побит из-за тебя.

Когда подумаю о том, с кем веселишься ты, —
Всю ночь душа моя болит, не спит из-за тебя.

Прошу, приди, — мой каждый нерв насторожился, ждет.
Страдаю и томлюсь, покой забыт из-за тебя.

Я, вспоминая встреч рассвет, грущу во тьме разлук,
В груди кровавая заря кипит из-за тебя.

Ты полагаешь — Муками торгует каждый день, —
Поэт в торговые ряды спешит из-за тебя.

89. И ТЫ

Тебя я видел только раз, — страдать заставила и ты.
Лекарства у тебя просил, — но боль доставила и ты.

И без того довольно мук, и так на сердце тяжело,
И я рыдаю каждый миг, а слез добавила и ты.

Павлин вздыхает и фазан: они завидуют тебе, —
Прекрасной Азии сады собой прославил и ты.

Я о свободе позабыл, не знаю отдыха и сна.
О пери милая моя, влюбленным правила и ты!

Как много раз я был казним лукавством пери молодой!
И ты на казнь меня вела, со мной лукавила и ты.

Влюбленный в розу соловей поет о пламенной любви, —
Держись, приятель Муками, такого правила и ты.

90. ТАКИХ НЕМНОГО

Прямая, стройная — таких немного на земле.
Подобных дерзких глаз других — немного на земле.

Самодовольный мой палач, мучение мое,
Беспечней острых стрел твоих — немного на земле.

С прелестной родинкой такой, с лицом нежнее роз,
Таких, как кипарис, прямых — немного на земле.

С характером дурным, крутым красавиц — миллион.
А вот таких безмерно злых — немного на земле.

Свидетельствуют мудрецы: похожих на тебя
Среди красавиц остальных — немного на земле.

Бехзад не мог нарисовать твое лицо, хотя
Таких художников больших — немного на земле.

Хоть небо жалости полно, беды еще страшней
Ждет Мукими: сердец стальных — немного на земле.

91. РЕМЕСЛО МОЕ — ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Ремесло мое — влюбленность, страсть в наставницы
Кто любить мне запрещает, тех я проклял имена. дана.

Я забыт, одна со мною собеседница — тоска.
Келья, где я умираю, будто печь раскалена.

Страх за жизнь — моя одежда, страх за жизнь —
От дождей и стрел печали, может, защитит она? моя броня.

Пусть глаза мои рыдают, — я желаю утонуть
В море, названном любовью, чья безмерна глубина.

Я люблю, я умоляю, но не взглянешь на меня.
Ты не любишь, — ты, наверно, из железа создана.

Весть пришла: между собою бой влюбленные ведут, —
На путях любимой — знаю — непрерывная война.

Тьму фонарь твой разгоняет... Почему же, Мукими,
Существо твое пылает, а судьба твоя темна?

92. ПРИШЕЛ

Я с тобою поделиться сотнями скорбей пришел.
У тоски снимаю угол, всех других бедней пришел.

Базилик ли это или на твоей щеке пушок?
Покажись, полюбоваться красотой твоей пришел.

Я с товарами поехал на базар, чтоб торговать,
Но махнул на всё рукою, к госпоже своей пришел.

Лучше мне ослепнуть, если на другую посмотрю, —
Наслаждаться, упиваться лишь тобой, ей-ей, пришел.

Без твоих газельих взоров стали ночью дни мои, —
Я из мрака, чтоб увидеть свет твоих очей, пришел.

Ах, зимою в непогоду выходить мне тяжело:
Думал — я тебя застану, я сквозь снеговой пришел.

Музыкант, иных мелодий слух не хочет принимать,
Слушать песенку о милой я в кружок друзей пришел.

Как твое дыханье сладко! Раненный твоей стрелой,
Я к тебе просить лекарства, бросив всех врачей,
пришел.

Если отогну твой ворот, не удерживай меня, —
Чтоб твою увидеть душу, я к тебе скорей пришел.

Опоясаться зуннаром черных кос твоих спешу,
Помолиться у михраба я твоих бровей пришел.

Мне не задавай вопроса: «Ты к кому же, Мукими?» —
Я к тебе, — ведь кипариса нет тебя стройней, —
пришел.

93. МОЯ СУДЬБА

Мне удачи, к сожаленью, не дала моя судьба,
Мне одни лишь огорченья принесла моя судьба.

Всё застлала пыль печали. Зеркало души моей
Черной пылью неудачи замела моя судьба.

Жизнь моя чернее ночи, счастья не было и нет,
И судьбу я умоляю: будь светла, моя судьба!

Я приветствую знаконца — он не слышит Мукими,
Будто глух на оба уха. Тяжела моя судьба!

94. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Тебя люблю, люблю, мой милый друг!
Тебя ищу, подруга из подруг!

О неженка с глазами палача,
Тобой забыт несчастнейший из слуг!

Будь милосердною, — мои глаза
В крови от горя, — глух ко мне твой слух.

Ты жажду сердца утоли — взгляни.
Твой стан — как кипарис, бровь — гибкий лук.

Лишь о тебе твержу, схожу с ума,
Твоих речей услышав сладкий звук.

Тебя не видеть больше не могу.
Тебя лишь вспомню, весь горю от мук.

Тебя века не видел Мукими,
Он весь в огне, владеет им недуг.

95. Я РАЗУМ ПОТЕРЯЛ

Я разум потерял, глаза мои горят, —
Пусть люди обо мне поменьше говорят!

Красавица, с тех пор, как я лишен тебя,
Я по ночам не сплю! Мечты к тебе летят.

Вздыхаю и томлюсь, и таю, как свеча,
Которую и жар и пламя не щадят.

Пить больше не могу отраву горьких дней, —
Где нежных встреч вино? Где сладкий виноград?

Пишу пером ресниц и черной тушью глаз, —
Услышь меня, услышь лишенного отрад!

Я, будто человек, ужаленный змеей,
Катаюсь по земле, — и в самом сердце яд.

О виночерпий мой, не обноси меня, —
Пусть на пиру любви я буду пьян стократ.

Ферганца Мукими тебе индус милей, —
Приезжие у нас, как видно, нарасхват.

96. УМИРАЮ ОТ ЛЮБВИ

Посторонний между вами, — умираю от любви!
Так ведется ль меж друзьями? — умираю от любви!

Над влюбленным ты смеешься, ты влюбленного бранишь,
У тебя не сердце — камень, — умираю от любви!

Соизволив написать мне, грамотная чересчур,
Ранила меня словами, — умираю от любви!

Бедняком пренебрегая, дни и ночи напролет
Ты пируешь с богачами, — умираю от любви!

Ферганы известны розы, но подобная одна
С ядовитыми шипами, — умираю от любви!

Я сгорел в саду волшебном редкой красоты твоей.
Образ твой перед глазами, — умираю от любви!

Стонув Муками не слышишь; говорящий соловей,
Ты меня одела в пламя, — умираю от любви!

97. ЕСТЬ ЛИ?

Ты идешь так плавно. Есть ли кипарис тебя стройней?
Есть ли роза щек прекрасней, базилик волос нежней?

Мне твой голос слаще меда, ты как гурия лицом.
Есть ли на земле рубины уст любимых горячей?

Есть ли в мире мусульмане, равнодушные к тебе,
Не творящие молитвы, видя свод твоих бровей?

Ждать себя ты заставляешь. Где ты? Увидать тебя —
Непременное желанье дней моих, моих ночей.

Ты лечить меня задумал, так скажи мне правду, врач,
Есть ли у тебя лекарство от влюбленности моей?

Муками на пир свиданья милою своей не зван:
Есть ли у нее вниманье для таких, как ты, друзей?

98. СПЕШУ В ТВОЙ САД

В твой сад спешу, чтобы опять увидеть розы щек,
Я от любви схожу с ума, ищу твоих дорог.

Ты хижины моей любви, прошу, не избегай,
Доколе будет позабыт тобою мой порог?

Певец, собравшимся гостям веселый спой «гуль-яр», —
Я слушать больше не хочу унылый «коча-баг».

Другие пьют и пьют вино свидания с тобой.
Дай чашу, виночерпий, мне, чтоб сделать хоть глоток.

К столу свидания с тобой ты приглашаешь всех, —
А я не ем, не пью, в углу сижу я одиноко.

В саду я сердце потерял — быть может, вы нашли?
Оно — тюльпан, в нем кровь моя, он кровью весь намок.

Не будь назойлив, Мукими, уж лучше потерпи, —
От жалоб горестных твоих язык твой изнемог.

99. ТЫ ПО УЛИЦЕ ИДЕШЬ

Стройная и молодая, ты по улице идешь.
Как газель легко ступая, ты по улице идешь.

И весной цвести не хочет горестной судьбы цветок.
Я рыдаю, вспоминая: ты по улице идешь. . .

Разлучен с тобой — я гибну. Смерть близка. И от тебя
Лишь спасенья ожидаю, — ты по улице идешь.

Розу омрачает зависть, если лик откроешь свой.
И, лица не открывая, ты по улице идешь.

Всё в твоих лучах сияет, опьяненное тобой.
Голову чуть-чуть склоняя, ты по улице идешь.

Помню губ твоих рубины. В кубок Джама я гляжу,
В суть вещей я проникаю: ты по улице идешь!

Будто в Балх Адхам-скиталец, поспешил ты, Мукими,
В свой Коканд и там, блуждая, вдоль по улице идешь.

100. ПУСКАЙ ОНА ПРИДЕТ ХОТЬ РАЗ!

Скажи ей, ранний ветерок, пускай она придет хоть раз!
Чтоб жить ее дыханьем мог, пускай она придет
хоть раз!

Тоскую от нее вдали, и рай вселенной для меня
Уже не рай — тюрьма, острог. Пускай она придет
хоть раз!

Словам не верит — я без слов ей расскажу, признаюсь ей,
Что я любовью занемог. Пускай она придет хоть раз!

Красавец стройный кипарис и роза — нежная краса —
Ей платят зависти оброк. Пускай она придет хоть раз!

Скажи: безумно я томлюсь, скажи, что если занята, —
Окончив поскорей урок, пускай она придет хоть раз!

Скажи: нетерпеливо жду, а если некогда, ну что ж, —
Тогда на самый краткий срок пускай она придет
хоть раз!

Скажи, что в горе Мукими, что если вере мусульман
Еще верна, на мой порог пускай она придет хоть раз!

101. МЕСЯЦЕЛИКОЙ ПЕРЕДАЙ...

Месяцеликой передай ты мой салам, — пускай придет!
Пускай не жжет огнем разлук, — даря бальзам, пускай
придет!

Жду и дожидаться не могу. Скажи ей — нынче же, сейчас,
Позволив сбыться наконец мечтам и снам, пускай придет!

Мне ль с неразумным пировать? Нет, лучше умница моя,
Хоть будет мучить и терзать по целым дням, пускай
придет!

Прошу, любимой объясни: ей подобает пребывать
В зрачках моих влюбленных глаз, и только там, —
пускай придет!

Я пылью лягу на путях розоволикой госпожи, —
Пусть тронет эту пыль стопой, по тем путям пускай
придет!

Ах, сколько гибнет от любви! Как много у разлуки
жертв!
Без милой дни мои равны глухим ночам, — пускай
придет!

Покорно просит Муками, он молит: «Если мало ей
И золота и серебра, я жизнь отдам, — пускай придет!»

102. ПРОГУЛКА В САДУ

Когда в саду лицом своим сияешь молодым —
Зардевшись, розы говорят: «От зависти горим».

Когда в пустыне ты идешь — тюльпаны за тобой.
Колючка злобная — джантак путь уступает им.

Когда в саду гуляешь ты — завидуя, в пески
Бежит серебряный фазан с фазаном золотым.

Всегда, везде веселой будь! А что же делать мне?
А мне веселым каждый миг весельем быть твоим.

Смотри, вконец перепились соперники мои,
В пыли валяются, — не пей с поклонником таким!

Пускай умрет, пускай земля покроет мерзкий взор
Того, кто подойдет к тебе с намереньем дурным.

Не странно ль это, Муками, что, пери увидав,
Весь поголовно не сошел с ума кишлак Аим.

103. РАННЯЯ ВЕСНА

Опять весна, и зелен сад, цветы со всех сторон.
Друзья, пусть грянет полных чаш веселый перезвон!

Святая дружба — дар небес, она — сердец бальзам.
Когда вокруг тебя друзья — ничем ты не стеснен.

И только я один грущу, один схожу с ума:
Ты улетела от меня, а я в тебя влюблен.

Забыла пери обо мне, заброшен мой цветник, —
Не слышно пенья соловья, лишь карканье ворон.

И если другу расскажу я о беде своей,
Лишь сердце скорбное мое сильнее изранит он.

Не порицай своих друзей, а в горы уходи:
В горах ты будешь, Мукими, за всё вознагражден!

104. ВЛЮБЛЕННЫЙ В ТЕБЯ

Не мучь того, на ком печать влюбленного в тебя.
Зачем бранить и поучать влюбленного в тебя?

Он полагает — роза ты, а перед ним шипы.
Зачем беднягу огорчать, влюбленного в тебя?

Красноречиво говоря с другими на пиру,
Зачем на взгляд не отвечать влюбленного в тебя?

Пугая пытками, ведя с пристрастием допрос,
Зачем в любви изобличать влюбленного в тебя?

Когда к тебе приходит гость в халате золотом,
Зачем склоняясь его встречать, влюбленного в тебя?

Когда к тебе приходит гость в одежде бедняка,
Зачем тогда не замечать влюбленного в тебя?

Но постоянен Мукими, — всё перетерпит он.
Зачем от счастья отлучать влюбленного в тебя?

105. ГРАНАТ

Много есть плодов на свете, самый лучший плод —
гранат.

Приложи его к ожогу — мигом боль уймет гранат.

Очищает он желудок, укрепляет аппетит.
Чтоб румяней быть граната, ешьте круглый год гранат.

Для здоровья он полезен, если даже горек он.
Жажду нашу утоляет сладкий, будто мед, гранат.

Свежим ты его разрежешь, — что ни зернышко — рубин.
Лучшее в садах Аллаха дерево растет — гранат.

Всем известна поговорка: «Добрый помнит о тебе».
Добрый без напоминанья для тебя сорвет гранат.

Присылай из Намангана мне корзинками его.
Присылай его мешками: каждый впрок пойдет гранат.

Умирал поэт от жажды, сын ему гранат принес.
Старый Мукими ликует, Мукими поет: «Гранат!»

106. УЖ ЕСЛИ ПРАВДУ ГОВОРИТЬ

Мне шлет рубины Бадахшан, уж если правду говорить, —
То кровь моих сердечных ран, уж если правду говорить.

От крови красные стоят цветы в пустынях и степях;
Твои ресницы — стрел колчан, уж если правду говорить.

Я жду тебя — ты не идешь; наверно, на пиру с другим.
Не я сегодня сыт и пьян, уж если правду говорить.

Под бровью родинка твоя — как бы индус зашел
в михраб.
Конечно, он из мусульман, уж если правду говорить.

Пообещав свои уста, красавица, жалеешь ты,
Что повод для свиданья дан, уж если правду говорить.

Слезами келью я обмыл, ресницами подмел свой дом.
Лишь для тебя мой дастархан, уж если правду говорить.

В Коканд уедет Мукими, прощайте, добрые друзья!
К чему теперь мне Наманган, уж если правду говорить.

107. КОГДА ТАК БЫСТРО ТЫ ИДЕШЬ...

Когда так быстро ты идешь, презрителен и горд твой
вид.
И, вероятно, потому вокруг тебя толпа шумит.

Сто отговорок у тебя — не хочешь слово ты сдержать, —
Подозреваю, друг дурной меня перед тобой чернит.

Не сомневается никто, что самых стройных ты стройней,
Что стан твой — тонкий кипарис, который нежной
тканью скрыт.

Не надо в зеркало глядеть, не надо подводить глаза —
Красавицы олений взгляд и так повсюду знаменит.

Освободиться не могу я из силка душистых кос.
Кто вздохи страсти может счесть? Кто жажду сердца
утолит?

Не золотой ли то замок на двери красоты твоей?
А может, это твой камзол застежкой пурпурной горит?

От ревности душа в огне — как Мукими не ревновать:
Чужими ты окружена, а он тобою позабыт!

108. ЕЕ ЛИЦО...

Ее лицо и райский сад — друзья,
Ее шаги в раю звенят, друзья!

Ее слова, когда она не лжет, —
Отрада слаще всех услад, друзья.

Любое слово — нежности волна.
А зубы жемчугом горят, друзья!

Решив убить — глазами поведет, —
Стрела и быстрый, острый взгляд — друзья.

О сердце, плачь среди ночей разлук!
Потоп и слез моих каскад — друзья.

А если ночью приоткроет лик —
Он месяцу на небе брат, друзья!

Так почему ж в мой не заглянет дом?
Мой дом без милой тьмой объят, друзья!

Ну что ж еще? Ее тончайший стан
Алифа тоньше во сто крат, друзья!

Слог Муками изяществом похож
На слог Амира — говорят друзья.

109. НЕ ПОНРАВИТСЯ

Без тебя цветник богатый не понравится ему;
Рай, отсутствуешь когда ты, не понравится ему.

Если твой румянец нежный он увидит, базилик
Ароматный, розоватый не понравится ему.

Если уст твоих коснется он устами, леденец
Сразу станет горьковатым, не понравится ему.

Если стройную такую на прогулке встретит он,
Станет кипарис горбатым, не понравится ему.

Если ты лицо откроешь, им пленится сам Меджнун.
Хоть Лейли безумцу сватай, — не понравится ему.

Если он тебя услышит, станет златоустов речь
Туповатой, грубоватой, — не понравится ему.

Друг хоть скажет: «В эти брови не влюбляйся,
Мукими!»
Сможет ли их свод крылатый не понравиться ему?

110. В САДУ ВСЕЛЕННОЙ

В саду вселенной розы есть — нарядные цветут они.
Того, кто верно служит им, забвенью предают они.

Какой убыток красоте, когда, увидевши меня,
Печальное мое лицо янтарным назовут они!

Розоволиких чаровниц не стал бы вовсе упрекать,
Когда б не знал так хорошо, как много мук несут они.

Истрать мильон сердечных слов — и не добьешься ничего.
Упрашивай и умоляй — к мольбам не снизойдут они.

Вам легкой кажется любовь, но я, влюбленный, говорю:
«Часы разлуки тяжелы, страшней, чем Страшный суд,
они».

Не видит роза слез моих: поклонники на свете есть,
Красавиц незнакомых всех знакомым предпочтут они.

Как гибкий лук — крутая бровь, не скроешься от стрел-
ресниц,
Уж если сердце Муками мишенью изберут они.

111. НЕ ТОЛЬКО Я ОДИН

В тебя влюблен олень степной, не только я один.
Пленилось зеркало тобой, не только я один.

Едва по саду ты прошла, грудь растерзал свою
В саду шиповник молодой, не только я один.

Огонь любви меня томит. От искр твоей любви
Тюльпан пылает золотой, не только я один.

Всему виной твои уста. Рубин увидел их —
И верным стал твоим слугой, не только я один.

Лишенный разума, брожу по улице твоей.
И нарד индийский сам не свой, не только я один.

Увидев ямки милых щек, в темнице ямок тех
Юсуф томится. Узник твой — не только я один.

Недели, месяцы, года в Янги-Кургане жил,
Твоей плененный красотой, не только я один.

112. КТО ЧЕЛОВЕКОМ НАЗОВЕТ?

Кто прочитал немало книг, еще не мусульманин тот.
Не ангел вовсе — ангел тот, что славу сатане поет.

Не надо без конца бранить ту соль, что причиняла
боль, —
Не надо соли старой той и боли воздавать почет.

Когда хозяин к гостю глух, не будет гостя у него.
Народу ты стихи читай, когда твоих стихов он ждет.

Когда подарок без любви — подарок это никакой.
Невеждами считает всех невежественный сумасброд.

И у козла есть борода, и попугай порой речист, —
Но попугая и козла кто человеком назовет?

Совет мой: с первым встречным ты не будь любезен
чересчур, —
В светильник дружбы через край небрежность
масло льет.

От слова каждого не жди ты урожая, Мукими, —
Дехканами ты называй не всех, кто сеет или жнет.

МУРАББА

113. Я ДАЛЕКО

Ты всех прекрасней: лик увидев твой,
Царица роза сделалась рабой.
Пока живу — твой образ предо мной,
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Твоим вниманьем сердце зажжено,
Горячей кровью, как тюльпан, полно,
Одной тобою занято оно.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Домой вернусь — не спросишь у меня:
Как ездилось, где я сходил с коня?
И вновь скитаюсь, образ твой храня, —
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Всем жителям земли признать пора,
Что пери — младшая твоя сестра.
О, горе мне! Разлуки боль остра.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Такой не сыщешь ни в одной стране.
Владычица, лишь по твоей вине
В народе басни ходят обо мне.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

Все юноши у ног твоих. Прими
Моления каждодневные мои.
Но ты не хочешь знать о Мукими.
Я далеко, но сердцем я с тобой.

114. МЕСЯЦЕЛИКАЯ

Месяцеликая, сияешь ты,
Все зеркала собой пленяешь ты.
Поэту горе доставляешь ты:
Мне всех других предпочитаешь ты.

Сто обещаний дашь — любое ложь.
Ты только мукою моей живешь.
Людей на белом свете не найдешь,
Чтоб так терзали, как терзаешь ты.

Когда ты, как тюльпан, опьянена,
Пьянеют все от твоего вина
И повторяют наши имена, —
Такие муки причиняешь ты.

Высокий кипарис души моей,
Не может быть красавицы стройней!
Мечами ясными своих бровей
Ежеминутно убиваешь ты.

Как жемчуг — зубы, как рубин — уста.
Меня смутила эта красота,
И голова тобой лишь занята.
И вдруг, как пери, улетаешь ты.

Султанша дум, правительница грез,
Ума владычица, — о роза роз!
Тебе прошений тысячи принес,
Но подданных других ласкаешь ты.

Все семь небес мой услышали стон,
Но на меня твой взгляд не обращен, —
На Мукими, который так влюблен,
Внимания не обращаешь ты.

115. ТВОИ ГЛАЗА

Не крась бровей, — как мед твои глаза!
Весь мир мечтой зовет твои глаза.
Олень — влюблен и тот в твои глаза.
Коварных чар оплот — твои глаза.

Ты — словно тонкий кипарис стройна,
Ты — в нежных ризах, как жасмин, нежна,
Но эта нежность не для всех равна,
И наказание ждет твои глаза.

Всё, что могу о них я рассказать,
Не поместилось бы в одну тетрадь.
Твои глаза — разбойникам под стать,
И Фергана клянет твои глаза.

Ты — несравненной красоты пример,
Ты мучаешь превыше всяких мер,
Не знаю, Дарий или Искандер,
Огонь иль вечный лед — твои глаза?

Живи счастливой, нет тебе цены!
Две брови — два меча тебе даны.
Казнят жестоко тех, кто влюблены,
Теряя казням счет, твои глаза.

Твои ресницы — смертоносней стрел.
Взглянула ты — я сразу опьянел.
Пускай счастливым будет твой удел,
Пусть небо бережет твои глаза!

Я — Мукими, отравленный тобой —
Прошу тебя: мне возврати покой.
Прелестный взор красавицы какой
Лукавством превзойдет твои глаза?

116. ТВОЯ КРАСОТА

Увлекла, истомила твоя красота.
Полюбить научила твоя красота.
И жестокость и сила — твоя красота.
В палача превратила тебя красота.

Не добился ни разу свиданья с тобой,
Не познал радость встречи хотя бы одной.
Исцеляешь других ты своей красотой,
А меня отравила твоя красота.

Соловей, лишь о розе своей ты грустишь,
Златоусты молчат, когда ты говоришь.
Голубок зачарованный, к ней ты летишь;
Голубкá опьянила твоя красота.

Иногда тебя вижу, но мимо идешь.
Никогда ты не спросишь: «Ну, как ты живешь?»
Знать меня не желаешь, никак не поймешь —
Сколько мук причинила твоя красота.

Я у бездны печали на самом краю.
У дороги твоей я, рыдая, стою.
А ты мимо проходишь. Улыбку твою
Будто в сталь обратила твоя красота.

Обо мне повсеместно, повсюду молва.
И душа на развалинах будто сова.
То безумства творю, то лишаюсь ума —
Так меня поразила твоя красота.

Благосклонна к другим. Дни печальны мои.
Птицу сердца подарит тебе Мукими
За единый твой взгляд. На охоте любви
Все глаза приманила твоя красота.

117. ЧТО ПРОИЗОШЛО?

Ты ни разу не спросила: что со мной произошло?
Слово дав, о нем забыла. Что с тобой произошло?
Ты сочувствия лишила, — что с тобой произошло?
Ты к разлуке присудила, — что с тобой произошло?

Утром, вечером все мысли заняты тобой одной,
Тысячи сердец влюбленных тоже встречи ждут с тобой.
Я прошу, я умоляю: мне лицо хоть приоткрой!
Ты лица не приоткрыла, — что с тобой произошло?

Горько плачу и рыдаю, слезы лью я каждый миг,
День и ночь напоминаю о страданиях моих,
Ты молчишь, не замечая, — стон мой цели не достиг.
Умолять нет больше силы, — что с тобой произошло?

Я напрасно добиваюсь благосклонности твоей,
У меня в подлунном мире нет наперсников-друзей.
Я от жажды погибаю, утоли ее скорей!
На краю стою могилы. Что с тобой произошло?

Муками — я истомился, о взаимности моля.
Пусть твоей не станет жертвой бедная душа моя.
От любви я тяжело болен: ты на скорбного меня
Не взглянула... Что случилось? Что с тобой
произошло?

118. Я ВСПОМИНАЮ

Прекрасней розы, госпожа, твой лик.
Увидев гиацинт и базилик,
Я шелк прелестных локонов твоих —
Поклонник твой примерный — вспоминаю.

Не мог заснуть я в тишине ночной,
Пересчитал все звезды до одной.
И вот, увидев месяц молодой,
Тебя — твой раб усердный — вспоминаю.

Я истомился от тебя вдали.
С утра с тобою помыслы мои,

И родинки индийские твои,
Высокомерная, я вспоминаю.

Тебя я ждал и ждал, а ты не шла...
Внимательна ни разу не была,
Не спрашивала: как мои дела?
Но вот — неверную — я вспоминаю.

Меня ты красотой осени,
В сердца другие ревность зарони.
Господь меня от ревности храни, —
Жестокосердную я вспоминаю.

Ты мне ответь, скажи: вот так и так...
Изранен я тобой, как будто враг.
Твоих волос китайский черный лак
Я — добрый правоверный — вспоминаю.

Я — Мукими — лишь о тебе молюсь.
Кровавыми слезами обольюсь —
От красоты твоей не отрекусь,
Весь облик легкой серны вспоминаю.

119. ПЕРИ, ТЫ ЛИЦОМ СВЕТЛА

Пери, ты лицом светла,
Многих ты с ума свела.
Мне разлука тяжела, —
О свидании прошу.

Обещаешь — и солжешь...
Ветреница, может, всё ж
В этот раз не подведешь?
Сострадания прошу.

От меня получишь весть,
Окажи такую честь:
Дом мой прочим предпочесть
Я заранее прошу.

Соловей влюбленный мой,
Долго ль нам страдать с тобой?
В час весны над розой пой:
«О внимании прошу».

Ах, весне прийти пора!
Милосердия пора,
Облегчи мне, будь добра,
Все страдания, прошу.

На несчастного взгляни,
Кто сказал: «Его казни»?
Благосклонно отмени
Наказание, прошу.

Мукими! Когда-нибудь
Радостней задышит грудь.
Пери, счастье мне вернуть
С упованием прошу.

120. Я ВСПОМНИЛ

Лелея в сердце милый образ твой,
Всегда к тебе я улетаю мечтой.
Увидев в зеркале свой лик худой,
Терзания души своей я вспомнил.

Весна пришла, убрав цветами сад,
В зеленом бархате холмы стоят.
Вдыхая гиацинта аромат,
Душистый нард твоих кудрей я вспомнил.

Когда из милых рук я чашу пил,
Я мудрым был и сумасшедшим был.
Для стрел твоих я грудь свою открыл:
Твои ресницы — стрел острей — я вспомнил.

Бродя в степи, в пустыне без дорог,
Я отдыха не знал, я занемог,

Как срезанный кривым ножом цветок,
И лезвия твоих бровей я вспомнил.

Ты посрамила месяц в споре с ним.
Твоею легкой поступью томим,
Я бросить жизнь готов к ногам твоим, —
Прогулки госпожи моей я вспомнил.

Я самым был плохим из всех плохих,
Но сказанное тайно от других
Мне одному на празднествах твоих —
Признание нежности твоей я вспомнил.

Ты, райская заря, меня пойми,
Верни мне дружбу, друга не томи.
Живет надежда в сердце Мукими, —
И уверенья прежних дней он вспомнил.

МУХАММАСЫ

121. МОЯ КРАСАВИЦА

Мухаммас на газель Навои

Жемчуг гордости рассыпать ты боишься не к добру.
Смелости твой взор обидеть на себя я не беру.
Но спешу в твой переулок, вставши рано поутру.
У твоей ограды милой плачу в холод и в жару.
Может, пред твоим жилищем я от стрел-ресниц умру.

Я томлюсь в тюрьме разлуки, и тюремщица — любовь.
Облачком в высоком небе вздох мой вьется вновь
и вновь.
В долг берет тюльпан апрельский ран моих густую
кровь.

Рань меня, миллионы лезвий, тучи дротиков готовь, —
Может, выпив чашу встречи, кровь с груди своей сотру.

Пред твоим закрытым домом распростерт я — наг и бос.
Землю я твою целую, ту, что слаще нежных роз,
Ту, что щедро обливаю ливнями кровавых слез.
Замеси мою кровью пред своим жилищем лёсс, —
Может, для своей собаки, злая, слепишь конуру.

Я, пока любви не ведал, жил беспечным, молодым.
Полюбил — и угасаю, стал согбенным и седым.
Горе! Горе! Что творится с сердцем раненым моим!
Огорченный — погибаю, гордой госпожой гоним.
Может, бедняка жалея, эту прекратишь игру?

Музыкант, играй другое! Сердце мукою полно.
Жаждет пламенных мелодий, как взаимности, оно.
Сердце Муками рыдает ночью темной не одно, —
Навои всю ночь от горя пьет стаканами вино.
Может, музыкант, о счастье мне сыграешь на пиру?

122. Я ПОЗАБЫТ

Смеется надо мной судьба, — я позабыт тобой!
Моя душа — тоски раба, — я позабыт тобой!
Я на ногах держусь едва, — я позабыт тобой!
Как ты жестока, как черства, — я позабыт тобой!
Повсюду обо мне молва, — я позабыт тобой!

Идет пирушка у друзей, и слышен звон острот,
Один — плясун, другой — певец, а третий — стихоплет.
Здесь не ударят в грязь лицом, — искусный здесь
народ!

Но безответная любовь «прости» любимой шлет;
От горя никнет голова: я позабыт тобой!

Пора счастливая моя безмерно далека,
Моя судьба тогда была как мед для языка.

Тогда я созерцал тебя, одетую в шелка,
Тебя я слушал. А сейчас владеет мной тоска.
Печаль достигла торжества: я позабыт тобой!

Я всей душою ликовал, я пел всем существом,
Тоски и горя я не знал, — я был с тобой вдвоем,
И взора я не закрывал, ты отражалась в нем.
Моим жилищем был цветник, и пел я соловьем.
Стал одиноким, как сова: я позабыт тобой!

Кому доверить тайну мне, где мне найти врача?
Ведь к сердцу твоему не смог я подобрать ключа.
Я только сердце истерзал. В разлуке жизнь влача,
Страдаю, мучаюсь, томлюсь и таю как свеча.
Любовь без меры такова. Я позабыт тобой.

Мир стал темницей для меня, а был он так широк!
В глаза швырнул мне соли горсть мой беспощадный
рок,

И я ослеп, и милой нет, и жребий мой жесток.
Размалывают мне костяк в мельчайший порошок
Судьбы тяжелой жернова: я позабыт тобой!

Все тернии и все шипы усыпали мой путь,
На все мученья обречен, я не могу вздохнуть.
Ты в книге скорби обо мне прочтешь когда-нибудь,
Я — Мукими — прошу тебя: бесчувственной не будь, —
В той книге каждая глава: «Я позабыт тобой».

123. ТВОИ ГЛАЗА

Мухаммас на газель Фурката

Если изменять исламу не хотят твои глаза,
Почему так опьяняют и томят твои глаза?
Почему в тебя влюбленных не щадят твои глаза?
Обжигают, и терзают, и казнят твои глаза.
Уст твоих лекарство сладко, горький яд — твои глаза.

В царстве красоты султанша, всех красавиц госпожа,
Как хорош твой стан высокий, как собой ты хороша!

Такому верному рабу не пишешь. Ждет, — всё нет
письма!
Ты не жалеешь бедняка. Он слезы льет, — всё нет
письма!
Дождется ль сердце наконец твоих щедрот? Всё нет
письма.
Когда печальная душа мир обретет? Всё нет письма.
Письмом не исцелила ты. Ах, где же, где твое письмо?

Твои уста — как сахар, мед — твое дыханье, говорят,
И брови и глаза твои — очарованье, говорят,
Мне о свиданье говорят, мне о страданье говорят...
Язык мой нем, не говорит, — мои желанья говорят:
«Бумагу позабыла ты. Ах, где же, где твое письмо?»

В разлуке, милая, с тобой мне тяжелей день ото дня, —
На ране рана у меня, на язве язва у меня.
Где ж милости твоей бальзам, вниманья твоего броня?
Ах, что ты сделала со мной, строки на лист не оброня?
Дом сердца разорила мой. Ах, где же, где твое
письмо?

О мой прекрасный кипарис, когда напишешь мне —
ответь.
Терпеть согласен Мукими, хоть надо мужество иметь,
Все притеснения твои, твою безжалостность терпеть.
Спасибо другу — Навои, согласен он любить и впредь,
Хотя б и не любила ты. Ах, где же, где твое письмо?

125. МНЕ ЛЕКАРСТВА НЕ ПОМОГУТ...

Мне лекарства не помогут: сердцем занемог, — беда!
Янтаря я стал желтее, высох и поблек, — беда!
Неудачи радость гнали от моих дорог, — беда!
Посторонние не спросят, чем грозит мне рок, — беда!
Домочадцы не узнают, почему я слег, — беда!

Сатана меня опутал, тяжело мне от цепей:
Об имуществе забочусь, а не о душе своей,
Пил и ел я безрассудно, стал невольником страстей,

Вырос из зерна стремлений — безнадежности репей.
Ничего я не добился, жизнь свою прожег, — беда!

Умирая, расстаётся с полным сундуком богач.
Слеп от жадности, не видит ничего кругом богач.
Жил бесчувственный, бездушный, жесткий скопидом-
богач.
Был начальником — стал пылью. Говорят о нем: «Богач
Никому добра не сделал, толстый кошелек, — беда!»

Не нашел себе я друга, чтоб делиться горем с ним.
Не нашел подруги нежной, — я люблю, но не любим.
Человека понимая, не сошелся ни с одним.
Если пиршество без милой, мы на пиршестве грустим,
Праздник нам — не в праздник, темен светлый нам
чертог, — беда!

К сожаленью, поседел я, стал кривым мой стан, — пора!
К сожаленью, срок подходит и сигнал мне дан: пора!
К сожаленью, различаю смерти барабан: пора!
К сожаленью, с грузом скудным выйдет караван, — пора!
Но никто собрать в дорогу путника не смог, — беда!

Ты зажги, любовь, мне сердце, чтобы вечно я пылал!
Я лицо себе ногтями исцарапал, изодрал.
Кровью жаркою рыдаю, каждая слезинка — лал,
От кровавых слез халат мой темно-красной розой стал.
Может быть, омоет душу слез моих поток, — беда!

Отбываю, уезжаю, таю свечкою в руке.
Кто спасет меня, не знаю. Стон мой — плачу я в тоске —
Колокольчиком верблюжьим замирает вдалеке.
Скажут: «Мукими не любит, хоть любовь на языке».
Любит он, пылает страстью, будто голубок, — беда!

126. ПРИХОДИ

Свет для меня стал тьмою! Скорее приходи!
Чтоб не был мир тюрьмою, скорее приходи!
Дорогою прямою скорее приходи!

Пути перед тобою — скорее приходи! —
Слезам я омою. Скорее приходи!

К другим ты благосклонна, — о, как несчастен я!
Я всё терплю влюбленно, о, как несчастен я!
Мечом бровей казненный, о, как несчастен я!
Кричу я иступленно: «О, как несчастен я!»
Слез от тебя не скрою, скорее приходи!

Пусть вспыхнет в келье скорби луч солнца твоего!
Где клятвы, обещанья? Не помнишь ничего.
Везде твоих насмешек и козней торжество.
Не я один страдаю. Мой друг и божество,
Живое, молодое, скорее приходи!

Нет ни в одном улусе красавицы нежней.
Красавицы другие — служанки перед ней.
Лишь взглянешь — сердце ранишь; нет стрел твоих
острей.

Раб не один томился в плену твоих кудрей.
Не будь коварной, злою, — скорее приходи!

Я мучаюсь жестоко, — я разлучен с тобой.
Хочу я встать и снова я падаю — больной.
Я гибну, пораженный твоею красотой.
Нарциссы умоляют, и я прошу: «Открой
Свой лик передо мною, скорее приходи!»

По имени мне лучше б тебя не называть.
Твою походку лучше б вовек мне не видеть.
Почаще б мне известья о милой получать.
Скажи, всех златоустов заставив замолчать:
«Свиданья удостою». Скорее приходи!

Красавица красавиц, садов блаженства цвет, —
У Мукими есть сердце, других сокровищ нет.
Тебе он отдал сердце. Готов он много лет
Прославленное имя твое, как амулет,
Носить в стихах с собою. Скорее приходи!

127. НУЖНА

Мухаммас на газель Навои

Обо мне, посланник добрый, весть живая ей нужна.
Полночь муки, ночь разлуки мне глухая не нужна.
Жду вина свиданья, — чаша мне пустая не нужна.
Мне цветник не нужен райский, роза рая не нужна.
Что мне делать с розой сада? Не такая мне нужна.

Как сова среди развалин, в жизни неустроен я.
Жребий мой, увы, печален — слез лишь удостоен я.
Но одной султанше верен, как хороший воин, я.
Пусть все пери остальные улетят, — спокоен я.
Ветреница, ты нужна мне, мне другая не нужна.

Кравчий! Пить хочу среди пьяниц. Чаш люблю я
перезвон.

Каждый сад — темницы хуже, если без подруги он.
Полон мир противоречий, разногласьем разделен.
Есть святоши, лицемеры, я же в грешницу влюблен.
Девствующую прабабку отвергаю — не нужна.

Лук бровей твоих увидя, умираю я от стрел.
Кровью сердца горько плачу, — лик от крови заалел.
Мне цветок благоуханный, воздух сада надоел.
Я б на лилии, на розы ни минуты не глядел, —
Кос моей любимой амбра дорогая мне нужна.

Я брожу в пустыне жизни без друзей и без дорог.
Ранен я стрелой разлуки, я уныл и одинок.
Думал, может, поцелуем я коснусь любимых ног.
Вы, влюбленные, скажите, кто б из вас ответить мог,
Где дорога к саду милой? — лишь прямая мне нужна.

Отличаю от шербета уксус, только не пойму —
Отчего вот это сладко, это кисло почему.
Мукимы натерли четки на руке мозолей тьму.
Навои с ханжою скучно, заявляет потому —
Виноградных гроздьев влага золотая мне нужна.

128. ЕЩЕ НИКТО

Я люблю. Такой любовью не хворал еще никто.
Скрыть не в силах — так от страсти не сгорал еще
никто.
Так томленьем, так забвеньем не карал еще никто.
Стана гибкого такого не видал еще никто.
Из-за глаз таких прекрасных не рыдал еще никто.

Ты прогулку совершала утром, до начала дня.
Цветники тебя встречали, чашечки цветов склоня.
Ты направила вдоль лилий прихоти своей коня.
Роза ворот разорвала и сказала: «Для меня
Это стыд, — лица нежнее не знавал еще никто».

После слов твоих не сладким — горьким кажется шербет.
После губ твоих не яркое красной розы — бледен цвет.
После глаз твоих туманен и луны и солнца свет.
В царстве красоты прекрасней пери не было и нет.
Утоленья, исцеленья так не звал еще никто.

Пред тобою кипарисы пусть засохнут от стыда,
Стройностью своей великой не гордятся никогда.
Пред тобою гиацинты пусть исчезнут без следа,
Пред тобою пусть не будет роза красотой горда.
Так, как ты меня терзаешь, не терзал еще никто.

Умираю — не приходишь, отвечаешь: «Ничего!»
Я молюсь тебе — не слышишь, повторяешь: «Ничего!»
Ах, такой легко живется! Подтверждаешь: «Ничего!»
Кровь мне сердце заливает. Знать не знаешь ничего.
Так небрежно сердцем друга не играл еще никто.

Не со мною, а с другими ты всегда на всех пирах, —
Я от ревности сгораю, сердце — пепел, сердце — прах!
Как Меджнун, от двери к двери я бегу с мольбой
в глазах.
Видишь, стал я сумасшедшим, разум мой в твоих руках.
Так давно такой любовью не пылал еще никто.

Чем я заслужил немилость?! Зная, что я жить не рад,
Келье нищего безумца подари единый взгляд!
На тебя всю ночь к тебе же эти жалобы летят,
А глаза мои до боли в сторону твою глядят.
О холодности подобной не слыхал еще никто!

Мне уста твои солгали. «Милый», — говорила ты.
Мы с тобою не молчали: «Милый», — говорила ты.
«Собеседник мой, — вначале, — милый», — говорила ты,
«Верный друг моей печали, милый», — говорила ты,
Так нещадно, так жестоко мне не лгал еще никто.

Нет страшней моей юдоли, я страдаю — Мукими.
Нет печальней в мире доли, я страдаю — Мукими.
У любви вся жизнь в неволе, я страдаю — Мукими.
Долго так не оттого ли я страдаю — Мукими?
Так на улице безумных не страдал еще никто.

129. Я ОТ ТОСКИ ГОРЮ

Любовь — не рай, не благодать, — я от тоски горю.
Как трудно сердце раскрывать, — я от тоски горю.
Как трудно тайны поверять, — я от тоски горю.
Как трудно милую застать, — я от тоски горю, —
Чтоб без свидетелей сказать: «Я от тоски горю!»

Несправедливая моя, не мучить дай зарок.
Спроси при встрече, кто меня на эту казнь обрек.
Лукавая, какой тебе в моих мученьях прок?
Зачем больного от любви дичишься, как зверек?
Зачем меня не хочешь знать? Я от тоски горю.

Опутан сетью неудач, таюсь — из-за людей.
Сто мыслей в миг, — безумцем я зовусь — из-за людей.
И сердце, как тюльпан, в крови. Томлюсь — из-за людей.
Я, встретив в городе тебя, страшусь — из-за людей —
Тебе земной поклон отдать. Я от тоски горю!

Бездомного такого где ты встретишь бедняка?
Судьба не милует меня, скупа ее рука.

Искал приятелей-друзей — их не нашел пока.
Просил лекарства твоего — в душе одна тоска!
Как тонкобровой передать: «Я от тоски горю!»

Моя весна, от маеты дай мне глоток вина.
Поведай, кто такая ты, дай мне глоток вина.
Ты — пери, иль земная ты? Дай мне глоток вина.
Меня не прогоняя, ты дай мне глоток вина.
Глотка любви не хочешь дать, — я от тоски горю.

На мученика взгляд один хотя бы урони.
Не спрашивай, как я живу, — лишь на свечу взгляни.
Тебя увижу — сам не свой. Рассудок мне верни. . .
Когда сердитая сидишь, я, затаюсь в тени,
Тебя не смею целовать, — я от тоски горю.

Меня поместья не манят, охота не влечет.
Никто не спросит Мукими, как жизнь его течет.
Мне стать бы птицею Анка, парить среди высот,
Скитаться б от людей вдали, теряя верстам счет,
Да жалко родину бросать. Я от тоски горю!

130. КТО СКАЖЕТ ОБО МНЕ?

Незримой тени я бледней. Кто скажет обо мне?
Я растерял своих друзей. Кто скажет обо мне?
Я книгу написал о ней. Кто скажет обо мне?
Я тысячи терзаюсь дней. Кто скажет обо мне?
Надменной госпоже моей кто скажет обо мне?

Забыла близкого она для дальних и чужих,
И слезы в шесть ручьев текут из скорбных глаз моих.
Не пожелаю и врагу ужасных мук таких, —
Я тысячи терзаюсь дней, страдаю каждый миг,
Я тысячи не сплю ночей. . . Кто скажет обо мне?

Нет радости без горьких слез и без разлуки — встреч,
И трудно о шипах забыть, когда о розах речь.
Мы палачи своих сердец, но, лишь увидим печь,
Жар загрести чужой спешим, чтоб хлеб себе испечь.
Так кто же, кто же из людей расскажет обо мне?

Ее уста меня влекут сильней, чем анаша,
Она, как птица райских стран, умна и хороша.
Я мелких счетов не люблю, к ним не лежит душа,
Меня поймет, кто сам горел, огнем любви дыша.
Никто, не ведавший страстей, не скажет обо мне.

К любимой я дорог искал, но не нашел дорог.
Где сила прежняя моя? Я стал — как волосок.
Для знатных, а не для меня открыт ее чертог,
Как будто знатных лишь любить она дала зарок, —
Но кто из ханов и князей расскажет обо мне?

Где воротник, а где подол, Меджнун не разберет,
Он светом называет мрак и мраком свет зовет.
Люблю — и думать не хочу о тысячах невзгод.
Я и на плахе не солгу. Меч надо мной сверкнет —
Спрошу я даже палачей: «Кто скажет обо мне?»

О ней мечтает Муками и днем, и в час ночной.
Себя терзает Муками и днем, и в час ночной.
Огонь снедает Муками и днем, и в час ночной.
Провозглашает Муками и днем, и в час ночной:
«Моя любовь вина пьяней, кто скажет обо мне?»

131. ПУСТЬ ТЮЛЬПАН НЕ УВЯДАЕТ

Пусть тюльпан не увядает, не страдает никогда!
Пусть струна во время пира не смолкает никогда!
Пусть никто своей святыни не теряет никогда!
Пусть никто вдали от милой не пылает никогда!
Пусть, подобно мне, влюбленный не рыдает никогда!

Чистая любовь прекрасна, изменная страсть — порок.
Родословную любимой я умом постичь не мог:
Женщина она простая иль божественный цветок?
Ради милой дом свой бросил, всем достатком пренебрег.
Пусть никто родного дома не бросает никогда!

Стал я горбуном от горя, тенью стал, и пешеход
Попирает тень усердно, — мне забыться не дает,

Я на твоей дороге, раздавленный, поник,
От просьб и уверений мой онемел язык.
Была гора терпенья, остался золотник,
И стан мой искривился, и пожелтел мой лик, —
Ты знать о том не знаешь, а сердцу хорошо.

В разлуке погибаю, вздыхаю: Офарин!
Перо из рук роняю, страдаю, Офарин!
Я — Муками влюбленный — взываю: Офарин!
Тебе навеки верный, рыдаю: Офарин!
Ты сердце угнетаешь, а сердцу хорошо.

133. О ДОСТОИНСТВАХ ЛЮБИМОЙ

Мухаммас на газель Завки

Сколько мне ночей бессонных, сколько долгих дней
страдать?

На твою гляжу дорогу, а тебя всё не видать.
Я глаза свои оставил на дверях твоих опять.
Разве солнце в состоянье лику милой подражать?
Разве в состоянье роза, как красавица, сиять?

Всё кругом тебе покорно, если упрекаешь ты,
Если гневаешься, если покарать желаешь ты.
Жителей Мавераннахра в рабство обращаешь ты,
Женщин ангелоподобных красотой сражаешь ты, —
Перед красотой твоею кто же может устоять?

Ты пленяешь всех на свете — степняков и горожан.
Ты сама прекрасно знаешь: упоителен твой стан.
Почему же оскорбляешь, поступаешь как тиран,
Почему же нас терзаешь — правоверных мусульман?
Что за странная привычка наши души воровать?

Дервиш сыт благоразумный самой мыслью о любви.
Вечно голоден безумный, громко стонет: «Полюби!»
Мир сражается подлунный, всюду страшные бои,
Цезари и падишахи движут армии свои,
Спорят — кто же первый будет ноги милой целовать.

Сад Ирама зеленее там, где ног любимых след.
На тебя истратил слезы, больше ни слезинки нет.
Почему твоим дыханьем до сих пор я не согрет?
Ничего с тобой не будет, — с наших встреч снимим
запрет.
Благодатнее Кавсара уст любимых благодать.

Всех влюбленных ненавижу, что живут в твоей стране.
Брови милые увижу — вновь от ревности в огне:
Благосклонный взгляд подаришь — будет обещаьем
мне. . .

Зубы у тебя — как жемчуг, жемчуг потому в цене.
Потому в цене рубины, что твоим устам под стать.

К ожидающим решенья на собранье снизойди!
Сладострастье отвергая, в чистые глаза гляди!
Если сердце мусульманки у красавицы в груди,
Светом красоты сверкая, любящего пощади, —
Лишь сердца неверных могут сердцем любящим играть.

Это базилик бесценный засиял у губ твоих?
Это рая ключ священный у кораллов губ твоих?
Кто поставил эти точки возле алых губ твоих?
Это родинки, быть может, у бокала губ твоих,
Или пчелы прилетели сахар с губ твоих собирать?

Умоляю непрестанно ради сердца моего,
Взгляд дари мне несказанный ради сердца моего,
Гостьей будь моей желанной ради сердца моего.
Умоляю неустанно ради сердца моего:
Ты не будь ко мне жестокой, перестань меня терзать!

О достоинствах любимой, Мукими, твой мухаммас.
В каждом пятистишье буквы милые для уст и глаз.
Милой имя составляют эти буквы много раз.
Без прикрас, хотя обильный украшеньями рассказ,
Милой имя прославляя, записал Завки в тетрадь.

134. БЕЗ ПАМЯТИ ВЛЮБЛЕН

Мухаммас на газель Физули

Олень в кудрей твоих каскад без памяти влюблен.
Твои глаза его томят, — без памяти влюблен.
Весь рай в твой драгоценный взгляд без памяти
влюблен.

Мой попугай в твой виноград без памяти влюблен.
Мой соловей летит в твой сад: без памяти влюблен.

Украла у меня покой, на сердце тяжело.
Когда проходишь предо мной, на сердце тяжело.
Взор на меня не смотрит твой — на сердце тяжело.
Расскажут о тебе такой — на сердце тяжело.
Открой уста, пусть зазвонят, — без памяти влюблен.

В пустыне муки и любви я сумасшедшим стал.
Истерзан я, душа в крови, — я сумасшедшим стал.
Твой стан! Движения твои! Я сумасшедшим стал.
Приди и боль мою прерви! Я сумасшедшим стал.
В твой стан, в движенья, что пьянят, без памяти
влюблен.

Стрела беспечности твоей в мою вонзилась грудь.
Приходит ночь, — хочу заснуть и не могу заснуть.
Существование мое — ночей осенних муть.
Мой день — как ночь. В нарциссы глаз позволь мне
заглянуть.
В одном слуга твой виноват: без памяти влюблен.

Сгораю в пламени любви. Нет у меня друзей,
Кто мог бы рассказать тебе о злой судьбе моей.
Молю, вздыхаю, слезы лью, стал янтаря желтей.
Всё та же ночь. . . К чему свеча? Зажги зарю скорей!
Меня твои лучи манят: без памяти влюблен.

Рубин завидует тебе, влюблен в твои уста.
Сам кипарис в твой стройный стан влюбился неспроста.
Мысль Мукими не первый год тобою занята.
Больного сердцем Физули к тебе спешит мечта.
Его глаза твоих хотят: без памяти влюблен.

135. ДУША ПОЛНА

Мухаммас на газель Альмаи

Слезы пусть не иссякают: рана мне нанесена.
Пусть не будет эта рана вновь и вновь углублена.
Пусть вовеки не смолкает на пиру твоём струна.
Пусть твоя душа сверкает, горем не омрачена.
Расцветает, мук не зная, словно кипарис, стройна.

Пусть идет твоя дорога лишь по бархатным цветам,
Пусть их блюдца рассыпают серебро к твоим ногам.
Ты на зависть куропатке павой ходишь по садам.
Хоть олень хотанский черен, но олень хотанский сам
Пить из глаз твоих не смеет, так черна их глубина.

Есть ли средство от разлуки и лекарство от страстей?
Долго ль твой поклонник бедный будет янтаря желтей?
От печали изнываю, — мученика пожалей!
Скорбь пусть не коснется пыли, тронутой стопой твоей,
Пусть не огорчит отравя сахар твоего вина.

Кто, красавица, забудет сердца твоего цветы?
Негде дервишу согреться, крова нет у нищеты,
И вино не опьяняет, если не сверкаешь ты,
Светлый праздник не сияет, если не сияешь ты.
Если ты не улыбнешься — улыбнется ли весна?

С тех времен, как я Аллахом вписан в книгу бытия,
Стал безумным я Медждуном, страсть к любимой затая.
Но тебя благословляю, хоть и стал безумным я.
Пусть же не вспугнет вовеки пиалы рука твоя,
И цветка — твоя одежда: будь прекрасна и нежна!

Божество мое улыбкой освещает всю страну;
Пусть, твой смех благословляя, слез твоих не помяну.
Пусть тебя лелеет небо, будто полную луну.
Пусть твой вечер станет утром, начинающим весну.
Пусть твое лицо, как роза, все чарует времена.

Милая моя привыкла быть капризной, но любить,
Милая моя привыкла, нежно полюбя, бранить.

Сердце Муками привыкло от любви несчастным быть.
А звезда Ахтар привыкла ослепительно светить.
Пусть одной тобою будет, Альмаи, душа полна.

136. ДЕВУШКЕ ИЗ КАШМИРА

Мухаммас на газель Фурката

Мир своим пренебреженьем ты в смятенье привела.
Ты бы острыми бровями головы рубить могла.
Сказочники замолчали, — ты ведь сказки начала.
Был я ослеплен нежданно блеском твоего чела,
Я в Кашмире колдовские видел глаз твоих дела.

Как забыть мне стан твой тонкий? Как забыть твои
черты?
Зубы у тебя — как жемчуг, губы — как рубины. Ты —
Царственное снисхождение на престоле красоты.
Ночи ты свои проводишь у ручья живой воды.
Днем — осыпанная солнцем — голова твоя светла.

Шах к твоим ногам склонился, нищий тает от любви.
Шейх влюбился, и гуляка изнывает от любви.
Даже мушка небольшая умирает от любви.
Даже сказочная птица умоляет о любви.
Сердце юноше и старцу косами ты оплела.

Крылья где мои — не знаю, стал я пленником твоим.
Только о тебе мечтаю, стал я пленником твоим.
То смеюсь, а то рыдаю, — стал я пленником твоим.
Ты сказала: «Подтверждаю, стал ты пленником моим.
Жизнь твоя пройдет в оковах, — их любовь изобрела».

Гурия с тобою рядом не блистает красотой.
Кажется луна неяркой по сравнению с тобой.
По сравнению с тобою пава кажется хромой.
Бровь и родинка над бровью букве «нун» равны одной.
Суру «нун» твою читаю, эта сура мне мила.

Я сказал: «Всех глаз отрада!» Улыбнулась мне в ответ.
«Письмена твои — отрада!» Улыбнулась мне в ответ.
«Даже родинки не надо!» Улыбнулась мне в ответ.

«Без нее ты — радость взгляда!» Улыбнулась и в ответ:
«Значит, каллиграф ошибся, но ошибка так мала!»

Ты пришла — цветы степные расцвели, чаруя взгляд.
Роз монеты золотые на твои пути манят.
Улыбнулась — я подумал: «Это жемчуга блестят».
Ты сказала: «Что ж покинул край родной?» Сказал
Фуркат:
«Душу, склонную к блужданиям, мне моя судьба дала».

РУБАИ, ФАРДЫ

137

Этот новый дом Мукими пленил.
«Что за новый дом?» — Мукими спросил.
Сам себе сказал: «Дому много лет, —
Так второй ремонт дом принарядил».

138

Без вина, увы, пуст, печален свет,
Без желанных уст что мне солнца свет!
К берегу стремлюсь я надежд своих,
В море слез плыву — берега всё нет.

139

Я грущу, причину грусти объявить мне разреши:
Сросшиеся брови — признак неотзывчивой души.

140

Злобный человек гонит добрых прочь:
Нетопырь одну уважает ночь.

175

Закадычным другом брошен разорившийся дотла:
Если нет вина в кувшине, с ним не дружит пиала.

Что Страшного суда страшней? И всё ж душе моей
С кокандцем встретиться на нем во много раз страшней.

К нашим воплям, к нашим стонам остается мир глухим, —
О желаньях сокровенных потому не говорим.

ФУРКАТ

Толстобрюхие невежды. Ведь осел в сравненье
с вами — грамотей!
На отцов духовных ваших, богословов лжеученых —
тьфу на них!
Сколько б ты ни обличал их, сколько б ни плевал
им в рожи,
о Фуркат!
Снова плюй на сброд богатый, на мошенников
прожженных, —
тьфу на них!

145. ГИМНАЗИЯ

Был приглашен достойным я лицом
В гимназию и вот пишу о том.

То не гимназия — сплошной цветник,
Расхаживают юноши кругом.

От них исходит тонкий аромат,
Взлелеянный учености цветком.

Наука жажду утоляет их,
Любуюсь каждым я учеником.

Вот класс, где учат греческий язык,
Латинский изучается в другом.

Четвертый также был заполнен класс —
Здесь заняты немецким языком.

Другие кабинеты видел я,
Названья их я позабыл потом.

Вот бьет двенадцать, полдень наступил —
Об этом нам напомнил пушки гром.

Пора обедать, кушанья несут,
И юноши расселись за столом.

Платона имя называют здесь,
Заслуженно слывет он мудрецом.

Учителей учений не найти,
Умеют знания передать притом.

Не удивлюсь, когда наука их
Джамшида чаши явится творцом.

В физический заходим кабинет
И всё о телеграфе узнаем.

Течет по меди ток, что порожден
Вертящимся стеклянным колесом.

Глядишь — и разбегаются глаза:
Здесь чудо скрыто в опыте любом.

Хотя приборы и без языка,
Но о Платоне в каждом весть найдем.

Всему дивясь, благодарили мы
Хозяев за оказанный прием.

Как жаль, что наши ханы, беки встарь
О наслажденье думали одним,

Людей достойных гнали от себя,
С невеждою дружили и глупцом,

Ученых не умели уважать,
Им не хотели следовать ни в чем.

Лишь только рухнет власть таких невежд —
И челядь завладеет их добром.

Мудрец бы стал опорой власти их,
Когда б они склонились пред умом.

Я говорю: подобна птице власть,
Пускай наука будет ей силком.

Пора кончать, не надо лишних слов,
Поведать невозможно обо всем.

Здесь много важного Фуркат познал,
Он рад знакомству с этим цветником.

146. О ТОРЖЕСТВЕННОМ АКТЕ

Сегодня с вами поведу я речь
О том, что в памяти я смог сберечь.

Для публики перо мое опять
Готово о гимназии писать.

Я был на заседании одном,
Обычай русский отразился в нем.

Мужской гимназии просторный зал
Мне настоящий сад напоминал:

Из свежей зелени его наряд,
Цветов букеты по углам стоят.

А стульев там и взором не объять,
Казалось, их нельзя пересчитать.

Зеленый, с переливом, матерьял,
Как бархат, все сиденья покрывал.

Вот юноши опрятные вошли,
Что стройными цветами тут росли.

Отцы выпускников уселись в ряд,
Их матери-страдалицы сидят.

Немало было и других гостей,
Таких ученых, как Платон, мужей.

Чиновники различные вокруг —
Всех описать их просто недосуг,

Себе тут каждый выбирает стул,
И замолкает разговоров гул.

А гимназисты на своих местах
Подобны ярким звездам в небесах.

Учителя с поклонами вошли,
В кругу гостей им место отвели.

.

Один учитель начал свой доклад,
Не тезисы — законченный трактат.

Оратор этот, увлекаая зал,
Историю народов освещал.

Особенно понятным был для нас
Об Искандере Македонском сказ,

Как Искандер в наш Туркестан попал,
Зачем пришел, что делал, где бывал.

Когда учитель кончил, то второй
Нам прочитал доклад научный свой.

А после благодарность получил
Тот, кто учился, не жалея сил.

Другой за грамотой идет к столу,
В ней — что ни буква — видим похвалу.

Выходят юноши, и каждый рад:
Им зрелости вручают аттестат.

Вознаградить усердие не жаль:
Двум золотую выдали медаль.

И музыка чудесная гремит,
Веселье, бодрость всем она дарит.

Сердца людские, музыка, плени!
Все радостны, как в праздничные дни.

Ведь эти дети к знанию пришли,
Высокие порывы обрели.

На заседании и стар и мал
Восторг свой откровенно выражал.

Представлен мусульманский наш народ
Был там учеными людьми — и вот

Внимательность не покидала лиц,
Не знало восхищение границ.

Учителей заслуги немалы,
Их методы достойны похвалы.

Хорош обычай и хорош закон,
Старание удваивает он.

Слова сказал я эти потому,
Что хочется учиться самому.

Науку ценит высоко народ,
Неудержим высокой мысли взлет.

С наукой кто знакомство заведет,
Познает уваженье и почет.

Что б ты ни делал, знай: всегда, везде
Наука — облегчение в труде.

Науки свет — ей должное воздам —
Сердца облагораживает нам.

Когда идешь ты с факелом в руках,
Тебе неведом и во мраке страх.

Фуркату, боже, темные пути
Светильником науки освети!

147. О ДОСТОИНСТВАХ НАУКИ

Эту речь поведу я о пользе наук,
Расскажу, что подвластно им в мире вокруг.

Пусть имеющий слух это слово услышит,
Пусть разумный суть этого зова услышит.

В мире знания и мудрость росли испокон,
Если глянуть от прежних до наших времен.

Искандер был властитель над ширью всесветной,
И была его рать, словно звезды, несметной.

Что в морях и на суше открыто уму,
Было всё в этом мире подвластно ему.

Власть его простиралась по дальним дорогам,
Он страну содержал в устроении строгом.

Целый мир завоеван был ратью его,
Высший разум присущ был понятию его.

И четыреста мудрых мужей — его свита
Верной службой владыке была знаменита.

По уму с Арасту́ каждый мог рядом встать,
Были все Афлатуну почти что под стать.

Но над всеми стоял Афлатун в назиданье:
Выше всех были мудрость его и познания.

Он великими знаниями был умудрен,
И над вечностью даже господствовал он.

Все познания — плод его мудрых догадок,
От наук в этом мире закон и порядок.

Претворен был им в явь Искандера наказ:
Сделал зеркало он — как всевидящий глаз.

Что в морях и на суше ни есть во вселенной,
Всё являло оно в красоте несравненной.

Кто бы что в этом мире узреть ни хотел,
Пред смотрящим любой открывался предел.

Но когда отраженье являлось в зеркале,
Как вести с ним живую беседу — не знали.

И не ведали, как слышать звуки, совсем,
Даже мудрый не знал той науки совсем.

Если шахам внезапно потребность являлась
Знать о дальних владеньях хоть самую малость, —

Чтоб принять от наместников точный доклад,
Слали письма, гонцов поджидая назад.

А пошли в дальний край хоть единую строчку —
В ожиданье ответа терпи проволочку.

Промедление шло шахской воле во вред,
И немало случалось от этого бед!

А теперь времена наступили благие, —
Наш теперешний век — это время России.

Мощь, величье ее крепнут день ото дня,
Крепнет власть ее, силу законов храня.

Она пестует знанья с великим стараньем
И во всем поступает по их предписаньям.

Мудрецам нынче в мире не сыщешь числа,
И премудрость сама счесть бы их не смогла!

Превзойдет Афлатуна премудрый их разум
И над всеми умами возвысится разом.

Много дел по законам наук основав,
Они создали чудо чудес — телеграф.

О любом — хоть трехмесячный путь туда — месте
Могут ровно за час получить они вести!

О живущих и в западной дальней стране
Можно за день, коль нужно, проведать вполне.

Прок и воинству в этом, — про то не забудем.
Телеграф — это польза великая людям.

И купцам в этом деле немалая цель:
Весть о ценах приходит из дальних земель.

Запасутся, к примеру, в Ташкенте товаром —
Надо знать, что за спрос по московским базарам.

Ехать, слать ли, какую достачу найдут
И в торговле какую удачу найдут, —

Знают всё, телеграфным известиям веря,
Ждет ли выгода там или только потеря.

Эта мудрость российским правленьем дана,
Чудной силой науки открыта она!

А у греков времен Искандеровой славы
Афлатун, Арасту и Лукман — честь державы —

И не знали про чудо ума — телеграф, —
Так и жили, природы чудес не познав.

Надо людям такую дать силу науке,
Чтоб она всем невеждам связала бы руки,

Чтобы миру наука открытой была,
Чтобы чаяньям сердца защитой была.

Для сердец благодать просветленья — в науке,
Для очей свет познания и зренья — в науке!

Нужно ведать основу всех сущих наук —
Ведь любая в свой час и помощник, и друг!

Жаль, Фуркат, не пришлось тебе знаний добиться, —
Сам себя ты обрек жить невеждой в темнице!

148. О МУЗЫКАЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ В ТАШКЕНТЕ

О друзья-златоусты, ценители слова,
Чистый жемчуг в морях разуменья людского!

На ристалище мудрости вы дерзновенны,
И в науках и в знаниях величьем отменны!

Вы внимлите — на диво рассказ я сложу,
Чудо-повесть стихами для вас я сложу.

В тысяча восемьсот девяностом году
Я о первом июля рассказ поведу.

В русском городе был я, и там шаг за шагом
Приближался я к прежде невиданным благам.

В этот день долетели о ярмарке вести,
Я пошел туда всё рассмотреть честь по чести.

Там — высокое зданье, и в стенах его
Будто праздник — российских людей торжество.

Взял себе я билет, и вошел лишь едва —
Мне открылись приметы того торжества.

Ламп горящих — без счета в огромнейшем зале,
Словно сад, этот зал весь цветами убрали.

Огляделся: обивка вокруг — будто диво,
Вязь узоров на ней и пестра и красива.

Дом тот светом-огнем небывалым горит,
Как прекрасный цветник в цвете алом горит.

И повсюду там стулья в порядке стоят —
И большие и малые, плотно, подряд.

Тут и знать и простые — по чину, по чести
Каждый сел на своем нумерованном месте.

Люди разные к русским пришли сюда в гости,
Здесь вот — немцы, поодаль — французские гости.

Здесь мужчины и женщины — всех не сочтешь —
Ряд за рядом на стульях уселись сплошь.

И когда вся толпа разместилась, шепчась,
И замолкла, концертная часть началась.

Мальчик с женщиной к публике вышли вначале,
Песню пели они и на чем-то играли.

А потом пел мужчина залиvistым ладом,
На рояле играла с ним женщина рядом.

А затем вышла женщина — вся в голубом
И с прекрасным, как будто бы солнце, лицом.

Красота ее — словно на небе светило, —
Даже пери, наверно бы, зависть сразила!

Глядя в свиток, она песню звонкую пела,
Низким тоном, с лукавостью тонкою пела.

Двое вторили музыкой женщине той —
На рояле один, на барбате другой.

Вместе с пением — музыки строй заодно,
Голос слышался вместе с игрой заодно!

В этом пении сердце вкушало усладу,
Умилялась душа дивной музыки ладу.

И, услышав игру вместе с песней хорошей,
Все хвалу возносили, захлопав в ладоши.

Одобрительным гулом наполнился зал,
Каждый громко свою похвалу выражал.

И с поклоном ушла эта дева-луна,
Будто в небе средь звезд воспарила она!

Но она выходила на вызовы снова,
Слыша звук выраженья восторга людского.

Все сердца она пеньем умело пленила,
Жар души распалив до предела, пленила.

И ушла она, бросив прощальный привет,
И послал гром приветствий народ ей вослед.

Вышли юноша с женщиной, встали вдвоем,
И играли и пели в том зале вдвоем.

Лился звук дивной песни и музыки, ширясь,
А потом и они за завесою скрылись.

Вот две женщины вышли, одна из них пела,
На рояле другая играла умело.

С ними юноша был — на барбате играл,
Чуден был их напев — выше всяких похвал.

И когда им из зала неслась похвала,
Тут завеса опущена снова была.

Только миг пролетел — и завесу подняли,
И утихли опять все сидевшие в зале.

Вышли девушки — словно пятнадцать сестер,
С ними — старший, кому подчиняется хор.

Их единая песнь так была хороша,
Что исполнилась влагой живящей душа!

Старший девушкам этим показывал знак,
Он руками — как петь им — показывал знак.

И с лукавством, привычным кокетливым девам,
Они пели высоким и низким напевом.

И хоть в их голосах невеликая сила,
Все сердца их чудесное пенье пленило.

Все, кто в зал в этот день слушать пенье пришли,
Как один человек, в восхищенье пришли!

У меня ж от их пения разум померк,
И рассудок от музыки разом померк.

Не слышал я, чтоб пенье вели так умело, —
Слава богу, душа хоть не вышла из тела!

Эта музыка сверх разуменья похвальна,
Голосов их искусное пенье похвально!

За завесой те девушки скрылись едва —
В тот же миг объявили конец торжества.

Шел двенадцатый час, и всё кончилось там,
И народ поднялся, чтоб идти по домам.

Ум покинул меня, помутился мой разум,
Что ни миг — пламень страсти сжигал меня разом!

Как бы снова увидеть такое, — мечтал я,
Тешить сердце блаженством покоя мечтал я.

О друзья! В эту ночь был душой я смущен,
До утра не давал мне забвения сон.

Полнит сердце восторг, и удел мой — мечтать,
Как бы это блаженство изведать опять!

**149. О МУЗЫКЕ, МУЗЫКАНТАХ, ИХ ИНСТРУМЕНТАХ,
А ТАКЖЕ О ПРОИЗВОДИМОМ МУЗЫКОЮ ВПЕЧАТЛЕНИИ**

Внемлите гласу разума, друзья, —
Перо поет, и песнь слагаю я.

Той песней возвещаю весть я вам,
Той песни лад несет известье вам.

Каким напевам я внимал, скажу,
О тех напевах я стихи сложу.

О зрелищах, что выше всех похвал,
В газете я для вас уже писал.

Два дива описать вам был я рад:
Одно — театр, другое — песен лад.

Но видел я еще одно из див,
И слушал чудных звуков перелив.

То — инструмент российский для игры,
Не ведал я о нем до сей поры.

Как музыкант на нем играть начнет —
Ладов и звуков слышится черед.

Услышишь — станешь от блаженства нем,
Того и жди, что ум уйдет совсем.

У мусульман — то знает млад и стар —
Есть инструмент; гиджак, танбур, ситар,

Дутар и арганун, канун и руд,
Рубаб, дойра, и чанг, и най, и уд.

И хоть ладов премного есть у них —
У инструментов, что назвал мой стих, —

Что пользы, если нет искусных рук,
Чтоб обучить законам их наук!

А здесь напевов чудных звучный лад
Летящих птиц приманит всех подряд.

Замрет и ветер, сдержит свой порыв,
От сладких звуков даль лугов забыв!

И горлица, и соловей замрут:
Взбурлят сердца их от тревог и смут.

Как есть похож чудесный звук такой
На ручеек с серебряной водой!

Как бы по камешкам течет струя,
Журчащей влаги ток вперед струя.

То ль плещет море нежною волной,
Взлетая в воздух пеной водяной,

То ли с улыбкой нежится волна,
Как бы смеясь, потоком внесена.

Смятением те звуки налиты,
Дают устам блаженство немоты.

И музыкант искусною игрой
Потайных дум нам возвещает строй.

О том, как жизнь в страданьях тяжела,
О счастье избавления от зла,

О горе ли, что шлет ему недуг,
О яде ли горчайших наших мук,

О тяжелой ли и горестной судьбе,
О бедствиях, таинных им в себе,

О том ли, что надломлен дух бедой,
Об участи ли горькой и худой,

О благостном ли чуде из чудес,
О радостях ли, посланных с небес,

О том ли, как в избранницу влюблен,
О том ли, что сказать ей хочет он, —

Он обо всем, не скрывши ничего,
Расскажет тем, кто слушает его.

Весь тайный смысл в душе таинных слов
Он звуками поведать нам готов.

И слушатели, внемля мастерству,
Всё ощутят, как будто наяву.

В один из дней, чредой спешащих вдаль,
Услышать довелось и мне рояль.

Играла девушка, в ее игре
Речь музыки взывала о добре.

К творцу взывала слезная мольба:
«О пощади, я сердцем так слаба!»

И тон и звук менялись каждый миг:
То — тихий стон, то — будто громкий крик.

То — словно най стонал, с тоской запев,
То — будто грустный слышался напев.

И этот звук пронзил меня насквозь,
Как будто острие мне в грудь впилося!

И в тот же миг другой явился звук,
И сердце, как Джейхун, взбурлило вдруг.

Душа в осколки разлетелась враз,
Фонтаном слезы пролились из глаз.

И, опечален, плакал я навзрыд, —
Весь ворот мой слезами был омыт!

Поведал сердцу моему рояль
Надежду, горе, радость и печаль.

О, если б мне попасть туда опять,
Опять игре той девушки внимать, —

Чтоб музыка дала душе покой,
Неся мне отдых радостью такой!

От той игры душа воспрянет вновь,
Те звуки льются, словно в жилах кровь!

Внимай, Фуркат, дарам таких щедрот,
Да внемлет их добру и весь наш род!

Пускай прославит музыку твой слог!
И если мне не помешает рок,

Я обо всем, про что здесь песнь слагал,
В газете много напишу похвал!

150. О ВЫСТАВКЕ

Был сентябрь... Восемьсот девяностый год.
Отовсюду на выставку ехал народ.

Довелось эту выставку видеть и нам.
Всё, что есть в нашем мире, представлено там.

Там на зависть Ираму раскинулся сад,
Душу радует чистый его аромат.

Животворный, прозрачной водой орошен,
Густолиственный, манит прохладой он.

Вдоль аллея ароматные розы в цвету,
Соловьи славят нежную их красоту.

Павильоны прекрасны! Объезди весь свет —
Скажешь сам, что подобных и равных им нет.

Да! Тому, кто красой этой смог пренебречь,
Будет душу раскаянье горькое жечь.

Собралось тут немало людей деловых,
Расстоянье не стало преградой для них.

Все они, чтоб от выставки польза была,
Привезли образцы своего ремесла.

Самарканд, Бухара. . . Нет, немыслимо счесть
Городов, чьи товары представлены здесь,

Мастеров, чьи изделия заполнили сад,
Совершенством невиданным радуя взгляд.

Пусть же выставку эту во многих местах
Славят мудрые люди на всех языках.

Пусть повсюду в газетах напишут о том,
Как почетно, как ценно владеть ремеслом,

Чтобы добрая слава людей ремесла
Прогремела повсюду, стократ возросла.

Пусть придут в этот сад мастера для того,
Чтоб упрочить, расширить свое мастерство.

Много ценных изделий, представленных тут,
Несомненно их разум и взор привлекут.

Для того, кто пытливым умом наделен,
Для того, кто к науке душой устремлен,

Эта выставка — кладезь. Увидев ее,
Обновит и умножит он знание свое.

Он войдет и осмотрит здесь всё не спеша,
Потому что здесь каждая вещь хороша!

Вот, искусно вплетая в основу утёк,
Привлекает наш взгляд шелкоткацкий станок.

Вот создание мудрости, гордый колосс —
Обгоняющий ветер стальной паровоз.

Здесь орудье сверкает могучим стволом
И громадным, двенадцати дюймов, жерлом.

Там — огромный колокол, чудо чудес.
Подойдя, мы спросили, каков его вес.

Нам сказали: «Пятьсот шестьдесят один пуд,
А когда в этот бронзовый колокол бьют,

Звук его, мелодичный, торжественный звук,
Слышен людям на многие версты вокруг».

Вот — отличный станок для распилки досок,
Облегчает труд плотника этот станок.

Он удобен и прост, сделан прочно, навек,
Им легко управляет один человек.

Поглядите! Минута еще не прошла,
А уж доскам напиленным нету числа!

Здесь, дивясь мастерству всех народов и стран,
Восхищались мы также трудом мусульман.

Вот хотя бы отливка чугунных котлов —
Заслужила немало восторженных слов.

Да! Чудесные вещи заполнили сад,
Совершенством невиданным радуя взгляд! . .

Привлекла эта выставка многих людей —
Мастеров, изощренных в работе своей.

Собрались они вместе на дружный совет.
Разум каждого — светоча яркого свет!

Знанья каждого — редких алмазов гора!
Были также и русские тут мастера.

Говорили: «Прославлен не зря Туркестан.
Выше всяких похвал мастерство мусульман!»

151. О ВЫСТАВКЕ В ТАШКЕНТЕ (1)

Я выставку осматривал три дня.
Здесь удивило многое меня.

Тот вкус, что каждому дала природа,
Успешно заменял экскурсовода.

Сначала я осматривал дары
Счастливой, благодатной Бухары.

Я видел множество предметов ратных,
Для сердца мне особенно приятных.

Блистали шлемы, стрелы и щиты,
Кольчуги несказанной красоты.

И сабля исфаганская блистала,
И сабля ардаванского металла.

Я любовался, может, больше часа
Вещами из адраса и атласа.

Я любовался бархатом, парчюю,
Блестевшей вышивкою золотою.

Потом в ургенчском видел я отделе
Немало удивительных изделий —

Ковры и ткани, горы белой пряжи,
Арбу большую, полную поклажи.

Залюбовался я ткачом умелым —
На выставке он занимался делом.

Потом пошел я в тот конец, откуда
Услышал крик осла и рев верблюда.

Храпели кони, ржали кобылицы,
Глядели — не могли мы надивиться.

Кашгарский конь, чей рост два с лишним гяза,
Был радостью для сердца и для глаза.

Коня торгуя, публика кричала,
Сто пятьдесят рублей давали. . . Мало!

Я видел лошадь русского завода.
В ней чувствовалась сила и порода.

И жеребцы и матки продавались,
Вокруг купцы толкались, торговались.

Здесь были кони пегие, гнедые,
Каурые, седые, вороные.

Есть на земле коней немало царских —
И русских, и текинских, и бухарских. .

Ослы здесь были и тяжеловозы,
Бараны и диковинные козы.

И в виде чучел барсы и медведи
Стояли здесь, как добрые соседи.

Лиса была такая, что сперва я
На чучело сказал: «Лиса живая!»

Я видел уток чинных, цапель длинных,
Фазанов, куропаток и павлинов.

И попугаи с горlinkами вместе
Сидели за решеткой на насесте.

Здесь был обыкновенный серый сокол
И белый сокол — гость земли далекой.

Мы и борзыми восхищались, глядя
На уши их, длиною больше пяди.

И тонконоги, как в горах газели,
На нас из клеток гончие глазели.

Хоть мой рассказ и краток и невнятен,
Но умным людям и такой понятен.

Коль осенит язык мой вдохновенье,
В газете вы прочтете продолженье.

152. О ВЫСТАВКЕ В ТАШКЕНТЕ (2)

Да будет пищею для вдохновенья
Всё то, что увидал на третий день я.

Немало здесь диковин я увидел,
Неведомых штукovin я увидел.

Из тех вещей, что открывались глазу,
Про большинство я не слыхал ни разу.

Здесь побывало мудрецов немало,
Но многое и мудрых удивляло.

На белом свете не хватило б злата,
Чтоб всё купить, чем выставка богата.

Здесь были, например, два фонаря,
Горевшие, как яркая заря.

Светильники, что не нуждались в масле,
По повеленью проволоки гасли.

И свет их был отличен от дневного:
Был ярче он и цвета был иного.

Чудесный свет, — могли бы мы сказать, —
Уму изобретателя под стать.

Одни фонарь считали польским тазом
С искусно скрытым дорогим алмазом.

Иные говорили: «Это медь,
Что порохом сумели натереть!»

А мне казалось, — может, я неправ, —
Что это — тот же самый телеграф,

Что по столбам откуда-то сюда
Стальные протянули провода,

Чтобы по ним пороховая сила
Пришла б сюда и лампы засветила.

Но чем бы это ни было явление,
Кусали пальцы все от удивленья

И говорили так: «Изобретенье
Достойно восхищенья, одобренья».

Теперь, встречаясь, — двое или трое —
О выставке толкуют меж собою.

Смотрели б год, и то б не надоело.
Могуществу людскому нет предела.

Да будет — дай мне, небо, вдохновенье —
У моего рассказа продолженье!

153. О СУВОРОВЕ

О ПРЕДСТАВЛЕНИИ, СОСТОЯВШЕМСЯ 5 ОКТЯБРЯ 1890 ГОДА
В ТАШКЕНТСКОМ ГОРОДСКОМ ТЕАТРЕ

Эй, музыкант, начни играть для нас,
На ратный лад настрой звенящий саз.

Где быстро заиграй, где не спеша,
Чтоб веселилась зрителей душа.

Спектакль про полководца-храбреца
Прекрасен от начала до конца.

Чем славен он, как жил давным-давно, —
Всё это здесь сполна отражено.

Суворов был прославленный навек
Военный вождь, великий человек.

Бесстрашный, он в течение ряда лет
Войска России вел путем побед.

Испытанный знаток военных дел,
Он много знал, во многом преуспел.

Но вот Екатеринин век прошел —
Сел император Павел на престол.

Издад свои законы новый царь —
Всё по-иному, всё не так, как встарь.

Узнал Суворов о таких делах,
Увидел эти новшества в полках

И гневно произнес, царю в укор:
«Помилуй бог, все эти штуки — вздор!»

Когда дошла до Павла эта речь,
Он был не в силах ею пренебречь.

Тотчас велел Суворова позвать
И так сказал: «Ты смеешь осуждать

Мои порядки и законы? Что ж!
Уйди в отставку, если я негож».

Ушел Суворов. Воин и герой
В деревню удалился на покой.

Жил скудно, к земледелию привык,
Ходил за плугом, как простой мужик.

Порой, собрав вокруг себя ребят,
Он обучал их, как своих солдат.

Вручив им палки, трость, как шпагу, взяв,
Он объяснял им воинский устав:

Как строй равнять и как в бою с врагом
Разить прикладом и колоть штыком.

Был и тогда, в глуши изгнанья, он
О всех событиях осведомлен.

Так время шло. Так он в деревне жил.
Был скромн, прост. С крестьянами дружил.

В ту пору всю планету вдоль и вширь
Потряс один могучий богатырь.

Он был француз, но храбрый, как орел, —
Сиял над ним успеха ореол.

Тот богатырь звался Наполеон,
Прославился во многих битвах он.

Пошел войной на Австрию, на Рим, —
Склонилась вся Европа перед ним.

Австрийский царь испуган был весьма
И сел за составление письма.

Просил поддержки русского царя,
Чтоб вместе обуздать богатыря.

Всё описал подробно до конца,
Послал в Россию верного гонца.

В хороший, ясный день, в счастливый час
Дошло его письмо до царских глаз.

Он так писал: «О царь племен, о тот,
Чья мощь для всех обиженных — оплот!

Снимите с наших душ печали груз,
Идет на нас войной один француз.

Хоть он не царь, но силою своей
Стал выше многих на земле царей.

Подобной мощи мир еще не знал,
Пред ним бы и Рустам не устоял.

Легко он может разгромить сейчас
Не только итальянцев, но и нас.

Надежда лишь на вас, о царь царей,
Направьте к нам Суворова скорей!

Увенчан славой, в битвах закален,
Пусть оба войска возглавляет он».

Как только русский царь письмо прочел,
Он тотчас взял перо и сел за стол.

Обиды старой вспоминать не стал,
Приятное посланье написал.

Поставил подпись, приложил печать,
Велел гонцу к Суворову скакать.

Гонец, явившись к полководцу в дом,
Отдал поклон как должно, а потом

Промолвил внятно: «Я царев слуга,
Как честь, мне эта служба дорога.

Царь вам посланье ласковое шлет, —
Вас снова ждут награды и почет».

Суворов, помолчав, ответил так:
«Не мне посланье. Я простой бедняк.

Теперь уже не тот Суворов я,
В деревне жить теперь судьба моя.

Я слабый и беспомощный старик,
От службы ратной я давно отвык».

Гонец сказал: «Нет, нет! Посланье — вам.
Прошу прочесть и внять его словам».

Суворов больше возражать не стал,
Взял наконец посланье, прочитал.

Увидел, что действительно оно
Полно похвал, приятных слов полно.

Обрадовалось сердце старика,
Рассеялась печаль, ушла тоска.

С деревней в тот же час простился он,
К царю на службу возвратился он.

На службе много получил щедрот,
Стал жить в довольстве, заслужил почет.

Возглавил он российские войска,
Возглавил он австрийские войска.

Составил для себя сраженья план,
Отправился освобождать Милан.

Повел войска дорогою прямой,
Чтоб дать французам беспощадный бой.

Повел он на французские полки
России, Рима, Австрии штыки.

И грянул бой — ужасный до того,
Что нету слов, чтоб описать его!

Французы долго биться не могли,
Бежать пустились, прахом полегли.

Освободился от врагов Милан,
Вернулась радость в души горожан.

Вошел в Милан прославленный герой,
Расположился с войском на постой.

В те дни одна маркиза там жила,
Была она прекрасна, весела.

Весь город преклонялся перед ней,
Она пленяла даже королей.

Как драгоценный яхонт в руднике,
Жила она в своем особняке.

И вот маркизе говорят о том,
Что сам Суворов к ней приедет в дом.

Услышав эту радостную весть,
И веря и не веря в эту честь,

Весь этот день у своего окна,
Шепча: «Не может быть!» — ждала она.

«Он едет, едет!» — закричала вдруг
Толпа стоявших возле дома слуг.

И вышел из кареты золотой
Суворов, но Суворов подставной.

В его мундир парадный облачен
Был человек похожий, но не он.

А сам Суворов в сюртуке простом
Пешком пришел к маркизе знатной в дом.

Маркиза стоя встретила его,
Почтительно приветила его.

Суворов поклонился в свой черед,
Спросил: здорова ли и как живет.

Друг другу по душе они пришлись,
Приятным разговором занялись,

И к радости взаимной наконец
Признались в нежной склонности сердец.

Светился лаской чаровницы взор,
Приятный продолжался разговор.

Она сказала: «В сюртуке простом,
Как скромный гость, вы шли ко мне пешком.

И в тот же час в карете золотой,
Я знаю, ехал человек другой.

Осанкой и лицом похож на вас,
Он стал для всех Суворовым на час.

Сказали вы: „Похвал и славы мед
Пусть за меня другой сегодня пьет“».

Тут подошли, прервав беседу их,
Три женщины в нарядах дорогих.

Заговорили с ним о том, о сем,
Хвалили за победу над врагом.

Сказали: «Каждый день и каждый час
В сердцах своих мы будем славить вас!»

Гостями окружен со всех сторон,
Суворов был смущен и оглушен.

Меж тем маркиза, отойдя к другим,
С улыбкой тихой любовалась им.

Тут кем-то тайный подан был сигнал,
И гости разошлись, покинув зал.

Когда ж Суворов к спальне сделал шаг,
Пал занавес, объявлен был антракт.

Так летопись далеких дней былых
Прошла пред нами в обликах живых.

154. О ПОЭЗИИ И ПОЭТИЧЕСКОЙ ГИПЕРБОЛЕ

О поэтах пишу я вот этот мой стих,
Рассказать я хочу в этом слове о них.

Хвалят благо, что явлено светом, они,
Звучным словом расскажут об этом они.

Где цветет на земле край — отрада сердец,
Где есть дивное зданье, прекрасный дворец,

Где раскинулся рощами благостный сад,
Посылающий людям блаженство услад,

Где широкие степи не знают конца
И просторами тешат людские сердца,

Где живет предостойный и мудрый народ,
В чьей душе человечности благо цветет, —

Обо всем возвестит добрым словом поэт,
А недоброго слова в стихах его нет!

Много видывал в жизни своей Саади, —
Сколько книг написал он о том, погляди!

Сколько в землях далеких сторон ни бывал,
И в каких городах только он ни бывал, —

Там на пеструю жизнь городов он смотрел,
В сущность зрелищ проникнуть готов, он смотрел.

Что б ни видел он в жизни людской — например
Много разных законов, обычаев, вер, —

Обо всем он то прозой, бывало, писал,
То стихами — и много и мало — писал.

Лишь тому, кто не видел, чужое чудно́, —
Лишь ему беспричинно дивиться дано!

Вот пример: разных стран мусульманский народ,
А прямее сказать — мы, ферганский народ,

Городов мы российских не знали вовек,
И не видели, как там живет человек.

А ведь в пользу себе побывать бы смогли
В них пытливые люди из нашей земли!

Что и где на земле повидает поэт,
Будет вид этих зрелищ стихами воспет.

Благодатны краса и звучанье стихов,
Если вложен в них смысл сокровеннейших слов.

Мусульманским поэтам, чья слава жива,
Были ведомы тайны высот мастерства.

Ведь и Фирдоуси, и Хафиз с Саадí —
Словно стяг всех времен, что несут впереди!

Скольких доблестных мыслей и слов благодать
Людам, внемлющим слову, смогли они дать!

Ведь у Фирдоуси прочитает любой,
Как в стихах «Шах-наме» он описывал бой:

«И от грома копыт вся пустыня окрест
В шесть земель превратилась и в восемь небес!»

В этот стих заключил он немало чудес:
Где ж он взял шесть земель или восемь небес!

Но ведь каждый из нас слышать рад этот стих,
И чудесной красою богат этот стих!

Мы в веселье и в счастье слагаем стихи,
И в беде и в напасти слагаем стихи.

Что бы ни было с нами — об этом и речь,
И богата такими приметамн речь!

Но всегда добрым словом мы судим о том,
Возвещаем правдиво мы людам о том!

155. ГРЕЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА

Прошу послушать, милые друзья,
О том, что видел и что слышал я.

В скитаньях по земле и по воде
Бывал удачлив я, бывал в беде.

Объездил много городов и стран
И в Грецию повел свой караван.

Чудесный край! Везде растут цветы,
Все улицы, как серебро, чисты.

Там каждый дом из мрамора, как храм,
Сверкают окна позолотой рам.

Богатых магазинов стройный ряд
Манит к себе, приковывая взгляд.

Поодаль — баня. Кто в ней мылся, тот
Все прочим баням эту предпочтет.

Чуть смеркнется — везде горят огни,
Как звезды в небе, светятся они.

Полосками садов окаймлены,
Как стан девичий, улицы ровны.

Там у меня один знакомый был,
Я вместе с ним по городу бродил.

Мы с ним смотрели рынки, цветники,
Гуляли с ним по берегу реки.

Однажды я без цели, просто так,
К селенью одному направил шаг.

В речной долине близ дороги там
Стоит высокий христианский храм.

Над храмом, видимый для всех окрест,
Сияет в небе золоченый крест.

По воскресеньям, чуть заря взошла,
Свой начинают звон колокола,

И христиане сходятся толпой
Молиться в храм, храня обычай свой.

Там я услышал девушки рассказ,
Который изложу в стихах для вас.

«Уж много лет, как я рассталась с ней —
С Италией, отчизною моей.

Жила я раньше в Риме у отца,
Богатого и знатного купца.

В своем кругу он был богаче всех,
Главой признал его торговый цех.

Отец мой не имел других детей,
Но даже и за сотню сыновей

Не отдал бы меня. Он всей душой
Привязан был ко мне, гордился мной.

Когда мне минуло пятнадцать лет,
Краса моя затмила солнца свет.

В тот год во всех краях, по всей стране
Распространилась слава обо мне.

И начался, и зашумел базар —
Горячий торг вокруг девичьих чар.

Все заспешили к дому продавца,
Желая за товар отдать сердца.

Но захворала я, и торг затих.
Пришлось укрыться мне от глаз людских.

Слабел мой пульс, едва дышала грудь.
Открыли кровь. Не помогло ничуть.

Явился доктор к ложу моему,
Казалось, Аристотель по уму.

Он дал мне выпить камфару в вине,
Хотел он этим жар ослабить мне.

Но мне камфарный не помог нектар —
Еще сильнее разгорелся жар.

И, захмелев от этого питья,
На пьяницу похожа стала я.

Подобных много было неудач.
Но вот еще один явился врач.

Увидел состояние мое,
Бессильное дыхание мое.

Взглянул на щеки, блеклые от мук,
Проверил пульс, определил недуг.

Сказал отцу, предугадав вопрос:
«У вашей дочери туберкулез.

Найдите место около реки,
Где воздух чист, где доли широки.

Постройте дом для дочки и для слуг,
С верандами на север и на юг,

Украстье это место цветником
И отвезите дочку в этот дом.

Тогда возьмусь лечить я вашу дочь
И, может быть, сумею ей помочь».

Отец, конечно, возражать не стал,
Всё сделал так, как доктор приказал.

Прекрасный дом на берегу воздвиг,
Вокруг прекрасный вырастил цветник.

Затем богатый снарядил обоз
И сам в тот новый дом меня отвез.

Почти полгода там я пробыла,
Лекарства всевозможные пила.

И вот, как будто заново родясь,
Я наконец окрепла, поднялась.

Однажды утром с удочкой в руке
Пошла я рыбу ловить в реке.

Вдруг ураган примчал издалека,
Разбушевалась, вздыбилась река,

На берег прыгнул яростный поток,
Я бросилась бежать, не чуя ног.

Но грозный вал, высокий, как утес,
Настиг меня, осилил и понес.

Моей могилой стала бы река,
Но бог послал мне в помощь рыбака.

Рыбак закинул сеть свою в поток,
Меня, как рыбу, из воды извлек,

Увидел, что лежу я чуть жива,
Увидел, что дышу едва-едва,

Разжал мне зубы, влил мне в рот шербет,
Вернул мне жизнь, вернул мне белый свет.

Потом сказал: «О роза, отвечай,
Зачем ты здесь, где твой родимый край?»

В каком ты распустилась цветнике?
Как очутилась в яростной реке?»

Тогда к его ногам припала я,
Заплакала и застонала я.

Всё, всё ему поведала тогда:
О том, как вдруг нагрязнула беда,

О том, как я жила в стране родной,
О том, как мой отец гордился мной,

Как я увяла от бесчисленных мук,
Когда меня заполонил недуг.

Как не могли врачи сообразить,
Что за болезнь и чем её лечить.

Поведала ему, как наконец
Нашелся врач, воистину мудрец,

Как у реки был выращен цветник
И новый дом на берегу возник,

Как я гуляла в этом цветнике,
Как вышла рыбу половить в реке

И как, внезапной злобой обуян,
Увлёк меня в пучину ураган.

Когда рассказ мой выслушал рыбак,
Он в грудь стал ударять себя, бедняк.

Воскликнул он: «О ненавистный рок,
Как ты бесчеловечен, как жесток!

Зачем ты омрачаешь бытие?!
За что обидел слабую ее?!

Она ведь роза в роще красоты,
Зачем ее, коварный, топчешь ты?!

Зачем послал ей столько тяжких мук
И пальму стана ей согнул, как лук?!»

Воскликнув так, он пролил много слез
И в хижину свою меня отнес.

Там жили мы, там вдоволь ели мы,
Там провели с ним две недели мы.

Потом в далекий путь пошли мы с ним,
Пошли к отцу в родной мой город Рим.

В то время и отец, и вся родня
В живых уже не числили меня.

Считали, что погибла я в реке,
Надели траур, предались тоске.

Внезапно увидав меня живой,
Был потрясен отец любимый мой.

В лицо мое взглянув, заплакал он,
Сказал: «Воскресла ты иль это сон?»

Тогда, склонясь на землю у крыльца,
В слезах припала я к ногам отца.

И так был жгуч поток тех слез моих,
Что даже камни растворились в них!

От бурного волнения сердец
То я без чувств лежала, то отец,

То вновь, как будто выбравшись из тьмы,
Смотрели молча друг на друга мы.

Потом я рассказала, где и как
От лютой смерти спас меня рыбак.

Тогда отец душой возликовал,
Дал денег рыбаку, товаров дал,

Не пожалел ни времени, ни сил,
С почетом в путь обратный проводил.

В тот год дала я господу обет
Покинуть отчий дом на много лет,

Ничтожных дел мирских отринуть прах
И побывать во всех святых местах.

В дорогу много золота взяла
И странствовать по свету начала.

Объездила я многие края,
В священный город направлялась я.

И наконец предстал передо мной
Заветный край — Иерусалим святой.

Всевышнему я помолилась там,
И поклонилась тем святым местам.

Весь край священный обошла пешком,
И в Грецию отправилась потом.

Прибыв сюда, я наняла жилье,
Продолжила моление мое.

За семь недель, что я здесь провела,
В семи церквах господних я была.

Еще немало тут священных мест,
Но мне теперь уже пора в отъезд.

О Франции мечтала я давно,
Теперь мечте стать былью суждено.

Пробуду там неделю, помолюсь
И до границ России доберусь».

156. О РУССКИХ СОЛДАТАХ

Цветенье слов дари весне, Фуркат,
Стихами превращай газету в сад.

Газеты Индии оставь, поэт,
Для туркестанских потрудись газет,

Стань ветру верным спутником в пути,
На крыльях дум в Маньчжурию лети,

В тот край, куда, теряя тратам счет,
Япония своих драконов шлет.

Их сотни тысяч. Ярые, они
В грудь русских мечут смертные огни.

Но русских войск отвага велика,
Искусны в битве русские войска.

И бой кипит. В крови холмы, поля,
Как зарево, багряна вся земля.

Гремит орудий огненная мощь,
Нещадно льется пуль свинцовый дождь.

Звеня, дробясь, сшибаются мечи,
Рассыпав искры алые в ночи.

Казачи мчатся. . . Самураям смерть!
Поверженные устилают твердь. . .

Да, это бой! С тех пор как мир живет,
Таких бойцов не видел небосвод!

С кем их сравнить? Какой найти пример?
Ни Цезарь, ни Фагфур, ни Искандер,

Хоть славу их боев хранят века,
Не бились так, как русские войска!

И если б жить пришлось им в эти дни
И русских битвы видели они,

Они сказали бы: «Ужасный бой!
Нет равных этой мощи боевой».

Я знаю, слышу голоса иных,
Не признающих правды слов моих.

Они, японцам вознося хвалу,
На войско русских рады лить хулу:

Что плох у русских воинский совет,
Что воинской у них науки нет,

Что русский стал, утратив дух былой,
Железом, заржавевшим под землей.

Ну что ж! Как говорит у нас народ:
«Собака лает — караван идет».

Читали мы и англичан статьи.
Описывая русские бои,

Они там о беспечности твердят.
А что ж тогда сказать про их солдат?

Знакомясь с англо-бурскою войной,
Ее какую оценить ценой?!

Меня корят, что мой несдержан пыл,
Что я Россию слишком расхвалил.

Нет, я не лгу, ее бойцов хваля,
Об их отваге знает вся земля.

Насколько ценен жемчуг иль сапфир,
Об этом лучше знает ювелир.

Кто географии учился, тот
Мои слова проверит и поймет,

Подумает о трудностях пути —
Легко ли до Маньчжурии дойти!

Припомнит, сколько тысяч шло в поход,
Какие реки проходили вброд,

Какие степи русские прошли,
Какое снаряженье пронесли

Под зноем, без воды, с ружьем в руках,
Со скаткою и ранцем на плечах...

Так разве не упорны, не сильны
Страна Россия и ее сыны?!

Нет, неспроста народы многих стран
Восхищены отвагой россиян.

Так повелось: огонь солому жжет.
Разумный сущность этих слов поймет.

Теперь, Фуркат, дай мыслям отдохнуть.
Придут известья — снова выйдешь в путь.

157. ПИСЬМО К МУКИМИ

К счастью, нынче в Коканде я жив и здоров,
Мне немало ниспослано добрых даров.

Вы Мулле-Ахмаджану писали на днях,
И в письме обо мне было несколько слов.

Сердцу в строчках прочитанных — тысяча благ.
Благодарный, на небо взнестись я готов!

Вы хотели узнать, что со мною теперь, —
Я вернулся из Сима под милый мне кров.

С Махдумханом уж месяц бок о бок живу,
Неразлучны мы с ним много дней, вечеров.

Мы ночами беседуем с ним до зари,
Только нынче я что-то не очень здоров.

Истомленный, я в сад иногда выхожу,
Заполняет мне душу напев соловьев.

...Иногда наезжаю и в Янги-Курган,
Только — нет, не люблю я кишлачных углов!

Не с кем слова сказать, изнуряет жара,
Для недугов моих этот воздух суров.

Там меня попрекали: «Здесь жил Муками,
Он не звал себя мужем высоких трудов!»

Я в ответ говорил: «Он разумен и добр,
Ну а я только с виду хорош и толков!»

Шутка шуткой, но в город вернулся я вновь, —
Не пускали, да дело прислало свой зов!

Все просили молитвы за вас вознести, —
В этом смысл обращаемых к вам моих слов.

Быть у светлого мужа наперсником тайн —
Слава богу, Фуркат, что удел твой таков!

158. ПИСЬМО ФУРКАТА К МУКИМИ

Мой поклон вам, о верные в дружбе друзья,
Светоч дум моих вы и опора моя!

Муками, Мухайир, Мухитдин и Завки,
Вы достойны и мудры, скажу не тая.

В цветнике красноречья ваш дивный напев
Совершенством ладов превзойдет соловья!

Что со мною? — вы спросите. Слава творцу,
Благодать посылают мне эти края.

Бодр я телом, исполнены радостью дни,
Мне даров без числа ниспослал судия!

Благодатна судьба моя, милостив рок,
А не всех ведь хранит он от мук бытия!

Рад я людям в Ташкенте: бедняк и богач —
Все расспросят, как жив и здоров, как семья.

Здесь я в Шейхантауре живу, в медресе,
Что ни вечер — с друзьями беседую я.

«Свод событий» читаем, сойдясь впятером, —
Многим мудрым мужам здесь приют для житья.

И к издателям здешних газет я хожу —
Каждый день или реже: то стих, то статья.

Кто расспросит у вас, Мукими, обо мне,
Им — смиренный поклон мой, молитва моя.

Напишите письмо мне с вестями о вас, —
Уповаю, надежду в душе затая.

Кратко слово мое — трудно время найти,
А порывам Фурката — не знать забытья!

159. УВАЖАЕМОМУ ГОСПОДИНУ НАЛИВКИНУ

Хотел застать вас Закирджан Фуркат —
Ушел ни с чем, досадою объят.

Не знаю я, где были вы тогда, —
Знать, по делам ходили вы тогда.

А приходил сегодня я в ваш дом,
Надеясь побеседовать вдвоем.

Извозчиков просил я вас сыскать.
«Езжай, — твердил я, — время зря не трать!»

Пошел на ветер пыл моих хлопот,
Пускай хоть мой поклон до вас дойдет.

А будем живы — сыщем час для встреч,
Надежду в сердце буду я беречь.

А кто писал — вам ведом слог и склад:
Поэт кокандский Закирджан Фуркат.

160. ПРОСЬБА К ВЕТРУ

Здесь, в саду, овеваемом благостью божьей,
Розы кротки и нежны, пышны и пригожи.

Этот сад благодатью людскою зовут,
Благодатной Хотанской землю зовут.

Но печалится сердце всесветною скорбью,
На чужбине полно беспросветною скорбью.

Здесь весельем лечить свой недуг я хотел,
Исцелить свое сердце от мук я хотел.

А увижу народ, как бутоны цветущий,
Сердце кровью зальется от муки гнетущей.

Как пройдет предо мною гуляющий люд,
Мне на память друзья мои тотчас придут. . .

Нету, кроме тебя, сердцу друга иного,
Внемлешь ты всем порывам сердечного зова.

Ты весь мир обвеваешь, стремительно-скор,
Выше молний взмываешь в небесный простор.

Ветер, ветер! Постой, задержись ради бога,
Полети-ка в Ташкент и побудь там немного!

А к моей луноликой примчишься во двор —
Берегись, коль красу ее встретит твой взор!

Погоди, задержись у нее на пороге,
А потом к ней прильни, поцелуй ее ноги.

Вздых печальный исторгни, — не надо речей,
Пусть кровавые слезы текут из очей!

Пусть твой вздох обовьет ее лаской-прохладой,
Сердцем к ней устремись и приветом порадуй.

И скажи ей: «Ты в странах красы — падишах,
Да продлит твою жизнь превеликий Аллах!

Нареченный Фуркатом страдалец несчастный
Вдалеке от тебя мучим скорбью всечасной.

Он — кокандец, дано ему имя Закир, —
В Руме он оказался, заброшен и сир.

Всем добра к нему жизнь, он доволен судьбою,
Но тоскует он тяжко в разлуке с тобою!

Суждено ему в муках все ночи рыдать,
Днем — еще безнадежней, жесточе рыдать!

Два витка твоих кос взял с собой он недаром:
Он оплел ими сердце, как будто зуннаром.

К небесам поднялся его огненный стон,
Клича имя твое, плачет горестно он!»

А потом, всё исполнив по этим заветам,
Мчись в другие дома и почти их приветом.

У благого Ишана-ходжи погости, —
Он мне — помощь в скитаньях, опора в пути.

И молитву пред ним вознеси со смиреньем,
И молитв у него испроси со смиреньем.

Загляни к Ходжахану ты, к муфтию, в дом
И за трапезой в полдень побудь с ним вдвоем.

Будь там вместо меня и обычай исполни,
Добрым гостем законы приличий исполни.

Ты скажи ему: «Муфтий, вы — светоч времен,
Ваша воля дарует вселенной закон!

В этом мире, вы знаете, вечности нету,
И в любви род людской изменяет обету.

Рок безмерно коварен, и злы времена,
Доброта человеку в удел не дана!

В мир приходят стихиям стихии на смену,
Сотням жизней приходят другие на смену. . .»

.. А едва завершишь ты беседу — и в путь, —
Друга, сердцу любезного, ты не забудь.

Все Махдумом зовут его Убайдуллою,
Ты почти его добрым приветом-хвалою.

Там еще есть друзья — Джамалхан, Хан-ходжа, —
Ты молитвой почти их, над ними кружа.

«Как досуги, в торговле доход?» — расспроси их,
Как им в шахматных играх везет, расспроси их.

А оттуда помчишься назад — задержись,
Там, где площадь, где солнца закат, задержись.

Дом узорный — красив и высок он — увидишь,
Словно жемчуг, сверкание окон, — увидишь.

Дом — с огромным айваном, хозяина тут
Все Махдумом-ходжою, ишаном зовут.

Мне и другом и добрым радетелем был он,
Даже больше того — благодетелем был он.

И обилен и щедр его дружеский пыл,
Он со мною сердечен и милостив был.

Донеси до него мое страстное слово,
Расскажи ему, как моя участь сурова,

Как томлюсь без тепла его добрых бесед,
Как нужны мне и дружба его и совет!

Есть навес там в соседстве с прудом-водоемом,
И кипит там вода в самоваре знакомом.

Ты присядь на супу, старика помани:
«Эй, отец, дай-ка чаю попить здесь в тени!»

И на зов твой откликнется, выйдя с подносом,
Старец, чинный и важный, с лицом плосконосым.

Поклонись, о здоровье его расспроси,
Жив-здоров ли, с любовью его расспроси.

... Всех ходжей ты и в Шейхантауре проведай,
Где ни сыщешь — почти их приветом-беседой.

Припади к ним с молитвою доброй своей,
А застанешь их в горе — все беды развей!

Рядом улица есть там, зовется Дарханом,
Там видался-встречался я с другом желанным.

Там любезный и преданный друг мой живет,
Он — как брат мне, Мирза, муж трудов и забот.

Без меня ему тяжки сердечные муки,
Молча терпит он горькую долю разлуки.

Ты скажи ему: «Помнит вас верный Фуркат,
Он всегда помянуть вас молитвою рад».

Доверяют мне многие доброю верой,
За любовь воздают мне немалою мерой.

Но недобрые люди — один или двое —
Злой навет написали ему с клеветой,

Очернили меня, темной злобой полны,
Только нету на мне ни греха, ни вины!

Изыми из души его прах этих скверен, —
И поныне ему я за соль его верен!

А потом к Юсуфбаю во двор залети
И пред ним за меня ты молитву прочти.

Добрый братом мне будет до Судного дня он,
В каждом деле — опора мне, друг и родня он.

... В Кокельташе ты Хаджи-Азама найди,
И к Ахмаду-ходже — он глава там — пойди.

И скажи ему: «О Арасту всей вселенной!
В узнаванье недугов ваш дар — несравненный!

Ваш питомец шлет вести из дальних сторон —
Закирджан из Коканда, он вами вспоен.

Благоденствует он, пребывая в Стамбуле,
Его участь и скорби и беды минули.

Рок ему порадел: он не знает обид,
Двери счастья открыты, путь горя забыт.

Благодатен ему воздух Румского края,
Любо жить ему там, благодать в сердце вбирая.

И к Халилу-мирзе устреми свой полет,
И вкуси сладких яств от хозяйских щедрот.

А потом ты пройдишь и цветочным базаром,
Есть узорная лавка там с пестрым товаром.

Там сидит благородный, красивый старик,
Муж, достойный почета и чести, — Сыддык.

Мы всегда с ним друг другу всем сердцем радели,
Он — живая душа в моем немощном теле.

Он всегда мне добром и почетом радел,
Всеим моим и трудам и заботам радел.

Если ж будет в тот миг он с Ходжа-Авлиёю,
Притаись и замри, и лети стороною.

Сотни тысяч молитв вознеси перед ним,
Сядь и молви: «Да будешь ты благом храним!»

А заварит он чай — благодарно отвéдай,
Услади свою душу достойной беседой.

Я хочу, чтоб мои воплотились мечты,
И пока будет в лавке он — будь с ним и ты.

... В час, когда вспыхнет вечер закатом багряным,
Переулочек найди, что зовут Сакчиманом.

В дом Абдулазизхана направив свой путь,
Ты всю ночь добрым гостем в том доме пробудь.

Там ты встретишься сможешь с мирзою Касымом —
Со скитальцем, чужими домами хранимым.

Фарзинхан иногда там проводит досуг,
Он мой добрый приятель и преданный друг.

Ты приветом по добрым законам почти их,
И святою молитвой с поклоном почти их.

А с мирзою Касымом беседу чиня,
В дар ему мухаммас передай от меня.

Он в Ташкенте еще говорил мне про это,
Да замешкался я с исполненьем обета.

Ты скажи ему: «Вот он и вспомнил обет
И из Рума прислал вам свой дар и привет!»

Полети в Сабахиль и с почтительным словом
Обратись к тем, кто промыслом занят торговым.

Мирмаксуда увидишь там, Хаджи-Вали,
И Якуба-ходжу вместе с Миром-Али,

Сарымсака, Хашима-мирзу, Гиясджана,
Арифджана найдешь ты там и Каримхана.

Ты им всем передай мой поклон и привет,
Пусть молитвой твоей будет каждый согрет.

А не люб им твой облик турецкий — ну что же:
Сбрось одежды, в которых ходить там негоже.

Черной ткани купи, голубого сукна,
Сколько нужно того и другого — сполна.

Забирай их, неси к Муслимханову дому,
Дай хозяину — редких умений портному.

И привычным покроем он сшить будет рад
Шаровары, рубаху, камзол и халат.

И скажи ему: «Ты на меня погляди-ка,
Со смиреньем тебе бьет челом горемыка!»

Бескорыстно и скромно, всем сердцем любя,
Муж достойной беседы, он примет тебя.

Раз в неделю к себе собирает гостей он, —
То — цветник, что благим ароматом оваян!

Соберутся друзья его верные там,
И всю ночь будет бденье примерное там.

Будешь позван ты в дом и Абдулазизханом, —
Есть обычай: позвали — к другим будешь званым.

Всех уважь, кто как гостя тебя позовет,
И ходи к ним в дома, соблюдая черед.

Что тебе я сказал — все те речи скажи им,
Слово с добрым приветом при встрече скажи им.

А пойдет у них пир, наш обычай храня, —
Пусть вспомянут они горемыку меня.

Как придешь — не спеши им напомнить об этом,
А смиренно прильни к их одеждам с приветом.

Коль дадут тебе письма — смотри, береги,
Ты в душе их и в сердце — внутри береги!

Пусть те письма опорю в горе мне будут,
Талисманом, хранящим от хвори, мне будут!

Буду ждать я в тоске, изнывая от слез,
Чтобы ты мне те письма скорее принес.

Вот тебе мое слово, о ветер! Не скрою:
Слово всё, ну а как совладать мне с тоскою?

161. ПИСЬМО ИЗ БОМБЕЯ

Привет вам, мудрые мужи! Друзья, мой вам почет!
Собратья, спутники, поклон вам всем наперечет.

О сладкогласные певцы, поэты и творцы,
Святые шейхи и ходжи, вы — дел благих оплот.

Ревнители священных строк, напевов знатоки,
И музыканты и певцы, кто песен лад ведет!

Сильны ль вы телом и душой, щадит ли вас нужда?
Мужи благие, добр ли к вам судьбы круговорот?

Коль будет милостив к нам бог, коль приведет
Мы повидаемся еще, желанный день придет! судьба,

Где б ни был я, всегда за вас молитвы возношу,
В саду мирском воздаст творец вам от своих щедрот.

Пусть зеленеет и цветет в мирском саду ваш век,
Пусть счастье жизни на ветвях побегами взойдет!

А если спросите меня, чем жив я и здоров,
Я обо всем тогда, друзья, готов вам дать отчет.

Уж третий месяц, как в Бомбей из Мекки прибыл я,
И, слава господу, здоров, не ведаю невзгод.

На заросли индийских роз наводит солнце лоск,
Никто в зеркале их сердец щербинки не найдет!

Нигде не видел града я такого, как Бомбей,
А повидал Каир, Стамбул и гладь болгарских вод.

Рядов торговых тут не счесть, в них тысячи лотков,
И на базарах бойкий торг товарами идет.

Красиво к небу вознеслись в шесть этажей дома,
Повсюду — зелень и сады невиданных красот.

В семидесяти двух частях кварталов городских
Там с мусульманами в ладу и прочий люд живет.

Я с любопытством каждый день по городу бродил,
А как дорогу отыскать — распрашивал народ.

И вот однажды я забрел в какой-то чудный сад,
Он благовонием Ирам, наверно, превзойдет!

«Прекрасным садом» прозван он и площадью велик,
Умельцами садовых дел был создан план-расчет.

Там зелень пышная вокруг, прохлада и вода,
В махровом цвете, без шипов там много роз растет.

Там в кипарисах горлиц стон и в розах соловьи,
Грудь истерзав, на сердце мне свой наложили гнет!

Повсюду ходят между роз красавицы в саду,
Как кипарис они стройны, уста их — словно мед,

Их глаз-нарциссов сторонясь, гуляющие там
Срывают розу-талисман, и сглаз их не берет!

В одеждах френгов девы там, красавиц — без числа:
Они, красуясь и томясь, там ходят взад-вперед.

В глубинах сада, в стороне, прекрасный есть дворец, —
Он весь из камня, и красив его узорный свод.

А там внутри — и грозный слон, и жалкий муравей,
От птиц невиданных до мух — все твари, всех пород!

Там изваяния людей различных стран земли,
Искусников умелый труд их создал — труд и пот!

Плоды, цветы из разных стран, деревьев образцы,
Услады, яства всех сортов — всё, что земля дает!

Властителей былых веков орудия войны —
Кинжалы, сабли и мечи, оружие войн-охот.

Там много снадобий-лекарств — вся мудрость древних
Смотрящий, надпись разобрав, название их прочтет. книг,

Здесь камни-самоцветы есть, осколки ценных руд
Из недр и копей всей земли — всех стран и всех широт!

Здесь рыба есть, ее длина — сто двадцать шесть шагов,
Я сам измерил: шел и вел шагам широким счет.

Про всё, что я там повидал, не стану говорить:
Начну подробный пересказ — он сто листов займет!

О вы, кто сердце мне согрел в скитаньях и в беде,
Вы человечны и добры, мужи благих забот!

Вам благодарен всей душой до смерти буду я,
Вы лаской облегчили мне души тяжелый гнет.

В тоске о вас я вам пошлю поклон мой и привет, —
Паломник в Мекку будет мой посол и доброхот!

А здесь звучит чужой напев, — ах, мне б услышать вновь,
Как в наших сборищах гиджак родной напев ведет!

Завел бы песню Фарзинхан напевом «Суvara»,
Прочел бы строки Физули — созвучья славных од!

Но из Бомбея в Индустан лежит твой путь, Фуркат, —
Кто ж за завесою судьбы сокрытое поймет!

162. ПИСЬМО ИЗ ЯРКЕНДА,
ОБРАЩЕННОЕ К ТАШБАЛТУ

Я у ветра просил, залетевшего в утренний сад:
«Мой поклон всем друзьям! Возвращайся с вестями
назад!»

Ветер мне отвечал: «О невольник чужбин и разлук,
Отрекись от друзей, если верность они не хранят!

Есть друзья у тебя, давней дружбе сердца их верны,
Не чета они тем, чья неверность не знает преград!»

И сказал я ему: «Ты мне подал хороший совет, —
Словно жемчуг вложил ты мне в уши, мой добрый
собрат!»

Много лет уж прошло, как я в городе этом живу, —
Ни друзья, ни родня писем мне присылать не спешат!

Потому-то и я перестал им посланья писать,
Но молюсь я за них по утрам, совершая обряд.

По отчизне томясь, на чужбине я горе влачу,
Нет спасения мне от напастей, обид и досад.

Вдруг письмо ты прислал — эти полные пыла стихи,
В них и думы твои, и мечты между строчек сквозят.

Лишь прочел я письмо — стал и светел и ясен мой взор,
Словно к темным очам чудодейственный прах был
прижат!

Мукими, Нисбати отошли в мир иной, говоришь, —
Не горюй, есть друзья, сколько б ни было в мире
утрат!

А Мухи и Завки в добром здравии? Слава творцу!
Пусть их силы небес от напастей и зла охранят!

С Мукими, с Нисбати неразлучен ты был, как и я,
Но — храни тебя рок ту же участь познать, милый брат!

Говорят, толмачом отбыл Эрмухаммад в город Сим, —
Да хранит его бог — пусть напасти его пощадят!

Всем, кто помнит меня, передай мой привет и поклон, —
Как хотелось бы мне, чтобы помнил меня стар и млад!

Про меня им скажи, что в Яркенде я мирно живу,
Слава богу, здоров, тихой благодати жизни я рад.

Как хотанская лань бесприютен, я в мире брожу,
Пряди мускусных кос шлют в мечтанье мне свой
аромат!

В пору весен, как сад, расцветают просторы степей,
Благовонием трав они сердце и душу живят.

Видно, в этих краях предначертано богом мне жить,
И неволи в том нет, — что ж судьбу осуждать невпопад!

Бог мне дал сыновей — Назимджан, Хакимджан
их зовут,
Нет мне жизни без них — черноглазых и славных ребят!

Людам чужд и смешон чужеземец, что с ними не схож, —
Мне ж от бед талисман — сыновей моих ласковый
взгляд.

Буду жив — возвращусь, талисман меня в бедах хранит,
Он мне помощь во всем, если беды мне горем грозят.

Как хотел бы я снова быть в милой, родной стороне!
Но с родней у меня получился тяжелый разлад.

О Шарифе-мирзе ты прислал мне хорошую весть,
В этих добрых вестях мне для сердца немало улад.

Мне он писем не шлет, и писать перестал уж давно,
Что ему за печаль — на чужбину заброшенный брат!

А его до сих пор я всегда поминаю хвалой —
От его доброты я вкусил и щедрот и наград.

Жив ли ныне хаджи по прозванию Асамиддин,
Чей безжалостный век омрачен был бедою стократ?

Поклонися ему ты от Халмухаммада-хаджи,
Он хотел разузнать, как друзья его дружбу хранят.

Говорят, он послал чудный гребень в подарок хаджи,
Ждет вестей он в ответ — и дурному гонцу был бы рад!

Мой поклон передай и Джанабу-хаджи и Карши,
Назиданьями их был когда-то я прежде богат.

Я по дружбе тебе, Ташбалту, дам хороший совет —
Если примешь его, обретешь ты немало отрад.

Если хочешь достичь совершенства в достойных делах,
Не кори тех, кто плох или в чем-либо был виноват.

Если ты не спесив, себялюбье забыл — хорошо:
Значит, чувства твои все следы совершенства таят.

Кто же помнит теперь Закирджана, кто спросит о нем?
Но молитвы за всех всем ветрам шлет вдогонку Фуркат!

ГАЗЕЛИ

163. ЦВЕТЕНЬЕ ВЕСНЫ

Если розам весной хорошо средь цветущего луга,
Если каждый в любви обретает любимого друга,

Если каждой весной снова плещут вино и веселье,
А казалось, навек погубили их стужа и вьюга,

Если тучи полны, если душу так радует зелень,
Близ арыков — луга и зеленое пиршество юга,

Если воздух пригож, и прозрачны журчащие воды,
И, бурля в ручейках, волны бьются о берег упруго,

Если хмель, как рубин, блещет искрами в золоте чаши,
Если кравчий в пиру — луноликая дева-подруга,

А у роз — соловьи, стайки горлиц — в ветвях кипариса
Дивный облик и стан вспоминают, томясь от недуга, —

Что нам райский цветник, да и нужен ли он человеку,
Если этой красой так богата земная округа?

Но в мирском цветнике как Фуркату быть столь же
счастливым,
Если дом его стал точно полная скорби лачуга?

164. ЕСЛИ НЕ БУДЕТ

Станет жизнь не красна, если воли весенней не будет,
Если в вешних раздольях тюльпанов цветенья не будет!

Ни вино, ни узорная чаша не станут во благо,
Если кравчий-красавец всех роз совершенней не будет.

Было б пиршество славным, а все винолюбые —
речисты, —
Не беда, что чужих средь хмельных этих бдений
не будет!

Как чудесно в мирском цветнике распускается зелень,
Если тления ей в непогоде осенней не будет!

Как спознаться с живящею влагой и вечною жизнью,
Коль Мессии дыханья и Хызра свершений не будет?

Да рассыплется в прах тело, чуждое пламени страсти!
Не нужна голова, коль любви в ней — и тени не будет!

Каждый год по весне жгут вот эти желанья Фурката, —
Разве тот — человек, в ком таких устремлений не будет?

165. НЕ СРАЗУ, НЕ СРАЗУ

Ты мне стала навеки мила, но не сразу, не сразу.
Ты в душе моей страсть родила, но не сразу, не сразу.

Ты в посланье дала мне понять: «Пусть горячим
и чистым
Поцелуям не будет числа, но не сразу, не сразу.

Быстрота не поможет достигнуть пленительной цели,
Человек завершает дела, но не сразу, не сразу».

Как мне выдержать? Пламя мое всё сильней и сильнее.
Ты покой у меня отняла, но не сразу, не сразу.

Ждал я встречи напрасно, себя утешая напрасно,
Что разлуки рассеется мгла, но не сразу, не сразу.

Успокой меня, весть о себе мне пришли, дорогая,
Чтоб забвенье она принесла, но не сразу, не сразу.

Но могу ли спокойным я быть без тебя, без любимой?
Дни чернеют мои, как смола, но не сразу, не сразу.

Обольщая глазами, в меня ты метнула ресницы, —
За стрелюю пронзает стрела, но не сразу, не сразу.

Если пламя Фурката свиданья вином не зальешь ты,
Я погибну, сожженный дотла, но не сразу, не сразу.

166. НА ЛИКЕ РУМЯНОМ

То ль испарина хмеля на лике румяном,
То ль на розе роса рдеет блеском багряным?

Это — бровь или меч, почерневший от крови,
Иль небесная синь в этом цвете сурмяном?

Это кудри ли вьются, твой лик обвивая,
Иль драконы красу полонили обманом?

А откроешь лицо — соловьи изнывают,
Млеют горлицы, словно объаты дурманом!

Прах с пути твоего люди жадно хватают,
Будто золото — нищие в рубище рваном!

Колдовские нарциссы-глаза сеют смуту,
Сабли-брови спешат на подмогу смутьянам.

О кокетка, оставь искушенье лукавством, —
Ведь под ним, как под ношей, сгибаются станом!

От очей и бровей твоих — гибель Фуркату, —
Месяц всходит над звездами, смуты даря нам!

167. УВИДАВ ТВОЙ ЛИК

Увидав твой дивный лик в солнечных лучах рассвета,
Ночь, окрасив небо в кровь, в гневе притаилась где-то.

А когда ты в сад вошла, от лица отняв завесу,
Розы сникли, устыдясь, — стала осень, а не лето!

Где уста, где тонкий стан? Разглядеть их все
старались, —
Как ни тщились — не нашли: где ж хотя бы их примета?

И самшит, и кипарис пред твоей чудесной статью
Ниц склонились головой в знак почтения и привета!

За тебя я жизнь отдам, лишь бы ты не знала горя,
Лишь бы вечно ты жила, светлой радостью согрета!

На того ж, кто не ценил счастья быть с тобою вместе,
Пусть падет ярмо разлук без исхода, без просвета!

Ты ж величье обрети, стань в прекрасном совершенна,
Будь прямою, как алиф, — да навек пребудет это!

Зерна родинок твоих — как приманка попугаям, —
Ими в сладостных садах о тебе ведь песнь пропета!

Мне б любимую найти — я ее, как душу в теле,
Затаил бы и берёг больше всех сокровищ света!

Плох тебе, негод Фуркат среди всех других —
хороших, —
Ни хорошим, ни плохим не кори его за это!

168. В САДУ

Вышла пери моя, расплела пряди кос в саду,
И поник гиацинт от завистливых слез в саду!

Перед ликом ее меркнет цвет тюльпанов в полях,
От пушинок — рейхан посрамленье понес в саду.

Все обеты свои превратила пери в обман,
Выдав тернии тьмы за цветение роз в саду.

Стан и облик ее — кипарисов краше и роз, —
Замолчи, соловей, время ль стонов и грез в саду!

А такая краса — разве лишь султанам сродни,
Столь прекрасный цветок ведь вовеки не рос в саду!

Кипарис возомнил, будто стану ее чета, —
Посрамленье ему! Стертым деньгам — не спрос в саду!

А ее красота — как цветок в заревой росе:
Словно чаша, тюльпан полон влагою рос в саду!

И когда соловей, рыдая, над розой поет,
Как влюбленному быть, как разлуку б он снес в саду?

И когда твоя песнь дивным ладом звучит, Фуркат,
Пусть тебе соловей подпоет среди лоз в саду!

169. ТВОЙ ЛИК ПРИМЕТИВ

Лишь приметив твой лик, стана легкого вид,
Стала пленницей роза, смирился самшит.

Твои косы и мускус китайский затмят,
Взор твой ланей хотанских навек посрамит!

А даримый лицом твоим свет красоты
Ни жасмину, ни розе вовек не открыт.

А уста твои вспомню — и в горле комок,
И, объятый печалью, я плачу навзрыд.

Как прекрасна была, чаровница, та ночь, —
Был с тобой я, от мира завесой сокрыт!

Никогда не видал я подобной красоты, —
Видит бог, нет в Коканде подобных ланит!

Твои косы повергли в безумье меня, —
Как мне в отчем краю претерпеть этот стыд?

Равных зубкам твоим перлов нет и в морях,
А уста — лал в Йемене такой не добыт!

Я рыдаю от горя, сраженный тоской,
А тебя лишь услада забав веселит!

Будто вихрь, я, Фуркат, по вселенной несусь
И скитаюсь, хотанских степей следопыт!

170. ЖИЗНЬ ПЕЧАЛЬ И ОГОРЧЕНИЯ МНЕ ПРИНОСИТ

Мне печаль и огорчения жизнь приносит каждый миг,
Избавленья от страданий сердце просит каждый миг.

Что же делать, если гонит и меня жестокий век,
И судьба одни тревоги мне пророчит каждый миг?

Я сижу в корчме печали, виночерпий всех разлук
Чашу горечи и скорби мне подносит каждый миг.

Что же делать, если светлый день в глазах моих потух?
От меня покой и счастье вдаль уносит каждый миг.

Краски мира потускнели, так гнетет меня печаль,
Что истерзанное сердце слезы точит каждый миг.

Вдруг обида из засады дерзкий совершит налет
И отравленные стрелы в сердце бросит каждый миг.

Как же горькую разлуку сердце вынесет, Фуркат?
Ведь судьба песком забвенья нас заносит каждый миг.

171. Я В ПРАХ СОЖЖЕН

Той жестокой я в прах сожжен, изнемог у ее дверей, —
И не взглянет, кто жизнь сложил на порог у ее дверей!

Камнесердой меня не жаль, — пожалев, узнала б хоть
раз,
Кто кровавые слезы льет, одинок, у ее дверей!

Видно, жертву сердечных мук любо ей от порога гнать, —
Тайн господских рабам не знать: ждет замок у ее
дверей!

Людам ночью покоя нет — будит их громкий лай собак,
А от стонов моих и псы сбились с ног у ее дверей!

Нет, вовеки мне не узнать, где таятся рубины уст, —
Мне соперник — хранитель тайн — путь пресек у ее
дверей!

Как индусы, очи ее: к лютой казни точат кинжал,
Всем заслон и преграда — страж, зол и строг, у ее
дверей!

Даже в прах меня, в пыль попать у нее милосердья
нет,
Хоть кровавою мукой слёз взор истек у ее дверей.

Что там розы и гиацинт! Слаще их мне ее шипы,
Лучше всех благовоний мне и листок у ее дверей!

Любо ей с соперником злым тешить сердце негой забав,
А измучившийся Фуркат, плача, лег у ее дверей!

172. НЕ НАВЕСТИЛА

Я красавицу напрасно ожидаю в этот вечер,
Нет и нет ее, свечкою я сгораю в этот вечер.

Ох, ни разу не явилась навестить она больного,
Нет красавицы, и в муке изнываю в этот вечер.

Пьет вино с другим повсюду — и, несчастный, я ревную,
Кровь и желчь попеременно я глотаю в этот вечер.

О друзья, зачем смеетесь надо мной, в беду попавшим?
Плачу горькими слезами и стенаю в этот вечер.

Мчусь по многим я пустыням, словно вихрь,
В скорби слезы лью, вздыхаю и рыдаю в этот вечер.
без передышки,

Словно звуки флейты, стон мой слышен на девятом
И в тростник мои суставы превратились в этот вечер.
небе,

Одного Фуркат желает — встречи как-нибудь добиться.
Он страдает от разлуки, он растерян в этот вечер.

173. СМИЛУЙСЯ!

Багряный тюльпан в степи — то тень твоего чела
Иль это в степях судьбы — кровавая пиала?

Хвалитель назвал твой стан подобьем райских дерев, —
Ведь он кипарис сравнил с гнилой корягой ствола!

Хоть ты красотой — луна, увы, к тебе не дошли
Те стоны, что в муках слёз разлука к небу взвила!

От горестей умер я, томясь в тоске по тебе,
А ты и этот недуг притворством моим сочла!

О память давних времен! Как счастлив с тобой я был!
Я дней разлуки не знал, не ведал такого зла!

И розам в садах дано твое превосходство знать:
Поникли они к земле, едва лишь ты в сад вошла.

Молва о твоих устах проникла и в медресе, —
Из каждой кельи неслась вослед тебе похвала!

О, смилуйся надо мной, нет сил разлуку терпеть,
И в сердце боль о тебе, и скорбь моя тяжела!

Истерзанный, изнемог в разлуке с тобой Фуркат, —
О, если б милость твоя ко мне снизойти могла!

174. НОЧЬЮ

Блеском чудного виденья дева мне предстала ночью:
Томно шла, играя взором, вскинув брови-жала, ночью.

Разлучился я с рассудком — ни крупички не осталось.
Знахарь был, шептал заклятья — только хуже стало
ночью!

А придет моя красotka — как ее узреть, о небо?
Смилуйся, зажги все звезды, чтоб светили ало ночью!

Раз она, мой пыл увидев, скинула с лица завесу,
Я красе ее дивился, ясной, как зеркало ночью!

О, верните жизнь мне в душу! Изошел я кровью сердца, —
Ведь со мной души услада гостей пировала ночью!

Всем негодницам бесстыдным быть неверными привычно:
Казнь готова, люто точат острие кинжала ночью!

Ждет Фуркат, в слезах кровавых распростертый ниц
во мраке, —
Где же та, что с лунным ликом светом воссияла ночью?

175. Я ВО СНЕ УВИДЕЛ ПЕРИ

Я во сне увидел пери — мне б любимую такую!
Стрелы страсти грудь мне ранят, я стенаю и тоскую.

Дивный облик этой розы — райским гуриям на зависть,
На щеках ее две мушки — как приманка поцелую!

Только лик ее увидел — был сражен я страстью лютой,
День и ночь я жду, нет силы, только зря, напрасно
жду я!

Не увижу лик прекрасный — распрощусь с душой
и сердцем,
Взор смежу — и мне виденье: мчится всадница, ликуя.

О друзья, любовным жаром сожжены душа и сердце, —
Слез моих не осуждайте, ведь не плакать не могу я!

С той поры, как обнесен я чашею, что дарит кравчий,
И любимую, и кров свой я сменял на хмарь хмельную!

Зулейху корить не надо, если жар любви жесток в ней, —
Есть, Фуркат, мечта о счастье, с упованьем жду весну я!

176. ТЫ НЕ ЗНАЛА

Ты, казалось, и не знала о любви моей в ту ночь —
Как, почти без чувств, страдал я каждый миг сильней
в ту ночь.

А когда друзья спросили о мучениях моих,
Не сказала ль ты: «По мне он сохнет много дней!» —
в ту ночь.

Стон мой к небесам взвивался, до рассвета я рыдал:
Был с тобой вдвоем соперник — враг мой и злодей —
в ту ночь.

Долго я пылал в разлуке, и пришел лихой исход:
Плоть моя, сгорев, взлетела сонмом искр-огней
в ту ночь!

Я на пиршестве, о други, так поник и захмелел,
Будто пил из уст любимой сок всех вин хмельней
в ту ночь.

Я свечой сгорал и таял, страсть к тебе меня сожгла,
Словно мотылек, сгорел я от красоты твоей в ту ночь.

Ты взглянула, улыбнувшись только краешками губ,
И Фурката попрекнула: «Можно ль быть пьяней!» —
в ту ночь.

177. ГДЕ Ж ТВОЯ ЛУНА?

Где ж твоя луна, о сердце, стонешь ты жестоко ночью,
Кровь вот-вот зальет мне очи струями потока ночью!

Дай хмельную чашу, кравчий, — я рабом послушным
стану,
Наступает время пиршеств с девой черноокой ночью!

Нет конца и края горю, боль измен меня терзает, —
Ах, к чему печаль разлуки и слова упрека ночью!

В час, когда я, мучим жаждой, о твоих губах мечтаю,
Что́ устам вода живая, — даже в ней нет прока ночью!

Если всем моя красotka дарит взгляд, играя бровью,
Разве на меня не взглянет, хоть бы краем ока, ночью?

В час, когда, томя лукавством, лунолика я выходит,
Диво ль, что душа навстречу выйдет к ней до срока
ночью!

А когда прийти захочешь — от соперников укройся,
Милость не дари открыто — скрой ее глубоко ночью!

Сколько дней лежу во прахе я у твоего порога!
Сжался! Милости молю я — хоть чуть-чуть, намека —
ночью!

Ночь измен горька Фуркату — он, рыдая, ждет
свиданья, —
Кто ж меня спасет от муки гибнуть одиноко ночью!

178. ЛЮБИМАЯ

Любимая, как мука тяжела!
Ты ласковой со мною не была.

О мой бутон, о жалости молю,
Хочу, чтоб ты улыбкой обожгла!

Любимой зубки краше жемчугов,
И алость губ рубины превзошла.

Едва увидел я твое лицо,
Ты мой покой душевный унесла.

На каждой сходке красоте твоей
Из уст моих возносится хвала.

Ища тебя, я каландаром стал,
Его одежда стан мой облекла.

Краса зубов твоих в шкатулке рта
Жемчужиной в агате расцвела.

В безумия пустыне жил Меджнун,
О, если б скорбь моя к нему ушла!

Довольно стонов, ведь тебя, Фуркат,
Любимая достойным назвала.

179. ЗАБРЕЛ Я В ПОГРЕБОК

Друзья, забрел я в погребок — дай, мол, печаль
И повстречался вдруг мой взор с красою луноликою,
размыкаю,

И сник я, а она, узрев мою страду похмельную,
Дала мне чашу, сжалась вдруг над бедным горемыкою.

Зачем меня стыдить, друзья, что не со всеми дружен я?
Да разве можно боль души делить с недоброй кликою!

Каких, друзья, зловедный рок не насылал мне горестей!
Смотрите, как я посрамлен молвою стоязыкою!

Два завитка ее кудрей лишь вспомню я — и мнится мне,
Драконы оплели мой дом, где я кручину мыкаю.

Твой хмель, о кравчий, — гибель мне, но за тебя я
И смерть приму, коль одаришь ты чашей превеликою,
с радостью

В огнемолельне чудных чар Фуркат сгорит, и диво ли?
Как не обжечься мотыльку о свечку солнцеликую!

180. ДОКОЛЕ?

Лунолика! Ждать мне свиданья доколе?
В ночь измен возносить мне стенанья доколе?

Вспомнив стан-кипарис, горько горлицей плакать,
Сердце мучить огнем испытанья доколе?

Муча жаром разлуки, терзать меня будешь,
О жестокая, жду я признанья, — доколе?

Мне, несчастному, будешь закрытым бутоном,
А сопернику розою ранней — доколе?

И пока ты с соперником тешишься хмелем,
Кровь глотать мне за дверью в терзанье доколе?

Ты безжалостна, сердце твое — словно камень, —
Жить, не ждать от тебя состраданья, доколе?

И в разлуке с тобой долго ль плакать Фуркату,
И сносить тяжесть мук и рыданья доколе?

181. НА ТВОЕМ ПУТИ

Поутру стою несмело на твоём пути.
Всё пред взором потемнело на твоём пути!

Достигают небосвода ропот мой и вздох,
А тебе до них нет дела на твоём пути.

Смерти ты моей желаешь? Что же, убивай,
Чтобы кровь моя зардела на твоём пути.

На коне с весельем скачешь, а моя душа
Под копытом онемела на твоём пути.

Камни клеветы встречаю грудью, как Меджнун,
Нет моей тоске предела на твоём пути.

О, приди же, как к Юсуфу Зулейха пришла, —
Горе мною овладело на твоём пути!

Если я, Фуркат, погибну от любви к тебе,
Ты мое увидишь тело на твоём пути.

182. ВО ПРАХЕ

Влачась в кромешной тьме разлук, доколь рыдать
во прахе буду?
Я слезы лью, и ночь вокруг, — доколь рыдать во прахе
буду?

Кто ни увидит скорбь мою — кровавых слез сдержать
не в силах,
Тебе ж проведать недосуг... Доколь рыдать во прахе
буду?

Как пес твой верный, я томлюсь в пыли у твоего
порога, —
И день и ночь тая испуг, доколь рыдать во прахе буду?

Когда не вижу я тебя, терпя жестокий гнет разлуки,
Не слишком ли тяжел мой выюк, — доколь рыдать
во прахе буду?

По завиткам твоих кудрей в изнеможенье я тоскую, —
Как их, меня скрутил недуг, — доколь рыдать во прахе
буду?

О пери! Сжался надо мной, взгляни, как тяжко
я измучен:
Ты слышишь горький сердца стук, — доколь рыдать
во прахе буду?

Ах, долго ль память мне терзать, в мечтах о пережитом
счастье
Свечою загораясь вдруг, — доколь рыдать во прахе буду?

Ты видела мою печаль, а состраданьем не согрела, —
Нет, не слезами — кровью мук доколь рыдать во прахе
буду?

Фуркат — твой верный раб. Приди, свиданья миг — тебе
не в тягость!
Как безысходен гнет разлук, — доколь рыдать
во прахе буду?

183. ХОТЬ НЕМНОГО

О лукавая, глянь, улыбнись хоть слегка, хоть немного, —
Ты ведь шах красоты, — пожалей бедняка хоть немного!

Нет, не верь злым соперникам, их многословным
признаньям, —
Разве скажется словом любовь и тоска хоть немного?

Сколько ты меня мучила, сколько послала страданий!
А теперь — пожалей, будь верна и чутка хоть немного.

О, как светел тот день был, когда ты взглянула
с улыбкой!
Всё прощу я — иль жалко тебе и кивка хоть немного!

Мне и малая милость, и краткая радость — во благо, —
Рад и счастлив бедняк, коль судьба не горька хоть
немного!

Ты до тягостной хвори меня истомила презреньем, —
Я умру, коль обидишь еще свысока хоть немного!

Кто тебя научил так жестоко терзать меня мукой?
О коварная, будь милосердна — пока хоть немного!

Как ни тщился найти — не нашел я дороги
к блаженству, —
О, была бы, как друг, ты добра и мягка хоть немного!

Ты устами-рубинами губишь всечасно Фурката, —
О, вкусить бы мне жизни от их родника хоть немного!

184. БОГ ЛЮБИМУЮ ПОСЛАЛ МНЕ

Бог любимую послал мне, — молода, моложе всех,
Хороша, изящна станом, только взбалмошная — грех!

Сколько лет в приюте скорби одиноко я страдал,
А теперь под кровом сердца есть подруга для утех!

Я храню все тайны страсти, только изредка сболтну,
Но по молодости выдать может их она на смех!

Лунный лик ее прекрасный так блестит во тьме кудрей,
Что летучей мышью станет птица сердца, впад во грех!

Я рыдаю и стенаю, вместо слез струится кровь, —
Видно, каменному сердцу нет в жестокости помех!

Рок меня, вконец измучив, в горемыку превратил, —
Мне бы друга для совета, да и в этом — неуспех!

185. МОЯ ПЕРИ

Моя пери откинет с лица покрывало —
Отразить ее прелесть бессильны зеркала!

А устам ее горько завидуют розы, —
Наливаются кровью бутоны их ало!

Луки-брови ее мечут стрелы-ресницы,
И вонзаются в душу мне острые жала!

А когда она ночью с другим веселилась,
Безысходная мука меня истерзала.

Даже смерть, устыдившись, меня пощадила б,
Если только взглянула бы, что со мной стало!

До зари исторгал я рыданья и стоны
В ночь, когда она там на танбуре играла!

И, проплакав всю ночь в жарких муках измены,
Истомленный Фуркат пал на землю устало!

186. ЗА ЧТО?

Красавица, за что ко мне ты зла,
За что изменой жжешь меня дотла?

Соперникам — почтенье и привет,
Мне ж, горемыке, — гневная хула!

Грущу я по тебе, нет сна в очах,
Как будто скручен я петлей узла!

Вина мне, кравчий! В мире не видал
От рока ничего я, кроме зла!

Ханжу вином от ханжества лечи,
Когда сует он нос в твои дела.

Мне пред людьми твои измены — срам,
Печаль дотла всю душу мне сожгла!

В твоих кудрях бессчетны завитки,
В их кольцах жертвам нету и числа!

О, снизойди, красавица, к рабу,
Ужель нет и следа в тебе тепла?

Смотри, Фуркат умрет, а в Судный день
Глядь — у него в руках твоя пола!

187. ВЫШЛА С УЛЫБКОЙ

Розоликая с улыбкой вышла к розам в сад цветущий —
И поникли молча розы, смолкли соловьи меж кущей.

И когда самшит несмело пожелал ее увидеть,
Растоптал его жестоко конь, наездницу несущий!

...Диво ли, что пал я жертвой, молодой увидев месяц?
Виден был мне призрак брови, новолунием встающий!

Ветер утра! Кудри милой не расчесывай к свиданью, —
Ведь меня развеет ветер, сердце мне на части рвущий!

Черные глаза-нарциссы разукрасила сурьюмою,
А меня совсем сгубила родинкой, к себе влекущей!

Я, в степи любви скитаюсь, брэнной долею утешусь:
Вечно благостен Фуркату призрак счастья, вдаль
звующий!

188. В СМЯТЕНЬЕ ВВЕРГНУТ Я

Ах, вверг меня в смятенье бег времен,
Десницей мук я весь окровавлен!

Красавица распустит пряди кос, —
И птице сердца — сеть со всех сторон!

И, словно мало мне огня измен,
Огнем мучений я еще спален!

Явила ты подобный розе лик —
Влюбленный соловей исторгнул стон!

Увидел я рубины уст твоих —
Вся грудь зардела кровью, как бутон!

Безумье ветер в сердце мне вдохнул,
Едва развеял кудри милой он!

Измучен равнодушием Фуркат, —
Наукой мук теперь он умудрен!

189. ИЩУ ЛЕКАРСТВА ОТ СКОРБЕЙ

Ищу лекарства от скорбей, но не могу нигде найти.
Увы! Бесценный жизни цвет бесплодно может отцвести!

Как часто к шейхам я входил, в смиренье у порога ждал:
Быть может, кто-нибудь из них ко мне захочет снизойти!

Как часто я плутал во тьме и тщетно звал проводника,
Чтоб за руку меня он взял, прямые указал пути.

Как часто у святых в ногах лежал, припав лицом
Пыль из-под ног их собирал и, как бальзам, сжимал
к земле,
в горсти!

К аскету я взывал в слезах, но палку поднимал аскет
И гнал меня из кельи прочь, с пути хотел меня свести!

Как часто я чужих людей за самых близких принимал,
И тайны сердца моего от них я не сумел спасти.

Теперь я думаю: «В степях я буду жить, среди
У современников моих, должно быть, верность
зверей, —
не в чести!»

Советчик, зря даешь совет! Кого избавишь от беды?
Кто любит, этим же путем пойдет, чтоб горе обрести.

Но есть ли в мире человек в таком отчаянье, как я,
Кто б никогда не находил успокоенья в бытии?!

Что делать, если сотни мук на части сердце
И друга я не отыскал, с кем душу можно отвести?!
рассекли

И я услышал: «Встань, Фуркат... Ты должен в долгий
путь идти!»

190. УВИДЕЛ Я ПЕРИ

Ах, увидел я пери, чудо — брови и очи,
Лил я кровь, а не слезы, что ни миг — всё жесточе!

Лишь покажется взору — нет ни сил, ни терпенья,
Перст прикусит зубами — пыл сдержать нету мочи!

И когда я жестоко от разлуки стенаю,
В лад со мной птицы стонут до рассвета все ночи!

Ищешь, ждешь — всё напрасно, а случайно увидишь —
В нетерпенье уходит: говори, мол, короче!

Ах, побыть бы с ней рядом, с ней вдвоем прогуляться,
На пружинной коляске мчаться вскачь что есть мочи!

Дивный лик ее — светоч, он влюбленных сжигает:
Мотылек рвется к свечке — и на гибель наскочит!

Ах, Фуркат, в путах страсти ты — как пойманный
Так и жизнь пролетает, лишь страдания проча! пленник,

191. ОТНИМАЮЩАЯ РАЗУМ

Глаза окрашены сурьмой, а руки — красные от хны,
Лицо румянами горит, а брови — от усмы черны.

А платье — словно сам шафран, поверх него камзол
Чело охвачено платком — тугою вязью пелены. багров,

Все пальцы — в кольцах золотых, сверкают нежной
В браслетах руки, на устах — пылинки серебра видны. красотой,

Сверкающие звенья бус, литых сережек серебро —
То брезжит среди тьмы кудрей заря рассветной белизны!

Погибельно кокетство глаз, а поступь — диво красоты,
Повадки и лукавый вид игривой прелести полны.

Блеснет та пери красотой — и ум и разум вмиг уйдут, —
Не знали ведь такой красоты вовек Адамовы сыны!

Нет, не спасись мне ни за что от этой роковой беды:
Ресницы-стрелы целят в грудь, и луки-брови взведены!

От страсти к этой пери я то жизнь теряю, то живу,
То — мир меж нами, то — гроза гремит предвестием
войны!

От злой насмешницы Фуркат каких невзгод не претерпел!
Где ж были мусульмане так неверными притеснены?

192. ТВОЙ ОБРАЗ

Стал людям, дерзкая шалунья, бедой всечасной образ
твой!

Немеет разум, чуть завизжу вдали прекрасный образ твой.

Едва взгляну — покинут силы, и нет покоя мне нигде, —
Как мог писать гяур-художник рукой бесстрастной
образ твой?

Наверно, сызнова явилась среди живущих Гуландам:
Меня в безумье, как Бахрама, поверг всевластный
образ твой!

Когда хотел писец предвечный сравнить с алифом
стройный стан,
Тебя избрал он, одаря красой опасной образ твой!

Вовек китайским живописцам твой дивный лик
не написать.
Как отразить в зеркале русском живой и страстный
образ твой?

Когда б с такою красотою ты в храм неверных забрела,
Да разве там кресты не сверг бы красою властной
образ твой?

Одним дыханьем уст-рубинов ты можешь в мертвых
жизнь вдохнуть, —
Ведь чудным ликом схож с Мессией, как светоч ясный,
образ твой!

И день и ночь луна и солнце твоей сияли красотой,
Но отразить они мечтали в тщете напрасной образ твой!

Едва припомнятся Фуркату твои глаза, клинки бровей,
Душе его грозит набегом, войной ужасной образ твой!

193. Я ПОКИНУТ

Чаровница! Всю боль разлук ты мне в долю дала жестоко,
Сердце жарким огнем измен ты сжигаешь дотла жестоко!

Всех, кто видел твой стройный стан, тот, что райским
девам на зависть,
Стоном горлиц навзрыд стенать ты навек обречла
жестоко!

А страдающих, как и я, обожженных пыланьем страсти,
Осудила ты в муках жить, изнывая от зла жестоко!

...А когда лепестками губ, словно роза, ты улыбнулась,
Сердце мне в кровавый бутон превратить ты смогла
жестоко!

Ты ушла, шахиня моя, вся в величье державной власти,
И покинут Фуркат — твой раб, боль его обожгла жестоко!

194. ОЧИ ТВОИ

Кровожадным терзаньем мучат нечестиво очи твои,
Так и смотрят, где мусульмане — им пожива, очи твои!

Сонм сердец, как будто арканом, ловят кольца твоих
Точат жала бровей-кинжалов горделиво очи твои.
кудрей,

«Уходи!» — угрожая гневно, гонят прочь острия бровей,
«Приходи!» — посылают нежно знак призыва очи твои.

Не подумай, что захмелевший стал мертвецки пьян
Ты взглянула — и он увидел, что за диво — очи твои!
от вина, —

Рвет на мне одежды смиренья длань твоей жестокой
И срамят меня перед всеми зло и лживо очи твои.
красы,

Если лик твой поверг в смущенье гладь жемчужную
Почему же не шлют нарциссам клич зазыва очи твои?
белых роз,

Почему бесприютным ланям суждено в пустынях
Взор их томный красой затмили прихотливо очи твои!
бродить?

Погубили, словив Фурката, и повергли его в недуг
Стан твой, родинки, чудный облик и два дива —
очи твои!

195. ЗАХМЕЛЕВ

Захмелев, косясь лукаво, меч вострят твои глаза,
Сотни жертв убьешь, едва лишь кинут взгляд
твои глаза.

Войско родинок набегом разоряет весь Хабащ,
В черных странах сеют смуту и разлад твои глаза.

Только глянешь — даже камню сил не хватит устоять,
Зеркало в отливы ртути превратят твои глаза.

Видно, гибель в мир вступила сквозь окружающа
твоих, —
Не пролили бы кровавый водопад твои глаза!

Все сокровища земные в кровь и небыль обратят,
И не глянут — в прах повергнут всё подряд твои глаза!

Лик твой, как луна, сверкает, а бровям — и Марс
сродни, —
Всех созвездий свет на небе вмиг затмят твои глаза!

Если гнев Шахимардана был от века чужд тебе,
Что ж вострят бровей кинжалы, как булат, твои глаза?

Благовонными кудрями мускус Чина ты срамишь,
Даже лань в степях Хотана посрамят твои глаза!

Розоцветной влаги винной отхлебни хотя бы раз, —
С захмелевшего Фурката сгонят чад твои глаза!

196. ТВОИ ГЛАЗА

Силу тайных чар явили, милая, твои глаза!
Колдовали не они ли, милая, твои глаза?

Устоять ли, если, вскинув луки черные бровей,
В сердце стрелы устремили, милая, твои глаза?

Если губ твоих рубины животворны для сердец,
Всё равно ведут к могиле, милая, твои глаза!

Ты сурьмой пренебрегаешь, ведь достоинство ее
Обратили в горстку пыли, милая, твои глаза!

Из причуд, из небреженья, всем разумникам на страх,
Меч и копыя сотворили, милая, твои глаза!

Как не быть в смятенье миру, если бурю всякий раз
Пробуждают без усилий, милая, твои глаза!

Как мне посохом не делать тени легкие ресниц,
Если сил меня лишили, милая, твои глаза!

Кудри мускус устыдили, и хотанскую газель
Тотчас в бегство обратили, милая, твои глаза!

Буря в сердце у Фурката! Но в сияние звезды
Молний блеск преобразили, милая, твои глаза!

197. НЕ ВИЖУ

Лик твой, кудри я не вижу, о любимая, — невмочь мне,
Суждено в разлуке с ними жить в рыданиях день
и ночь мне.

От тоски томлюсь ночами, зерна родинок мне снятся, —
Если горьки зерна яда, я не знаю, чем помочь мне!

Я бы жертвой пал во прахе перед вестником, который,
Про меня тебе поведав, делом пособить непрочь мне.

Распростерт я хворым телом при последнем издыханье, —
Сколько ж мне терпеть разлуку, как же немощь
превозмочь мне?

Как ушла ты в путь-дорогу, вслед тебе гляжу с тоскою, —
Ты ушла, отняв покой мой, дух изъяв из тела прочь мне!

Не вино в моем фиале — кровь тягучей влагой льется
В миг, когда рубины-губы вдруг представлятся
точь-в-точь мне!

Ах, зачем не соловей я? Ладом горлицы взрыдать бы!
Без тебя Фуркат томится, песен петь уже не смочь мне!

198. МЕНЯ

Ты изменишь — мука в горле душит в тот же час меня, —
О пленительная, сжался, пожалей хоть раз меня!

А бутоны уст не вижу — сердце рдеет кровью роз,
Как шипы — твои ресницы, уязвят тотчас меня.

Хоть не верит злая пери помраченью моему,
Дети бьют меня камнями, — рок от них не спас меня!

Псам возлюбленной швырните мой окровавленный
труп —
Будто хной окрасив когти, растерзают враз меня!

Как от страсти к той жестокой вóрот мне не разорвать?
Бездна мук за полы тянет, чтоб я в ней увяз, меня!

Я умру — хоть на могиле пусть признается она,
Что сразили насмерть стрелы из ее же глаз меня!

Не моргнет она и оком ради сердца моего, —
О Фуркат, в очах и в сердце мучит боль сейчас меня!

199. ЛУНОЛИКАЯ

Лунолика, ты губишь равнодушием суровым,
А дано устам-рубинам воскрешать единым словом!

Ты не слушаешь, как плачу, как кричу я в ночь
разлуки, —
Можно ль быть, Аллах, столь долго безучастной
к этим зовам?

Как не плакать мне ночами, от огня свечой сгорая?
Ты — с другим, пока не станет утро от зари багровым.

Сердце горестями полно, только как скажу об этом?
Я с тобой и часа не был вместе под единым кровом!

Сгорбился самшит смущенно, кипарис поник ветвями
В час, когда ты засверкала в цветнике, от роз пунцовом.

Ты соперников приветишь, а меня томишь разлукой, —
Дорогая, где ж твой разум, под каким сокрыт покровом?

Так, любимая, негоже — не спросить меня ни разу:
«Ты, Фуркат, по ком стенаешь, жертвой стал каким
оковам?»

200. БУДТО ВЕТКА РОЗЫ

Стан твой — будто ветка розы, лепестками стало платье,
Боже, пусть его не тронет злобный вихрь — самум
проклятья!

Чаровница! Я ошибся: стан твой тоньше нежных веток,
И сравненье то обидно, — как такое смог сказать я!

Розоцветной винной влагой залиты твои одежды,
Иль оттиснул кровью сердца там багровую печать я?

Лишь увижу след подковы — рухну ниц: здесь конь
твой мчался!
Звук ловлю и прах лобзаю, землю заключив в объятья!

Дом души моей разрушен, сокрушен до основания, —
О, когда б в зеницу ока смог, как в дом, тебя
принять я!

Чем бы ты мне ни платила — дружбою или враждою,
Недруги твои — враги мне, а друзья твои — мне братья!

Ежечасно ревность губит тысячей смертей Фурката, —
Злить меня, любя другого, — вот теперь твое занятие!

201. ТЕРЗАЛСЯ Я

Как соловья колючки роз, меня шипы твои кололи,
Терзался я и день и ночь, стонал от нестерпимой боли.

«Где ж точка сладких уст твоих?» — тебя молил открыть
я тайну,
Улыбкою сверкнула ты — и этой тайны нету боле!

Когда-то, милость мне даря, со мною часто ты видалась,
Потом — разлукой извела, и муки сердце побороли!

Ты, на хирмане красоты приманкой родинки рассыпав,
Поймала птицу сердца в плен, силками кос лишила воли!

Теперь со всеми ты мила, глядишь на всех с улыбкой
нежной,
Готова их любовь принять, лишь я — чужой в моей
недоле!

Ты о силках своих кудрей молву посеяла повсюду,
Открыв безумцам мой позор, другим неведомый дотоле!

Красавица! Блаженства нег навек лишила ты Фурката,
Чтоб зеркало его очей терзанья страсти раскололи!

202. НЕ УХОДИТЕ!

Опять, красавица, меня рыдать заставив, —
не уходите!
Отняв мой разум и глаза мне окровавив, —
не уходите!

Придя, вы добротой своей и жизнь, и счастье
даровали,
А ныне, в прах меня втоптав и обесславив, —
не уходите!

Когда присматриваюсь к вам, увы, не вижу я милосердья.
В цепях скорбей, в огне обид меня оставив, —
не уходите!

Я с виду весел, я смеюсь, я клятвам вашим верил сразу.
Не нарушайте клятв своих, солгав, слукавив, —
не уходите!

Иль вы читали книгу зла, страницы кривды и надругательств?
Мой пламень превращен в пожар: меня расплавив, —
не уходите!

У вас — богатство красоты. А я, бедняк, в любви нуждаюсь.
К другому с золотом даров шаги направив, —
не уходите!

Возвысили меня, раба, когда ко мне пришли однажды.
Фурката приравняв к земле и обезглавив, —
не уходите!

203. ТАК ЖЕСТОКО

Кровавой раной сердце мне ты так жестоко сделала
И, муча, слезы мне в очах волной потока сделала!

Надежд на верность не питай, повсюду ложь с изменю, —
Ты, сердце, в жизни много проб веленьям рока сделало!

Дитя! Глазами я учил науку слез безрадостных, —
Зачем же ты мне смуту чувств взамен урока сделало?

Умрешь — и станет суть твоя ни явною, ни тайною, —
Уж лучше б жизнь ей свой запрет еще до срока сделала!

Не думай, что безгранна жизнь в спокойствии
незыблемом, —
Смерть даже мудрых не щадит — всех жертвой рока
сделала!

Скажи, Фуркат, зачем же жизнь, коль чужд ты винным
радостям,
Тебя слугою в погребке, почтив высоко, сделала?

204. ТОБОЮ

Взором я твоим измучен и совсем сражен тобою, —
О, взгляни хоть раз, какой мне нанесен урон тобою!

Я молю о поцелуе — ты ж и уст не открываешь,
Страстно жажду я ответа — где ж он затаен тобою?

Не кори меня за радость быть с тобой — за миг
свиданья, —
Неужели я отвергнут до конца времен тобою?

Говорят: «Лейли с Меджнуном и Ширин с Фархадом —
любят!»
Знай, что лучше всех дестанов сказ, как я пленен
тобою!

Твои губы — как рубины, мое сердце им — шкатулка,
Принеси рубины в ларчик — полон был бы он тобою!

О, доколе жечь мне душу будешь гневом и упреком?
Как кебаб, Фуркат изжарен, он почти сожжен тобою!

205. НЕТ БЛАГОНРАВНОЙ

Нет в мире благонравной ни одной, — горю, твой раб!
Увидев пери, стал я диванбей, — горю, твой раб!

Ты пери? Или гурия в раю? Иль серафим?
Ты прелестью пленила неземной, — горю, твой раб!

Я странник, я в развалинах живу, сосед совы,
Будь милостива, сжался надо мной, — горю, твой раб!

Тебя увидев, другом верным стал твоей любви,
Пока не обезумел я, больной, — горю, твой раб!

Кто вправе хвастаться, что он влюблен, влюблен в тебя?
Один лишь я пленен, пленен луной, — горю, твой раб!

С печалью тайно связана душа, с тоской слилась,
Боль стала для меня сестрой родной, — горю, твой раб!

Я вспоминаю, розу увидав, твои уста,
И отнял кровь мою цветок степной, — горю, твой раб!

Ах, почему цветы к твоим ногам не упадут?
Когда в саду гуляешь ты весной — горю, твой раб!

Да станет мотыльком моя душа, а ты — свечой:
Приди же, озаряя мрак ночной, — горю, твой раб!

Эх, жизнь прошла, я не достиг своей мечты,
Несчастней всех, и в холод я и в зной горю, твой раб!

Из букв-жемчужин имя нанизав своей луны,
Фуркат поет: «К чему удел иной? Горю, твой раб!»

206. ТВОИ КОСЫ

Дух и тело мне любят терзать твои косы,
Пощади, о жасмин мой, пригладь твои косы!

Это шах одержимых твоей красотой
Для победы над ней вывел рать — твои косы.

Лик, тебе красую равный, не рождала мать времен —
Он вознесся над веками, среди всех времен велик!

День покоя и блаженства людям празднество сулит, —
Без тебя Фуркату — гибель, трудный рок его настиг!

208. НЕ ИДЕМ

Мы — народ неприхотливый, в дом без зова не идем
И к соблазнам и приманкам зла мирского не идем!

Даже средь мирской пустыни мукой жажды истомясь,
В край, где бурно льются реки, — право слово, не идем!

Мы на правду уповаем, наше счастье — только в ней, —
Медь менять на призрак блеска золотого не идем!

Любо нам вести беседы здесь, в цветущей Фергане, —
Никуда, кичась свободой бестолково, не идем!

Чужд нам весь погрязший в спеси себялюбец и хвастун, —
Мы искать приют в жилище пустослова не идем!

Мы — народ простой и бедный, был бы хлеба нам
кусок, —
Ни к Даре, ни к Искандеру клянчить крова не идем!

Наши мысли — о грядущем, нет иного нам, Фуркат,
Мы в тот мир, где бранным благам есть основа,
не идем!

209. ВЕСНОЮ СОВЕРШИ ПРОГУЛКУ

Весною соверши прогулку: лицом румяным я восхищен.
Стань кипарисом: этим тонким и стройным станом
я восхищен.

Пусть на твоём пути пылинки сурьюмою станут для
глаз моих.
И на тебя смотреть я буду с восторгом пьяным:
я восхищен!

Ты как цветник: сто тысяч ярких цветов открылись
в твоём саду,
Очарованием весенним, благоуханным я восхищен!

Вино в глазах твоих играет, и ты их шуришь, пленяя
нас, —
Твоими томными глазами, хмельным дурманом
я восхищен.

С гранатами сравню я груди, а губы с персиками сравню,
Как яблоко лицо шалуни, — плодом желанным
я восхищен!

Мечи бровей ты обнажила, меня готова ты умертвить.
Твои ресницы точно стрелы: их блеском бранным
я восхищен.

Печальный опыт поцелуев, объятий жарких постиг
Фуркат, —
Твоим непостоянством чудным, твоим обманом
я восхищен!

210. О, ДОКОЛЕ Ж?

О, доколе ж мне в разлуке будешь душу жечь пожаром?
Пощади же, если любишь, не предай жестоким карам!

Впрямь, зачем тебе павлином красоваться средь
развалин?
Даже совы не летают над моим жилищем старым!

Где бы я тебя ни вспомнил — облик твой, подобный розе,
Там мне сад и там — цветник мой, розы рая рдеют жаром.

Сколько ты меня ни мучишь, о жестокая шалунья,
Никогда не станет силы притерпеться мне к ударам.

От моих ночных стенаний даже небо пооглохло,
Ты ж меня не хочешь слышать, хоть кричу в терзанье
яром!

Усмири поток стенаний, крик услышь, будь
справедлива, —
В странах красоты султаном ведь зовешься ты недаром!

О, к твоим кудрям прильнуть бы, — и тогда мои ресницы
Послужили б вместо гребня их красе и дивным чарам!

Не сдержала ты посулов, вдребезги обет разбила, —
Эх, Фуркат, свои надежды ты растратил, видно, даром!

211. ПЫЛАТЬ МЕНЯ ТЫ НАУЧИЛА

Пылать меня ты научила в огне разлук по вечерам,
Но ты светильником свиданий сияешь радостным
пирам.

Нет, не тюльпанами — скорбями усеяла ты грудь мою,
И стала садом степь страданья и уподобилась
коврам.

Жестокости вонзила жало ты, солнцеликая, в меня,
Окрашен мир моею кровью, как жарким солнцем
по утрам.

Ресницы стрел в меня метнула, лук натянув своих
бровей, —
По воле собственной я гибну, грудь подставляя
остриям.

Не так была война сурова меж христиан и мусульман,
Как у тебя — с моей любовью: мучительнице стыд
и срам!

О сердце, сердце, ты страдаешь у стройной лилии
в плену.
Где кипарис? Где ирис нежный? Где путь
к пленительным дарам?

В сеть превратилась грудь Фурката: шалунья подняла
свой меч, —
Да будет эта сеть как панцирь, что надобен богатырям!

212. ПОБЫТЬ БЫ ВДВОЕМ

Где краса моя? Побыть бы с ней наедине вдвоем,
От злословящих бы скрыться с нею в стороне вдвоем!

Хмель вкушать бы ежечасно, от мирских невзгод лечась,
Все страданья и печали растворить в вине вдвоем!

Вместе за руку пройтись бы и в просторы цветников
Розам, соловьям на зависть выйти б по весне вдвоем!

Все мученья бы отринуть, чашу выпив допьяна,
И в восторге позабыться в сладкой тишине вдвоем!

Залучить бы в сеть разлуки горлиц, стонущих в саду,
Посрамить бы кипарисы с ними наравне вдвоем!

Смять бы суету базара бурей чувства и страстей,
Весь бы мир залить смятеньем, погубить в волне —
вдвоем!

Нет, смиренному Фуркату не досталось этих благ, —
Хоть единый раз побыть бы вместе с нею мне вдвоем!

А пишу — при каждом слове истекает кровью печень,
И, скорбя, душа и сердце в тяготах сомнений плачут.

То не красками рассвета солнце небо обагрило,
То — Фуркат вдвоем с разлукой о беде и плене плачут!

215. ЕДВА РАСКРОЕШЬ УСТА

Едва раскроешь ты уста — и сахар, тая, падает,
Улыбкой сыплешь жемчуга — их твердь литая падает.

Зерцало красоты твоей каким сверканьем светится!
Взор лишь поднимется к нему — и, стыд питая, падает!

Ты шахской поступью идешь меж розовыми кущами,
И россыпь роз их на тебя, как золотая, падает!

Ты обещала мне прийти, истек я кровью в горестях, —
Приди, я умер, дух во мне, всю плоть пытая, падает!

Обнять твой дивно-нежный стан мне не хватает смелости,
Наглец подступит — вязь одежд сама снята и падает!

О, пощади! Во зле измен очам не видно радости, —
И слез уж нет, и светоч глаз, как будто тая, падает!

Я голубю отдам письмо, что кровью сердца писано, —
Прижмет он к крыльям и сгорит, — лишь перьев стая
падает!

От хмеля крепкого вина стал лик твой цвета алого, —
Так к белым розам с алых роз роса густая падает!

Ты захмелел совсем, Фуркат, но хмель тот —
не от горестей,
То — чаша смертного вина уж допита и падает!

Ты метнешь ресницы-стрелы — сердцу полегчает вмиг:
В язвах грудь, но боль страданий уж душе моей чужда.

Розы поняли смиренно: им не быть тебе четой, —
В сад войдешь — любая роза тут же меркнет от стыда!

Хызр, узрев тебя, не вспомнит о живой воде вовек:
Красоты твоей цветенье — как живящая вода!

Нам любовь и жизнь пославший всех дарами отличил:
Дал тебе язык язвящий, не молчащий никогда!

Ты на скакуне промчишься — близ Фурката ляжет след,
И очам его сурью будет пыль с того следа!

220. ЛИШЬ ВСПОМНЮ

Как вспомню пушок благовонный, которым пленен,
Увижу тотчас и газель из хотанских сторон.

Я сердце и душу оставил в обители той,
Где был твоим розовым ликом мой взор восхищен.

Напиток приязни твоей разливая, судьба
Мне чашу пустую вручила, — я был обделен.

Едва ты вошла, вслед за горлинкой смолк соловей.
В смятении роза дрожит, кипарис посрамлен.

Твой ротик, о пери, настолько пленительно мал,
Что спорят премудрые — впрямь существует ли он?

С тех пор как узрел полумесяцы этих бровей,
И сам полумесяцем стал я, судьбою согбен.

Как только услышишь от вестника имя «Фуркат»,
Явись, умоляю! .. Ты слышишь предсмертный мой стон!

221. ПРИОТКРЫВ ЛИЦО

Приоткрыв лицо, идешь ты в гулистан, — да будет так!
И ковром ложатся розы и рейхан, — да будет так!

О, к своим рабам смиренным милосердно снизойди, —
В странах красоты державной ты — султан, —
да будет так!

Что тебе, счастливой, стоит мне блаженство подарить?
Жгут в разлуке душу с сердцем клейма ран, —
да будет так!

Двум очам твоим — индусам любо саблями играть.
Сонмы душ имей — всё ж будешь ты заклан, — да будет
так!

Ночью, скинув покрывало, в мой убогий дом войдешь —
Как луне не сгинуть в небыль и в туман? Да будет так!

Пряди кос твоих рассыплет предрассветный ветерок —
Листья сердца мне развеет ураган, — да будет так!

Страсть к твоим устам-бутонам в кровь мне истерзала
грудь,
И потоки слез взбурлили океан, — да будет так!

Ты не исцелила взор мой прахом от своих следов,
И Фуркат мечтой напрасной обуян, — да будет так!

222. ДОБРО!

Ты помучила влюбленных мукой страдной, — что ж,
добро!
У тебя для мук жестоких нрав досадный, — что ж,
добро!

Милосердие к влюбленным ты забвенью предала,
Верность губишь ты изменой беспощадной, — что ж,
добро!

От тебя твоим повадкам учатся Ширин с Лейли,
От меня — Фархад с Медждуном, — ну и ладно! Что ж,
добро!

Зерна родинок ты сыплешь, как приманку, в сети кос, —
Как ловец, ты птицу сердца ловишь жадно, — что ж,
добро!

Взяв одной рукою саблю, ты другой — сжимаешь меч,
Взор грозит твой, как палач, мне кровожадно, —
что ж, добро!

Ведь краса такая — свыше, и румяна ни к чему,
Красота и так, от бога, дар отраднй, — что ж, добро!

Рот твой лучше всех бутонов, краше роз твоё лицо,
Посрамляешь кипарис ты статью ладной, — что ж, добро!

Каждой ночью ты пируешь, я ж страдаю у дверей, —
До утра там слышен стон мой — крик надсадный, —
что ж, добро!

Не видать Фуркату счастья, истекая кровью слез, —
Кровь глотаю я в разлуке беспроглядной, — что ж,
добро!

223. ЕСЛИ ПРИОТКРОЕТ ЛИК

Выйдет в сад та дева-роза, приоткроет лик свой
строгий —
Как убитые, жасмины ей ковром падут под ноги!

Лик её затмит все розы, стан — погибель для самшитов,
Никнут лилии пред нею, и безмолвны и убоги!

О творец! Да кто же видел столько нежных роз
на платье?
Даже тернии добры к ней, не страшны ей их ожоги!

А накидка — просто диво, — что́ пред ней души завеса!
Белый бант на ней подобен белой розе-недотроге.

Будто вдруг весной повеет или утренней прохладой,
Лишь покажет отблеск тела воротник ее отлогий!

И не взглянет та шалунья, не придет хоть раз
проведать, —
Кто б о ней принес мне вести? Стихли бы в душе тревоги!

Если злая чаровница, истомив, убьет Фурката,
Словно кровь, зардеют розы у гробницы на пороге!

224. ГДЕ НАЙДЕТСЯ?

Где найдется злой негодник, чтоб с тобой был схож, —
скажи?
Кто, как ты, лукавой смутой мир ввергает в дрожь, —
скажи?

Роз, твоим устам подобных, разве сыщется бутон?
Пух-рейхан, нарциссы-очи где еще найдешь, — скажи?

Где цветник, красою равный дивной прелести твоей?
Был ли кипарис так строен, как твой стан пригож, —
скажи?

Тонкий стан, уста как точка! Вспомнишь их — теснится
грудь,
Как мне устоять пред ними, мук моих не множь — скажи.

Верной быть до самой смерти обещанье ты дала, —
Почему ж при жизни рушишь все обеты сплошь, — скажи?

Сердце бедное проведать, о беде моей спросить
Отчего ж в мой дом печальный гостем не придешь, —
скажи?

И меня, как тьмой безумья, твои косы оплели, —
Как Фуркат, злосчастной долей наделен был кто ж, —
скажи?

225. НЕ ЩАДИТ

Ох, она не щадит, мучит пыткой злою меня,
Зло играет огонь непалимой душой у меня!

Как же мне не рыдать в этом мрачном углу до зари?
Не придет навестить, озарив, как свечою, меня!

Как безумцем не быть, опьяненным любовью навек,
Если локоны кос оплели пеленою меня?

В гиацинтах кудрей лик — как роза, а платье — жасмин,
Вся она — словно сад, благовоньем хмельной, у меня!

От любви я умру — ей и эта беда нипочем, —
Быть бы ей как Лукман, а не мучить бедою меня!

О сыны мусульман! Нечестивые очи ее
Унесли из души и из сердца покой у меня!

Лучше кровью истечь, чем безжалостно прогнанным быть,
Лучше было б убить ей свою рукою меня!

Разве мне б не помог, состраданьем меня не согрел,
Если б кто-нибудь был здесь в Ташкенте родной у меня!

А в разлуке Фуркат будет плакать всю ночь до зари,
Стоны к небу летят, льются слезы рекой у меня!

226. ПРИЯТНЕЙ

Нет! Не гурии и пери — вы, ваш дивный вид приятней,
Сад ваш лучше райских кущей, розами повит, приятней!

Стройный стан ваш видя, сосны устыдятся от смущенья,
Не павлинья — ваша поступь, что всех пав срамит,
приятней!

Хоть с влюбленными встречаясь, вы их часто и корите,
Им от вас обиды любви, в мире нет обид приятней!

Среди всех красавиц-пери вы прекрасней всех на свете, —
Кто еще так мил в повадках, чья краса томит приятней?

Разговор вы поведете — с губ слетают мед да сахар,
А молчите — попугаям затаить свой стыд приятней!

Хоть Венера каждой ночью в небесах напев выводит,
Вы дутар едва возьмете — лад его звучит приятней!

В цветнике красы вселенской вы — как яблоко румяны,
Всех инжиров и гранатов чудный цвет ланит приятней!

В лад шагам качаясь плавно, вы пройдетесь —
и не знаешь:
То ли слева, то ли справа поступь взор дивит приятней!

Для Фурката, о подруга, боль измен страшнее ада,
Всех прекрасных куш Ирама ваш чудесный вид приятней!

227. РЯДОМ С РОЗОЙ

Твой лик все розы пристыдит — ведь нет краснее розы!
И мнится: больше ни одной нет по весне и розы!

Ты выйдешь — путь твой, как ковром, устелется
цветами, —
Ступай по ним — того и ждут, душой робея, розы!

Уста и лик, чело и стан — цветы единой ветви,
Вся стать твоя — цветник из роз, сдружились с нею
розы!

В саду времен немало роз, но нет тебе подобных,
Ты — словно роза без шипов, и нет милее розы!

И разве прошлою весной не сгнули с позором
Возросшие вокруг тебя, равняться смея, розы?

В охапку их садовник сгреб и на базаре продал,
И поделом погибли все от той затеи розы!

Когда одеждою стеснен твой нежный стан — не диво:
Ведь от своих же лепестков всегда в беде и розы!

С тебя не сводят люди глаз, хотя стихи от сглаза
Хранят на тонких лепестках стократ вернее — розы!

Зачем Фуркату зреть цветник, где ты не зреешь розой?
В любом цветке колючка есть, нет розно с нею розы!

228. ПРЕЛЕСТНЫ

Кипарисы и жасмины, люди говорят, прелестны, —
Ложь! Твой стан в одеждах розы, весь его наряд —
прелестны!

Где ж была краса такая — самому Юсуфу впору?
Все твои черты — как диво, краше всех услад,
прелестны!

Хоть и много лет вертела небеса судьба-старуха,
Где же те, кто белым телом, как и ты, стократ
прелестны?

Потому в твоих беседах души сладость обретают,
Что твои уста-рубины, слов твоих уклад — прелестны!

Если брови так жестоко кровь людскую проливают,
То зачем же твои веки, чуть прикрытый взгляд —
прелестны?

230. КОГДА ТЫ ПОЁШЬ

Когда ты поёшь, что влюблен, соловей,
Томится по розе твой стон, соловей.

Но это ли страсть — розы в воду кидать,
Со всех общипав их сторон, соловей?

Смысл истинной сути тебе невдомек,
Ты суетной плотью пленен, соловей!

Да что тебе роза? Ты вмиг улетишь,
Лишь хлынет дождем небосклон, соловей!

Сказал бы ты розе: «Смири-ка свой нрав
Пред цветом тюльпанных корон!» — соловей.

Глупец! Есть в тюльпане своя красота, —
По розе грустить — не закон, соловей!

Ты только и знаешь утехы в садах,
Птенцов там растил испокон, соловей.

Не петь тебе нынче: собирается дождь,
Круг лунный венцом озарен, соловей.

Лети-ка ты прочь из цветущих садов:
Фуркат запоеет, вдохновлен, соловей!

231. Я СТЕНАЮ НАВЗРЫД

Я стенаю навзрыд с сребролицею тою в разлуке,
С кипарисом садов, что цветут красотою, в разлуке.

Очарован, растерян, печален душою и сердцем,
По кудрям и по родинкам милой я ною в разлуке!

Вы над жалкою долей моей, о счастливицы, не смейтесь!
Ведь без розы мне жизнь и не будет иною в разлуке!

Вся душа — словно в путах, и как быть мне дальше —
не знаю:
Сетью темных кудрей оплетен я густою в разлуке.

За безумье молвой опозорен я хуже Меджнуна, —
Ведь по чарам Лейли обуян я мечтою в разлуке.

Я отравой измен опоен, изнемог я от скорби,
Без речей ее сладостных много ль я стою в разлуке!

Как Якуб, лью кровавые слезы, и очи ослепли, —
Ведь Юсуф мой в одеждах багровых — со мною в разлуке!

Соловьем я стенаю, рыдаю, как горлица, горько, —
Чем же я, кипарис мой, себя успокою в разлуке?

Словно ветер в пустыне, мечусь я, не зная приюта, —
На чужбине Фуркат, и объят он тоскою в разлуке!

232. НЕ НАЙДУ

Ох, я друга по сердцу себе никогда не найду,
Чтобы душу излить, рассказать про печаль и беду.

Ни на миг я не ведал покоя от тяжелых забот, —
Как же мне не рыдать — день за днем я живу, как
в бреду!

Как же радость познать в этом мире хотя бы на миг,
Если мне до кончины печаль суждена на роду!

Вот и жизнь миновала в ста тысячах мук и тревог,
Я, смятением томим, каждый миг был с собой не в ладу!

Пусть же звуки речей навсегда затаятся во мне, —
Не узнали бы люди недуги мои и страдаю!

Если плачу навзрыд я, друзья, не стыдите меня, —
Пред людьми и за грош я, наверно, в цене не сойду!

Сколько сил положил я, о братья, чтоб друга найти, —
Все усилья напрасны, и я ничего уж не жду!

С этой горькою мукой что проку от жизни такой,
Если я в этом мире забот о мирском не блюду?

И к кому б ни тянулся я с искренним словом любви,
Был унижен Фуркат и взамен получал лишь вражду!

233. ОТ ЛЮБВИ К ТЕБЕ СГОРЕЛ

От любви к тебе сгорел я и спален дотла я стал,
Пеплом, что, как пыль с дороги, буря бед взвила —
я стал.

По ночам простерт смиренно перед богом я в мольбе:
Солнце чар твоих молить я, стоны воссылая, стал.

Лишь достиг я нег свиданья, претерпев сто горьких мук,
В горестях измен я гибнуть, чаровница злая, стал!

Горе мне! Жестоко небо, нет свершения мечтам, —
Как терпеть мне? Горем скручен, будто нить узла,
я стал!

Чаровница! Нету силы даже миг в разлуке жить, —
Я от кар небесных жалким, гибели желая, стал.

Пусть прощаются друг с другом, плача, сердце и душа, —
Сердце взято, и согласен, чтоб душа ушла, я стал!

Лишь мечты мои свершились, вдруг — нежданная беда.
Завершить готов земные все мои дела я стал.

Неужели дашь погибнуть мне от мук твоих измен?
О, приди ко мне, страдать я, как в огне пылая, стал!

Нарекла рабом Фурката, придавив клеймо к очам,
На других уж не взглянуть мне — темен, словно мгла,
я стал!

234. КТО СТАЛ БЫ ДРУГОМ?

Кто бы мне помог в несчастье, другом в горькой доле
стал бы?
Где же друг, кому писать я о беде, о боли стал бы?

Одичав, один скитаюсь, бесприютнее, чем зверь, я, —
Лучше уж, подобно зверю, жить я в диком доле стал бы!

Я желаю, чтобы люди обо мне не горевали, —
Жаркий стон мой на могиле хоть свечою, что ли,
стал бы!

Нет мне в горе утешенья ни у роз, ни у тюльпанов,
То ль бродить в садах цветущих, то ли в вольном поле
стал бы!

Без любимой нет житья мне, — я, друзья, свой кров
покинул.
Есть приют, да нет любимой, а терпеть доколе стал бы?

Я у злой любви в неволе, — где любимую найти мне? —
Я бы золото ей сыпал, лаской нежить в холе стал бы!

От кудрей той дивной пери я безумным стал
скитальцем, —
Нет приюта, где я мирно жить без злой недоли стал бы.

И невольно я рыдаю, по ночам людей печалю,
Захотел бы удержаться — плакать поневоле стал бы!

Распустились, как тюльпаны, язвы сердца у Фурката, —
Кто, как он, ручьем кровавым слезы лить в неволе
стал бы!

235. МЕЧОМ ТВОИХ ИЗМЕН

Мечом твоих измен всю грудь иссечь я от страданий
смог бы,
Жестоко сам себя терзать я болью в каждой ране
смог бы!

Нет! Я, красавица, в любви пощады от тебя не видел,
Хоть сердце сжечь, хоть извести себя в крови рыданий
смог бы!

Я, боль твоих измен терпя, так изнемог от всех
напастей,
Что в теле уж не стало сил и я стонать от зла
не смог бы!

Лишь вспомню лик твой цвета роз — в кровавой муке
изнываю,
Я мир окрасить кровью слёз, всех цветников багряней,
смог бы!

Таких мучений не стерпев, расплавились бы, верно, горы,
Когда огнем своей любви я высечь жар сияний смог бы!

Всё — правда, вся моя любовь! Любимая, ты мне
поверишь?
Письмо прислать тебе с клеймом от кадиевой длани
смог бы!

Да вытекут мои глаза, когда я на другую гляну!
Сгори душа, когда к другой питать я пыл желаний
смог бы!

Пусть сердце, воспылав к другой, на сто осколков
Язык отрежьте, коль другим сказать слова признаний
разобьется!
смог бы!

Пускай душа — из тела вон, пусть я переломаю ноги,
Когда я с улицы твоей уйти с душой в тумане смог бы!

О пери, каждый мой рассвет я именем твоим
встречал бы, —
Как имя высшее, его твердить в молитве ранней смог бы!

О, где бы мне от кос твоих найти хотя б единый волос, —
Я от безумья амулет обрести — нет благ желанней —
смог бы!

Нет, ты к Фуркату не пришла, и на него ты не взглянула,
Когда от жажды он в степи укрыться никуда не смог бы!

236. В РАЗЛУКЕ

Плачу горлицей я с девой-розой моею в разлуке,
Стан ее — кипарис — я не вижу — и млею в разлуке!

Как в темнице Якуб, в долгой скорби я горько рыдаю,
Я томлюсь, как Юсуф, с розоликой своею в разлуке.

А нарциссов-очей, гиацинтовых кос, уст, как роза,
Розоцветных одежд я забыть не сумею в разлуке!

Я в печалях моих — как безумец, окованный цепью, —
Ведь она — как Лейли, ну а я мучусь с нею в разлуке!

Не стыдите меня, что во тьме разлученья рыдаю, —
Светоч дивной красоты лишь в мечте я лелею в разлуке!

Я стенаю навзрыд, бью камнями грудь, но напрасно, —
Где ж уста моей пери? Забыт я, слабею в разлуке.

Стал я бледен лицом — не дивитесь, я просто припомнил
Ту плутовку мою, сребротелую фею, в разлуке!

Мне в печалях моих стала долей одна только горечь,
И без сладостных уст как печаль я развею в разлуке?

Сбиты крылья мои, и пристанищем стала мне клетка, —
Вот, Фуркат, путь любви! Где ж отчизна? — Я с нею
в разлуке!

237. У ЖИЛЬЯ ТВОЕГО

У жилья твоего, не взрыдав, не пройду, госпожа, —
Где ж мой разум и ум — я как будто в бреду, госпожа!

В горле кровь — как комок, и от мук я стенаю навзрыд,
От бредового сна пробужденья не жду, госпожа!

Как тюльпаны, красны раны сердца, и нет им числа, —
О, рассечь бы мне грудь, чтоб ты видела их, госпожа!

Без тебя сотни слов, затаив, я в себе берегу,
А увижу — молчу я и слов не найду, госпожа!

Нету силы сносить всю жестокость издевок твоих,
Но и сердца лишусь — от тебя не уйду, госпожа!

От тоски по тебе я ночами мечусь до зари,
От рыданий не сплю, — о, забудь же вражду, госпожа!

Милосердье твое обернулось Фуркату бедой, —
Не привыкнуть мне к ней, сколько лет ни прожду,
госпожа!

238. Я НЕ ВИДЕЛ

Жаркий лик твой я не видел, а изжарен, как жаркое, —
Не взглянуть, пока не выйдешь, жар лица завесой кроя!

На тебя, о чаровница, разве можно наглядеться, —
Взор хмельной твой не увижу — и не ведать мне покоя!

Как приметить стан твой тонкий, как уста твои увидеть?
Мудрецы узнать не смогут даже в сотнях книг такое!

Нет, не видели доньше совершенств, тебе подобных,
Взор веков не зрел красавиц, кто сравнился бы с тобою!

Ты пройдешь — и жизнь даруешь, и тотчас же смерть
настигнет, —
Кто еще похвастать может столь же чудной быстротою!

О, хотя б на миг спастись мне от кудрей твоих безумных!
Душу мне в пустыне бедствий жгут они дыханьем зноя.

Как достичь Фуркату счастья, как обрести покой
в свиданье?
Много лет терпел я горе — где ж от мук себя укрою!

239. АНДИЖАН

Мы — не люди, если редко посещаем Андижан!
Всех гостивших в нем приветил, грел сердца им Андижан.

Даже вдосталь повидавший должен искренне признать:
Был всегда в Кокандских землях лучшим краем
Андижан!

Чудный вид его красавиц знают Сирия и Рум,
И в Египте этой славой почитаем Андижан!

Кто на поезде объехал всей России города,
Должен был признать с досадой: не чета им Андижан!

Бог свидетель, — уезжая, я попутчикам твердил:
«Мы всегда с тоской и грустью вспоминаем Андижан!»

Виночерпии-красавцы и вино там есть всегда, —
В Судный день пирами будет вдохновляем Андижан!

Пусть отверженным Меджнуном сгинет в глубь пустынь
любой,
Если не прославлен будет вдруг со зла им Андижан!

Пусть в иных владеньях люди не корят мою хвалу:
Ведь не смертными, а богом возвышаем Андижан!

Столь восторженной любовью дышит не один Фуркат, —
Много знал таких Фархадов — нет числа им — Андижан!

240. НЕ ТЫ ЛИ?

Взор безверием позоря, хмель вина пила не ты ли?
Страны веры захватила, разорив дотла, не ты ли?

Уст рубины растворила и зубов жемчужным блеском
Жемчуг прогнала с позором в глубину жерла не ты ли?

Перламутром блещут губы, словно перл — твоя улыбка,
И жемчужными зубами блеск им придала не ты ли?

Влага капелек на лице — лучше, чем роса на розе, —
Пристыдить сумела розу красотой чела не ты ли?

Пух нежнейший над губою — то не чудо ли Мессии?
Вместо Хызра влагу жизни людям дать смогла не ты ли?

Выгнутые брови — луки, а ресницы — будто стрелы,
Но без стрел разить влюбленных можешь так — со зла —
не ты ли?

И в садах, сверкнув красою, показав и стан и поступь,
Кипарисы погубила, их с земли сжила не ты ли?

И зачем блюсти Фуркату обещанья и обеты?
Каждый миг обеты рушишь, неверна и зла, не ты ли?

241. КАКИХ НЕ ПРЕТЕРПЕЛ НЕВЗГОД

О, каких от той неверной я не претерпел невзгод!
О, какой от вероломной не видал я в жизни гнет!

Я по улицам скитаюсь и рыдаю, как Меджнун, —
Из-за этой пери всюду обо мне молва идет!

Нет, не зря в садах стенает истомленный соловей, —
Знает он, что розам гибель от шипов — один исход!

Я о деве той мечтаю, только есть ли в этом прок?
Мук моих она не видит, взор свой в сторону ведет!

Как молил я о пощаде, — от мучений прахом стал, —
Видно, мне навек при розе быть шипом пришел черед!

Ах, зачем же мне на муку от любимой столько зла?
Что ни миг меня та роза испытаньями гнетет!

Что ей бедствия Фурката — не спросила, не пришла, —
Знать, в душе у этой пери есть какой-то свой расчет!

242. ВПОРУ ЛОБ РАЗБИТЬ

Впору лоб разбить о камень — так со мною ты хитра,
А другим ты — будто светоч в их веселье до утра!

Сок медового нектара источают перлы губ, —
Ты превыше попугаев в сладкоречии быстра!

Твой халат сравнил я с розой и, наверно, оплошал, —
Так прекрасна и изящна стана легкого игра!

244. ОГОРЧЕН Я

О, твоей небесной сутью непокорной огорчен я:
Не всмотреться в лик твой жаркий, солнцетворный, —
огорчен я!

Хоть твои глаза и брови сотни смут явили миру,
Безучастностью твоею непритворной огорчен я.

Мне назло писец жестокий, письма судьбы писавший,
На лице твоём оставил прочерк черный! Огорчен я.

Как свеча, я плачу ночью — ты с соперником пируешь,
До утра веселье слышу, смех задорный, — огорчен я.

О жестокая! Не слышишь ты ни стонов, ни стенаний,
И суровостью твоею столь упорной огорчен я!

Вспомню стан твой — плачу кровью, и лицо мое
желтеет, —
Знать, не в радость мне и стан твой животворный, —
огорчен я!

Не Фуркат — дурные люди, как друзья, с тобой пируют, —
Несуразностью такую, злой и вздорной, огорчен я!

245. ЕСЛИ ПРОЙДЕТ

Солнцеподобная моя по улице пройдет —
Как тень, за нею вслед бежит, стена, весь народ.

И меж влюбленных шум и гам, как будто в Судный день,
Едва, как молния, сверкнет, ступив лишь шаг вперед!

И лани мускусные — все в смущенье убегут,
Едва лишь амброй кос ее полночный вихрь дохнет!

Сто тысяч душ убьет она и тут же оживит,
Едва с рубинов-уст прольет речей сладчайший мед!

Я сердце отдал, как Фархад, безумен, как Меджнун,
И горы бедствий я крушу, брожу в степях невзгод.

Покров откинет от лица — и словно бы с небес
Мне солнце мира заблестит и глянет взор высот!

Померкну я, как ночь небес, и сгорбится мой стан,
Едва лишь бровь ее меж кос серпом луны сверкнет!

Она с другими хороша, а к любящему зла,
Ее кокетство им — добро, а мне — смертельный гнет!

Прольет ручьи кровавых слез и станет желт лицом,
Кто от румянца той луны очей не отведет!

Нет, не найти Фуркату сил в ее лицо взглянуть:
Когда на солнце поглядишь, слезою вмиг проймет!

246. ОТ ЕЕ ГЛАЗ

От истомных глаз-нарциссов я влачился в муках тела,
Но воскрес, едва лишь слово с губ рубиновых слетело!

Если райский сад увидит стан и лик моей любимой,
Древо рая сникнет сердцем, кущи смолкнут онемело!

На уста ее взглянул я — сил и мощи враз лишился,
Быль и небыль — всё смешалось и ничто не уцелело!

Я за миг свиданья с нею душу отдал — всё напрасно:
От красы ее надменной изнемог я до предела!

Око мира вдруг сверкнуло в темных косах луноликой,
А она не семь накидок, а одну спустила смело!

Свисли ветви у самшита оголенными зубцами, —
Он со станом чудной девы стал равняться неумело!

Ты хвалил, отшельник, гурий, рай расхваливал на диво, —
Это так, да только гурий всех затмить она сумела!

Сколько черных дней, о други, выпадало мне на долю:
Вспомню родинки и косы — и томлюсь оцепенело!

Только раз она открылась, а Фуркат сражен безумьем, —
Эта пери от безумцев лик таить всегда умела!

247. ИЗЛОМ БРОВЕЙ

Знать, излом бровей дал хитрость чародейству твоему:
Прямоты, подобной стану, не смогла ты дать уму!

Ты с другим всю ночь пируешь, я ж рыдаю у дверей,
До зари лежу ничком я, головы не подниму!

Даже ночь не наступает, видя огненный твой лик:
Если светоч неба рдеет, лунный свет уж ни к чему!

Эй, смотри, глазам-нарциссам колдовать не позволяй:
Всю вселенную разрушат, разгоняя дремы тьму.

Взор твой истерзал мне сердце, нету сил, и то —
Он и всех оленей Чина истомит по одному! не ложь:

Нет! Нигде такого взора во вселенной не найти,
Хоть смотри и дни и ночи в очи миру самому.

Только вспомнится Фуркату розоликий кипарис —
Я и соловьев и горлиц вмиг стенаньями дойму!

248. СТРАСТЬЮ ОБУЯН

Пришли, настали дни весны, я страстью обуян,
В душе тюльпанами цветут сто тысяч свежих ран.

Пахнёт весенний ветерок — и зелена земля,
В цветных коврах и скаты гор, и ширь степных полян.

Благоуханьем охмелен и весел гомон птиц,
И горлицу и соловья томит любви дурман.

Покровы сбросили цветы, соцветья распустив,
Нарциссы, лилии цветут, и розы лик румян.

И божьей волею леса зазеленели вдруг,
Встают тюльпаны меж камней, их вешний цвет багрян.

Ах, можно ль любоваться властью цветением садов?
Прекрасны розы, а в душе от их шипов изъян!

Сто тысяч смут несет мне взор жемчужноликих дев,
И сердце волнами бурлит, как грозный океан.

О мусульмане! Как сказать о жаре мук моих?
Все тело сожжено дотла, и пепел тлеет, рдян.

Как пленник горестных разлук, смятен душой Фуркат,
Рыдает горлицею он, от мук стенаний пьян!

249. В САДАХ КРАСЫ НЕТЛЕННОЙ

Ты в садах красоты нетленной — сладкозвучный соловей,
Превзошла ты Афлатуна прозорливостью своей.

Пред твоей красою меркнут даже солнце и луна,
Перед нежным блеском шеи свет зари — и тот мрачней!

На лице твоём, как в книге, письмена встают в ряды, —
Что ни стих — то сказ о муках сгубленных тобой людей!

О, приди, красой сверкая, в мой убогий, ветхий дом,
Прах следов твоих — лекарство для больной души моей!

Благовонный мускус вспомню — сердце рвется
на куски, —
Ветер, вей благоуханьем гиацинтовых кудрей!

251. ХОТЬ БЫ РАЗ ПРИШЛА

Хоть единый раз подруга в мой убогий дом пришла бы,
Жизнь свою пред ней излил бы золотым дождем, —
пришла бы!

Что же, кроме жизни, мог бы подарить бедняк бездомный,
Если б гордая шахиня, расспросив о нем, пришла бы!

Снизошла б хоть раз с участием, состраданьем,
пожалела б
Та, которой любо мчаться, правя злым конем, —
пришла бы!

Розы в горе повергая, горечь мук даря бутонам,
В сад бы вышла моя роза и, цветя огнем, пришла бы!

И душа и сердце сникли б, занедужив, как Меджнуны,
Если, как Лейли, подруга, вся в плену истом, пришла бы!

Прочь ушла б зима разлуки и зацвел бы мир новрузом,
Если пери, лик открывши, вдруг весенним днем
пришла бы.

Как давно гнетет разлука изнемогшего Фурката!
Мне б на счастье, о страданье разузнать моем пришла бы!

252. ЧТО Ж НИКТО

Что ж никто ни разу не был от твоей красоты хмельным?
Весь народ теряет разум, изумлением томим.

Даже праведный отшельник, видя твой тюльпанный лик,
Огорчился б воздержаньем долговременным своим!

Сотни раз умру, но сжался: затопчи во прах мой лик, —
Как сурью Сулеймана, будет прахом взор храним!

На челе твоём — сиянье, даже ночь и та светла,
Хоть пушок ланит прекрасных непрогляден, словно дым!

Лишь пройдешься ты по саду, люди тотчас говорят:
«Видно, гурию из рая на земле мы нынче зрим!»

Стан твой стройный прямою кипарисы пристыдит,
Даже сад смущен весенним одеянием твоим!

Источают яд душистый кольца вьющихся кудрей, —
Сонм подобных мне страдальцев в плен попал к виткам
крутым!

Эти щеки красотою — словно розы в цветнике,
Стан твой будто нежный стебель под дыханием живым.

Зря мечтал об исцеленье опечаленный Фуркат:
Очи милой жаждут крови, — кровь людей привычна им!

253. В РАЗЛУКЕ С ПЕРИ

В разлуке с пери, о друзья, рыдаю я от бед,
И кровью очи изошли, и помутился свет.

Лишь вспомнят толпы христиан витки ее кудрей —
Глядишь, зуннары их — в клубке, и узел в узел вдет!

Тоскуя по ее бровям, согнулся сам михраб, —
Любовь к красавицам клянет по глупости аскет!

О кравчий, не стыди меня, что хмель мне нипочем, —
Хмельней рубинов-уст ее — вина на свете нет!

За каплей каплю слезы лью, печалюсь от измен, —
И каждая — в морях любви чистейший самоцвет!

Я видел сон: взметнулся вихрь, прильнув к ее кудрям, —
Сразил безумием меня навеки этот бред!

Она с другим пила вино, и в ревности Фуркат
Из горькой чаши кровь глотал, пока не встал рассвет!

254. ПРИШЛА ВЕСНА

Добро пожаловать, друзья! Опять пришла весна,
Идите веселиться в сад, испить нектар вина!

Живящий ветер набежал, из туч закапал дождь,
Улыбками расцветших роз вся ширь обагрена!

Запели горлицы в ветвях и соловьи меж роз,
С очей-нарциссов, трепеща, сошла истома сна.

Вокруг зеленых стебельков завился гиацинт,
А там, меж лилий влага струй прозрачна и ясна!

Ах, где ж любимая? Средь роз гулять бы с ней сейчас,
Когда безлунна и светла ночная тишина!

Багровый сок мне кравчий льет в рубиновый бокал,
А я из сердца кровь цежу, сливая боль сполна!

Ах, я увидел бровь, Фуркат, и пал пред нею ниц, —
Когда найдешь такой михраб, молитва не нужна!

255. ЧЕРНООКАЯ

Черноокая напрасно на глаза сурьму кладет:
Всей вселенной — только смута, и среди людей —
разброд!

Под бровями затаился взор губительных очей:
Два индуса луки вздели — стрелы просятся в полет!

Всех безумцев взбаламутит чернота ее кудрей,
Перед ней в стране неверных крест, поверженный, падет!

Как делить твои обиды — спорят сердце и душа,
Рассудила б душу с сердцем — что терпеть, в какой
черед!

Вся земля в саду впитала аромат ее кудрей,
И садовник чистый мускус на базаре продает!

Разве статный и прекрасный, гордый в красоте Юсуф
Знает о любви, несущей Зулейхе беду и гнет!

О поверженное сердце, не стремись таить любовь:
Мускус, даже и сокрытый, запах всё равно дает!

Я смущен и негодую, сколь коварны небеса:
Жизнь невежд полна блаженства, участь мудрых — зло
невзгод!

Тот, кто золота лишь жаждет, тот и сердце очернит, —
Желчь по телу разольется — гнет тоски к нему придет!

Разве вытерпеть влюбленным злость коварных чаровниц?
Как и бедному Фуркату, им позор — один исход!

256. ПО НОЧАМ

Без луны моей во мраке я тоскую по ночам,
Плачу, будто волны моря гонят струи по ночам!

До зари я жду в томленьи — не откроешь ли лицо, —
О, взойди луной, с ней рядом свет даруя по ночам!

Волоокая! Лишь вспомню россыпь родинок твоих —
Даже сон нейдет мне в очи и не сплю я по ночам!

Стройным станом кипарису ты подобна в цветнике, —
Словно горлица, в разлуке я воркую по ночам.

Блеском молний в мир низверглось диво красоты
твоей, —
Зеркало отставь и сжался, — так прошу я по ночам!

Коль с тобой не быть мне вместе, чаровница, я сгорю, —
Можно ль жить в таких мученьях, коль не сплю я
по ночам?

Чтоб луна, бродя по небу, заблудиться не смогла,
Сжался, расплетать не надо кудри все по ночам!

И когда ты веселишься, хмель багряный пьешь с другим,
Я ревную, яд страданий пью, горя, по ночам.

Чтобы людям не казалось, будто месяц в небе встал,
Не показывай на людях бровь крутую по ночам!

Ты с соперником пируешь, и когда мне слышен смех,
До утра, стеная, плачу, ворот рву я по ночам!

Как же мне, Фуркат, не плакать, день-деньской
не горевать?
Без тебя один удел мне — жить, тоскуя по ночам!

257. ВЛЕЧЕТ

Взор ее меня невольно к ней, как ворожкой, влечет, —
Так колдун, едва лишь взглянет, силой колдовской
влечет!

Диво ль в том, что лик любимой полускрыт
под мраком кос?
Полумесяц в выси неба лишь полнотной тьмой влечет!

А уста — их будто нету! Только вспомнишь — сон исчез, —
Это ложь, что небыль сказок сразу в сон глухой влечет!

Истекла по каплям печень, блески крови в струях
слез, —
Так вот лепестки тюльпана вешнею водой влечет!

Стал я желт от мук разлуки, а любимой лишь смешно:
Видно, опьяненье хмелем в смех ее живой влечет!

Лекарь, ты не тщись влюбленным зельями лечить недуг:
Вкусом дыма не жаровня, а лишь жар печной влечет!

Мир не видел ей подобных, как ни тщился — не нашел, —
В зеркале двойник любимой взоры красотой влечет!

Чтоб с красою луноликой уравняться на весах,
Чаша неба, опускаясь, и луну с собой влечет!

Дива нет, что взор любимой в сеть свою поймал
Фуркат, —
Он и ланей Чина в сети заодно с тобой влечет!

258. ГДЕ ТАКАЯ ПЕРИ?

Где еще такая пери, как цветок румяна, есть?
Разве зубкам равный жемчуг в недрах океана есть?

Кипарис она затмила, жаром ревности сгубив, —
О Аллах, да где ж такое совершенство стана есть?

Даже мудрым не под силу разгадать ее слова:
В каждом слове сотни смыслов высшего чекана есть!

Очи грозны и жестоки, кровь пролить им нипочем, —
В каждом оке кровь убитых, горяча и рдяна, есть!

Кто сказал, что лишь Меджнуну суждено любить Лейли?
В темных косах сонм безумцев — пленников дурмана —
есть!

Нет, не стыдно мне, что слезы из очей волной текут, —
В бурном сердце реки страсти, плещущие рьяно, есть!

А захочет нежной лаской и любовью одарить —
У кого ж, как у Фурката, в сердце боль и рана есть?

259. ОНА ИДЕТ

Прихода милой мусульманки прождал всю ночь я
напролет.
Пришел рассвет. Ее всё нету. Сдавил мне душу
тяжкий гнет.

Ну что ж! Тоска привычной стала. Всю жизнь блуждаю
я в тоске.
Весь век пола моей одежды в колючках горя и забот.

Идет! Отдам ей душу в жертву, ресницы — на кошму
для ног!
Идет ко мне моя царица, настал-таки и мой черед!

Идет кокетливой походкой, покачивая стройный стан...
Глаза мои, как человечки, навстречу выбегут вот-вот.

Конец разлуке! Наступает свиданья радостного час,
Идет блистательное солнце — моя любимая идет.

Какой чудесный гость подходит! Всё сделай для нее,
Фуркат.
Захочет жизнь отнять — не сетуй, не жалуйся, пускай
возьмет!

260. НЕДОБРАЯ

Недобрая подруга моя, злая!
Доколе жить мне, в муках изнывая?

Ведь даже ночью не смежить мне очи —
Всё о тебе горюю до утра я.

О горе! Сколько мук от злого рока!
Душа одна, а бедам нет и края.

Нет, даже тишь и благодать рамазана
Мне не нужны, коль мучусь без тебя я!

Зачем безумцу, сломленному горем,
Пиров полночных суетность пустая?

Из ключев сердца я кебаб изжарю,
Как соусом, их кровью поливая.

Когда терпенья нет, а веры много,
То — много или мало, дорогая?

Ты бровь взведешь — летят ресницы-стрелы,
Мне грудь и сердце ранами терзая.

Терплю я от соперников попреки
И гнусные издевки негодя!

Жестокою обидчицей унижен,
И от судьбы не ведаю добра я.

Не плачь, Фуркат! Быть может, друг
найдется, —
Тебя он пожалеет, сострадая!

261. ЧТО СТОИТ ТЕБЕ?

В пору роз в цветнике со мною раз пройтись, — что
стоит тебе?
Чтоб печали больного сердца улеглись — что стоит тебе?

Ты лицо едва приоткрыла — вмиг сгубила бутоны роз, —
О, верни красоту бутонам, улыбнись — что стоит тебе!

От тоски и от дум печальных сбились в узел нити души, —
Гребнем кос твоих помоги им расплестись — что
стоит тебе!

О, как много испил я горя из жестокой чаши небес, —
Взвесели меня винной чашей, возвратись — что стоит
тебе!

По цепям твоих кос томлюся, одержим и безумен стал —
О, свяжи Меджнуна, — ведь мог бы я спастись, — что
стоит тебе!

Выйдешь в сад в багряном тюрбане — и окрасятся розы
в кровь.
Чтоб в степи болью ран тюльпаны налились — что стоит
тебе!

От любви к тебе и Фуркату суждено пропасть без
следа, —
Навестить, проведать страдальца не стыдись — что
стоит тебе!

262. ТАКОЙ, КАК ТЫ, НЕТ

Сад вселенной обыскал я — роз, как ты, на свете нет,
Нет нигде жасмина-стана, этих уст-соцветий нет!

Где твой путь — лежу я прахом, и нарциссы там цветут:
Я и мертвый жду смиренно: разве глаз в их цвете — нет?

От твоих очей хмелен я, кравчий льет мне чистый сок,
А на дне души осадок, — силы протрезветь мне нет!

До чего же ты жестока, — как влюбленным не страдать:
Мир забудут, жизнь отринут, а любви к ним ведь и нет!

Я твой раб, — что ни захочешь, лишь вели —
я покорюсь,
Я невольник твой, и силы убежать из клетки нет!

Думал я, что ты полюбишь, для тебя забыл свой кров,
Только без любви не любы мне скитанья эти, — нет!

Ах, за что твои упреки? Ты коришь меня в письме,
Что друзей, со мною схожих, даже на примете нет!

Страсть тебе сломила сердце, обезумел ты, Фуркат, —
Роза пышет ароматом, а вот сил терпеть и нет!

263. ДЕВУШКЕ ИЗ КАШМИРА

Я в Кашмире увидел чудной девы лунный лик,
В колдовских ее глазах спрятан ста волшебств тайник.

Утром солнце на нее сыплет золото зари,
Ночью ей приют дает жизнь дарующий родник.

Кладезь той красы узрев, сник Харут, поник Марут,
В Вавилонский кладезь свой возвратившись в тот же миг.

Искры молний мечет взор огневых ее очей:
В блестях искр и меч вострят, чтобы он врага настиг!

Родинки у дуг бровей — словно метки скрытых тайн, —
Я, едва увидев их, суру «нун» читать привык!

Чар любви к такой красе никому не избежать:
Гибнут в западне кудрей все — и юный, и старик!

Я сказал: «Беда моя! Цепям кос твоих я — раб!»
А она: «Надевши цепь, ты бы в сердце не проник!»

«Точки родинок у губ, — попрекнул я, — ни к чему!»
Говорит: «Писец судьбы в тонкости письма не вник!»

«Что ж от родины вдали гибнешь, бедный?» — говорит.
Я сказал: «Тебе, Фуркат, знать лишь участь горемык!»

264. НЕ ВНЕМЛЕТ

В чем виновен я пред нею — в толк я не возьму, —
не внемлет!
Я рыдаю и стенаю — стону моему не внемлет!

Ох, какая злая пери в наказание мне досталась:
Хоть всю грудь свою на части в муке разниму —
не внемлет!

Бессердечная шалунья равнодушьем тяжело мучит, —
Знает все мои обиды, только ничему не внемлет!

На пути ее ловлю я, рухну ниц под ноги тенью, —
Солнцеликая беспечна, что ни предприму — не внемлет!

А послушать согласится, ей Фуркат с обидой скажет:
«Что ни делай на базаре, там никто уму не внемлет!»

265. МОЙ КИПАРИС

За тебя, кипарис мой, я жертвой паду,
Ты — как свежая роза в цветущем саду!

С Афлатуновой мудростью ум твой в ладу,
Речь твоя попугаев повергнет в беду!

Всё прекрасно: и стан твой, и облик, и нрав, —
Сей красы человек не видал на роду!

Как осмелюсь тебе я хвалу вознести, —
С головы и до ног вся краса на виду!

А лицо приоткроешь — и смуты кругом, —
Мнится мне: Судный день подступил на беду!

Нету мук, чаровница, страшнее моих, —
Сил не стало, я горем себя изведу!

Снизойди, о жестокая, к мукам моим!
Пощади! Где ж еще я пощаду найду?

В язвах сердце мое от насмешек людских,
Камни бедствий меня повергают в страду.

Снизошла бы к Фуркату, он верный твой раб, —
За тебя, кипарис мой, я жертвой паду!

266. СЛАВНО

Всё ж пришла моя отрада, навестила, — вот так славно!
Знать, не зря вчера стенал я так уныло, —
вот так славно!

И когда уж был я попран, сломлен силой войска скорби,
Тут коня моя шахиня вскачь пустила, — вот так славно!

Плакал я в разлуке с пери, тек из глаз поток кровавый,
Целый мир перевернула эта сила, — вот так славно!

Дни мои текли во мраке, был сражен я тяжким гнетом,
А теперь и дни, и ночи — всё мне мило, — вот так славно!

Марс измены сгинул в небыль, воссиял Юпитер
счастья, —
Видно, радость указало мне светило, — вот так славно!

Сердце было вместе с нею даже в дни разлуки горькой, —
Ах, пришла души отрада, не забыла, — вот так славно!

На лихом коне красуясь, чаровница вдруг примчалась
И сказала: «Где Фуркат мой, сникший хило?»
Вот так славно!

267. РАЗВЕ Я ОДИН?

Раб глазам твоим оленьим разве только я один?
Изумлен красы виденьем разве только я один?

Не брани, что кров ищу я у порога твоего, —
Жив лишь уст твоих цветеньем разве только я один?

Сколько роз окрасил кровью хмель твоих рубинов-уст, —
В кровь всю грудь разъял по звеньям разве только
я один?

Ты с другим всю ночь пируешь, — слез моих не осуди:
Плачут свечи там с шипеньем, — разве только я один!

Сколько соловьев и горлиц о тебе с тоской поют, —
Глянь: числа нет каждый день им, — разве только
я один!

А к Фуркату снизойдешь ты — этим благом не кори:
Друг таким вот снисхожденьям разве только я один?

268. НЕТ!

Если речь вести намеком — толку никакого нет,
Если ложь за правду выдать — чтут такое слово? Нет!

Сердце пленником безумья в край неведомый ушло,
А вернется ли обратно — ни следа, ни зова нет!

Если милая пройдетя, дивным станом трепеща,
У кого не дрогнет сердце? Стана нет такого, нет!

Где ж конец ее обидам? Хоть стократ при ней умри,
А она пройдет — не взглянет, — это ей не ново, нет!

Притча есть, что у красивых много золота и сил, —
Ах, ни золота, ни силы у меня, дурного, нет!

С ней достичь свиданья трудно, не под силу никому,
У меня силков-ловушек для ее улова нет!

Что ж поделать, бог Фурката черной долей одарил:
Ночь и ночь, подходит утро, а рассвета снова нет!

269. ПРИДИ СКОРЕЕ!

Остробровая! Проведать, как я хил, приди скорее!
От рыданий — слез не стало, все излил, — приди скорее!

В жалкий дом моей разлуки ворвались беда и горе,
И теснят меня и мучат, нет уж сил, — приди скорее!

В добрый час, моя шахиня! Окажи такую милость,
Чтобы я, тобою попраи, взор смежил, — приди скорее!

Ведь не ведая, не зная, есть ли ты на белом свете,
Я, как птица Анка, в небыль воспарил, — приди скорее!

О, пришла бы ночь блаженства, чтоб не снилась мне
разлука,
Чтоб забыть мечту о счастье, — свет не мил, приди
скорее!

Сплю на ложе унижений, и наперсник мой — страданье,
Как приют моих терзаний мне постыл, — приди скорее!

О Фуркат, доколь продлится эта мука ожиданья?
Всё ушло: душа и тело, сердца пыл, — приди скорее!

О, она ведь беспощадный, кровожадный лиходея,
Всех кровавой казнью губит, кто посмел перечить ей,
На коне, красуясь, мчится, остр и лют ее клинок!

Приоткинув покрывало, лишь покажет дивный лик —
Сердце соловьем застонет, захмелевши в тот же миг!
Что за прелесть, что за диво, — меж людей раздор
и крик.

Что за мускусные косы — их извив и зол и дик,
Аромат от них струится — амброй землю обволок!

От моих ночных рыданий в мир запало много бед,
Только пери им не внемлет, ей до них и дела нет!
У меня ж к моей желанной просьба есть — один завет:
Пусть молчит, чтоб о позоре о моем не знал весь свет!
Хоть дотла сгорит влюбленный — ей и это невдомек!

Плоть моя слаба и хила от камней ее обид,
Грудь терзая, жар страданий душу с сердцем пламенит,
А от слез моих рыданий мир потоками размыт, —
Ведь она отравным зельем даже небо напоит!
Умер я и сгинул в небыль, жизнь мою позор пресек!

Знать, судьба любовь такую в наказание мне дала,
Кару на меня низвергла, мук наслала без числа!
Где она такое диво на беду мою нашла,
Луноликую смутьянку — воплощенье мук и зла,
Разорила мне всю душу — вот как гнет ее жесток!

Злобный рок всю жизнь мне губит и бедой гнетет меня,
Бросив в плен в силок измены, вверг во власть невзгод
меня,

От любимой отлучает, повергает в гнет меня,
Я в разлуке с луноликой, — любит волчий сброд меня, —
Вот каким лихим напастям гнев небес меня обрек!

На судьбу ропщу, стеная, — только мало, то — не в счет,
Кровью сердце облилося, кровь из глаз моих течет!
Мне — такое наказание, а сопернику — почет,
Друг мой — зло, товарищ — мука, а печаль — мой
доброхот,

Обо мне никто не спросит, я покинут и убог!

Если и певец и песня, и танбур и саз там будут,
Если стих, живящий душу, песен сладкий глас там будут,
Если и напев печальный, и веселый сказ там будут,
А придет конец тем песням — новые тотчас там будут, —
На гитжаке, на дутаре петь струной желает сердце!

Коль мила твоя подруга и тебе верна на диво,
Если зла она с другими, а с тобою терпелива,
Если ты при встречах с нею сам главенствуешь счастливо,
Если ты прильнешь к ней нежно в ласке страстного
порыва, —
Поцелуев и объятий с ней одной желает сердце!

И привлечь ее, лаская и румяный лик целуя,
И к хмельным очам тянуться в томной неге поцелуя,
И лобзать глаза и щеки, страстно нежа и милуя,
И, припав к груди, в забвенье целовать плутовку злую, —
К ней прильнуть — и жизнь за это дать ценой желает
сердце!

Чтоб не слал нам рок небесный в нашу жизнь беду
распада,
Саду жизни вихрь смертельный не принес бы
листопада, —
Нам порой весенней нужно избежать невзгод разлада,
В каждый светлый день весенний выйти в степь и в горы
надо, —
Ведь пойти к святым могилам в дол иной желает сердце!

Если лунными ночами меж соцветий роз я сяду,
Если до утра я буду среди друзей, любезных взгляду,
Если лилии, сверкая, лунный отблеск льют в усладу,
Если тени от жасминов, как узор, бегут по саду,
То красавицу, чьи очи светят хной, желает сердце!

Если ж от судьбы подмога в добрый час дана не будет,
Если в ночь со мной подруга, та моя луна, не будет,
Если ею в доме скорби тьма озарена не будет,
Коль свершения желаний до конца, до дна не будет, —
О Фуркат, от бед укрыться за стеной желает сердце!

273. НЕ ОБИЖУСЬ

О, побудь только миг! Не останешься — что ж,
не обижусь.

Вот тебе пиала, до конца не допьешь — не обижусь.

Не сержусь я совсем, укоришь, что негож, —
не обижусь.

Хоть какую виной сироту попрекнешь — не обижусь,
Даже имя мое хоть сто лет не тревожь — не обижусь!

День и ночь ты со мной, ты — мечта моей горестной
доли.

Кто ж еще, как не ты, исцелит мое сердце от боли?

О, прости мне грехи, умираю, и силы нет боле!

Мой соперник с тобой, и презренье сносить мне доколе?

Мне бы видеть тебя, а не глянув, пройдешь —
не обижусь!

Не придешь, но живи! Жив ли я или сломлен напастью, —

Даже ядом измен лечишь ты, как живительной сладью!

Навестишь или нет — не взыщу, не привык я к участию.

Если ты весела — мне ль томиться по большому счастью?

Хоть измучен тобой, а не спросишь — я всё ж
не обижусь!

Всё скажу я тебе, о Юсуф в одеянье пунцовом,

Пусть шалаш Зулейхи на пути твоём станет мне кровом!

Лишь с мечтой о тебе буду я и живым и здоровым,

Ты ведь шах красоты, я же нищ, — о, внемли моим
зовам, —

Ни слугой, ни рабом ты меня не возьмешь — не обижусь!

Здесь в Коканде, не видя тебя, не встречая, не жить мне,

Не обняв тебя ночью — не спать, дорогая, не жить мне!

Ведь измучусь совсем я, в разлуке блуждая, —
не жить мне.

Грудь ножом рассеки — не почую ножа я, — не жить мне!

А и мертвым не вспомнишь — и то ни на грош
не обижусь!

О луна моя — дева! Порадуй отверженных новью,
Разве трудно тебе снизойти, расспросив о здоровье?

Дух и тело темны, взор мой застыт мучения кровью,
Исцеленьем от мук хоть на миг подступи к изголовью,
А не вспомнишь Фурката, к нему не придешь —
не обижусь!

274. ОНА РЕЗВИТСЯ

Берегись любимой, сердце, — в эту ночь она резвится!
Луком бровь, ресницы — стрелы, взором глаз хмельна,
резвится,
Лунолика, кудри — кольца, прелести полна, резвится!
Всех вокруг лишив покоя, отрешив от сна, резвится,
Смелым шагом выступая, хмель испив до дна, резвится!

Будто из садов Ирама вышла пери горделиво,
Иль явилась из Кашмира дева, сказочно красива,
В шахском платье розоцветном, разодетая на диво,
Как владычица красавиц, и лукава и игрива,
И, в веселье позабывшись, словно бы пьяна, резвится!

О создатель, этой ночью пьем вино мы с той луною,
Кабачок бушует рядом суматохою хмельною,
Силы изошли из сердца, ум прощается со мною,
Я вот-вот паду, безгласен, и стенаю я и ною,
А она, глумясь, не видит, как душа больна, — резвится!

От вина лицо той розы все залито цветом алым,
Любо ей терзать мне сердце истязаньем небывалым,
Пьет она хмельной осадок в опьяненье одичалом,
И, совсем уже хмельная, вновь берет бутылку с фиалом,
И, совсем себя не помня, буйно от вина резвится!

А потом, хмельна, беспечна, в сад она стремглав
выходит,
И, смеясь и забавляясь, розы в прах поправ, выходит,
И, кудрями посрамляя завитки всех трав, выходит,
Соловьям рыдать от горя повеленье дав, выходит, —
Вот как дева, смутой тешась, в эти времена резвится!

Что хотел я — то и делал, был мне чужд удел иной,
А теперь ни в чем не волен — волю отняла судьба!

В доме радостей властитель, знал я счастье и почет,
А теперь туда не вхож я, сердце стонет от невзгод!
Прежде кто меня не славил? Разве только небосвод!
А теперь я в прах раздавлен кряжами лихих забот, —
Извела меня печалью, сокрушив дотла, судьба!

Прежде я лечил все беды нежной лаской той луны,
Промелькнуло счастье мимо, ласки были неверны!
От разлуки грудь и сердце кровью сплошь обагрены,
Все надежды в прах разбиты и с землею сравнены, —
Мне послала мук без счета, бедствий без числа судьба!

В цветнике надежды цвел я, словно молодой росток,
Налетел самум несчастья — как былинку, тело сжег!
Ведь никто еще на свете горя избежать не смог, —
О Фуркат, не жди от неба ни участия, ни подмог, —
Даже почести на свете не в почет дала судьба!

276. ТВОИ КОСЫ

У розы твоего лица — как гиацинта пряди — косы,
От головы до самых ног волной спадают сзади косы,
Как Хумаюново перо, в отливах черной глади — косы,
Как Джебрайлово крыло, в узорчатом наряде — косы, —
О, преданно ласкать позволь ты милосердья ради косы!

Когда, витками кос сверкнув, ты томно вышла, дорогая,
Лишила речи ты людей, на сазе тихо песнь слагая,
И так чудесно пела ты, что посрамила попугая,
И покраснелась от вина, лукавством ум мой в боль
ввергая,
И были с тонким станом впрямь в согласье, в дивном
ладе косы!

Доколе ж милости твоей мне ждать, тая на сердце рану?
О, призови меня к себе — и я твоею жертвой стану, —
Не видя розы уст твоих, я, как больной цветок, увяну,

Я жизнь, как дар, тебе отдам, томясь по кипарису-
стану, —
Меня дурманят вновь и вновь — при каждом нежном
взгляде — косы!

Не тщись соперникам внимать — пускай назойливы
их крики,
Красуясь, скакуна гони, несись, скачи в веселом гике,
И пусть тебя молитвой чтут, как я, такие ж горемыки,
Да будет твой удел велик и радости твои велики, —
Врагов пусть губят, как дракон, укрывшийся в засаде,
косы!

Я обошел весь мир земной, бродя скитальцем безустанно,
Такой, как ты, я не видал от Рума и до Исфагана,
В Коканде, в Оше не встречал, не видел в землях
Андижана, —
О, сжался, я твой верный раб, служу тебе давно
и рьяно, —
Набрось арканом, — затянуть на шее жертвы ладя, —
косы!

Возьмешь ты бубен — и твой лик, порывом обуян,
трепещет,
Пройдешься, головой встряхнешь — и каждый талисман
трепещет,
И каждая из чудных кос, обвивших тонкий стан,
трепещет,
Вся трепетная статья твоя, мне грудь язвя до ран,
трепещет,
И выются, выются вокруг тебя в своем душистом яде
косы!

А для меня твой дом, твой сад навек прекрасней райских
кущей,
Волшебный стан твой — краше роз, прямей, чем
кипарис цветущий!
О, позабыт тобой Фуркат в любви, его к тебе влекущей,
Он бедный раб, служитель твой, тебя с молитвой
скромно ждущий, —
«О, не губите!» — просит он с мольбою о пощаде косы,

277. ПРЕЛЕСТНЕЙ РОЗЫ

Ты прелестней розы ранней, — да падет во прах
твой раб!
Кипариса прямостанней, — да падет во прах твой раб!
Лик твой свежих роз румяней, — да падет во прах
твой раб!
Нет красе твоей названий, — да падет во прах твой раб!
Ты прекрасней всех созданий, — да падет во прах
твой раб!

От любви к тебе безумны, как Меджнун, злосчастны все,
В цепях кос твоих, как в путах, гибнут ежечасно все,
Что захочешь — то и делай, ведь тебе подвластны все,
У любви твоей во власти, как рабы, безгласны все!
Красотой ты — в высшем сане, — да падет во прах
твой раб!

В мире нет тебе подобной, и как ты прекрасной — нет,
Восхитительной, прелестной, лучезарной, ясной — нет,
Розоликой, стройной станом, с поступью столь
властной — нет,
Рассудительной, разумной, мудрой, сладкогласной — нет!
Красоте твоей нет граней, — да падет во прах твой раб!

По дороге тех, кто верен, ты ни разу не прошла,
Умирал я — не взглянула, как мне мука тяжела,
Сердце бедное жалея, к изголовью не пришла,
Не спросила: «О несчастный, от какого гибнешь зла?»
Ты ж не чужда состраданья, — да падет во прах
твой раб!

Хватит! От очей жестоких я немало мук терпел!
Луками бровей не целься, не мечи смертельных стрел, —
Мир таких еще не видел, кто б спастись от них сумел,
И не диво, коль от смуты целый мир не будет цел!
Ты — луна всех мирозданий, — да падет во прах
твой раб!

Хоть никто с тобой вовеки единенья не достиг,
Мне б хоть раз побыть с тобою, лишь один единый миг!

Жизнь бы отдал за мгновенье быть с тобой и зреть
твой лик!
Где ж обет твой быть со мною, — вот чего я не постиг!
Молвила б: «Ты — всех желанней!» — да падет во прах
твой раб!

«Ты — любовь моя, отрада!» — так тебе я говорил,
«Друг в беде, души услада!» — так тебе я говорил,
«Сердце быть с тобою радо!» — так тебе я говорил,
«Ты — как ясный свет для взгляда!» — так тебе
я говорил.
И не знал, что я в обмане, — да падет во прах твой раб!

Ах, доколе дни рыданий будут длиться, — где ж ответ?
Так и миг свиданья станет не во благо, а во вред!
Жизнь проходит в испытаньях, длится ночь, а где ж
рассвет?
Да бывало ли исламу от очей так много бед!
Ты для веры — гнет страданий, — да падет во прах
твой раб!

Долго ль ждать тебя Фуркату, кровь глотая на беду?
Ждал, придешь ли, ждал и умер, — хоть и умер я, а жду!
Жду в мой дом, как душу в тело, — о, приди, оставь
вражду,
Не придешь, души услада, — душу смертью изведу!
Есть ли где жестокость рьяней? — Да падет во прах
твой раб!

278. ЛЮДИ НЕ ПОЙМУТ

Не поймут моих бедствий люди, я тепла людского лишен,
От отчизны вдали скитаясь, я друзей, их слова лишен,
Как безродный, бездомный нищий, я всего земного
лишен,

На далекой чужбине кинут, одинок я, кровя лишен,
Как заблудшая птица маясь, я гнезда родного лишен!

Что ни миг, то новые беды тучей вьются над головой,
Что ни миг, опаляет сердце новой мукою огневой,

Стрелы мук небо в грудь мне мечет, изогнувшись
тетивой, —
Будто жив я, а все гадают: мертв ли я иль еще живой, —
Вид мой будто схож с человечьим, да всего живого
лишен!

Если брошен я на чужбине, то всему причина одна,
Если слезы я лью в кручине, то всему причина одна,
Если, хворый, скитаюсь ныне, то всему причина одна,
Если крова нет и в помине, то всему причина одна:
Отлучен от порога милой, я всего сурово лишен!

Ах, пленен я, пленен безумно красотой лукавой и злой,
Я в разлуке измучен сердцем, взор — в слезах, будто
застлан мглой,
Опаленный пламенем страсти, в прах сожженный, я стал
золотой,
Весь дотла я спален любовью, вместо тела — лишь
пепла слой, —
Я и малой приметы жизни бурей вихря злого лишен!

Если плачу я, где бы ни был — в море, в долах, —
в том дива нет,
Если перлы из глаз роняю слез тяжелых, — в том дива
нет,
Не жалейте, друзья, таких вот — в горе квелых, —
в том дива нет,
Коль горяч соловьиный стон мой, словно всполох, —
в том дива нет, —
Вешних кущ я, где зреют розы и цветут пунцово, лишен!

Если мне такую недолю даровал бег времен —
как быть?
Если горьким попреком стали мне и пища и сон —
как быть?
Если влаги в жестокой жажде и глотка я лишен —
как быть?
Если тусклым солнцем чужбины светит мне небосклон —
как быть?
Я навек и защиты неба и его покрова лишен!

Ведь того, кто мужеством славен, храбрецом завзятым
зовут,
Кто в беседы друзьями принят, все его собратом зовут,
Кто заброшен в степи забвенья, их удел проклятым
зовут,
А меня по этой причине жертвой бед — Фуркатом
зовут, —
Сколько лет я забыт любимой — и любви и зова лишен!

279. Я ОТТОРГНУТ

Я от кущ родимого сада, как от роз соловей,
отторгнут,
От моей чаровницы стройной и от розы моей отторгнут,
Кровью сердца я от любимой что ни день всё сильней
отторгнут,
Мой приют теперь на чужбине, я отчизной своей
отторгнут,
Словно птица от мест гнездовья, от родимых ветвей
отторгнут!

Только вспомню уста-рубины — обливается сердце
кровью,
А припомню глаза-нарциссы — сникну я, где ж тут быть
здоровью!
Высох я — лишь кожа да кости, — так в разлуке
сожжен любовью.
«Будто жив, а с людьми не схож он!» — предается
народ злословью.
В ком разлад меж душой и телом, тот навек от людей
отторгнут!

Помутился вконец рассудок, а виною — одна причина,
Если темен мой ум, а разум не со мною — одна
причина,
Если я заблудшим ягненком, бляя, ною — одна причина,
Если я расстался с родимой стороною — одна причина:
Я от той, что милостью сердца всех на свете добрей,
отторгнут!

Как безумный Меджнун, скитаюсь, клича призрак Лейли
в пустыне,
Я закован накрепко в цепи, нет ума во мне и в помине,
Ведь любой по уму и силам путь себе избирал доньше, —
Не судите меня за прихоть мыкать горе в дикой долине:
Я, как пес, забыт караваном, в глушь пустынь и степей
отторгнут!

Я изранен вконец печалью, грудь открыта гибельным
стрелам,
Обессилен жестокой мукой, рухнул я изможденным
телом,
Славен бог, пред ним хоть чист я и служу ему добрым
делом!
А любовью дотла сожжен я, — пеплом, прахом ставши
горелым,
Вихрем бедствий я в глубь пустыни — так, что нет
и вестей, — отторгнут!

Лишь припомню я сад цветущий — времена отошедшей
были —
Повесть бед моих мне расскажут лепестки облетевших
лилий,
Скажут розы в крови багровой, как шипы мою боль
язвили,
По листочкам увядшей розы я прочту об остывшем
пыле, —
Я в мирском цветнике от песен, как больной соловей,
отторгнут!

Ты — как солнце небес величья, ты — луна в высях
их чертога,
Ты — владычица стран предвечных, ты — светило
у их порога,
Всё величие Искандера пред тобой во прахе убого,
Ты царишь над пределом истин, тайн сокрытых ведаешь
много, —
Я от той, что всех совершенней, благородней, мудрей,
отторгнут!

Как мне жить меж людей безбедно, чтоб не гнула
 меня кручина?
 А сказать о моем сиротстве или скрыть его — всё едино!
 Что за прок от моих дестанов, будь стократ в них
 длина аршина?
 Как найти мне такое средство, чтоб минула меня
 чужбина?
 Я вращеньем небесной выси от надежды моей отторгнут!
 Кто увидит мой стан согбенный: «Это — тяготы
 страсти!» — скажут,
 Про недуги больного тела: «Это — злые напасти!» —
 скажут,
 «Где же видано, чтоб изгнанник ведал дружбу
 и счастье?» — скажут,
 «И „Фуркат“ его имя в людях — за такое злосчастье!» —
 скажут.
 Сколько лет я от той жестокой, сколько тягостных дней
 отторгнут!

280. ТЫ САМА

Что мне розы! Словно в зависть розам рдяным ты сама!
 Что сосна! Чета самшиту стройным станом ты сама!
 Прямостанна, с ликом дивным и румяным ты сама,
 Посрамила все бутоны по полянам ты сама,
 Украшение всем кущам и бустанам ты сама!

На земле ничком лежу я, истомлен и хил, в тиши.
 О, даруй мне тень от зноя и страданья заглуши!
 Где конец и где начало — я не знаю, — разреши!
 Без тебя устало сердце, нет покоя для души, —
 О, приди! Отрада сердцу, помощь ранам — ты сама!

Плавной поступью пленяя, ворожа игрою чар,
 Ты в больной душе и в теле распалёшь тайный жар,
 Ты вселенную очами обрекаешь сотням кар,
 Мир сражен твоим лукавством, в смутах все — и млад,
 и стар, —
 Повелитель всем тиранам, всем смутьянам — ты сама!

Мир не знал тебе подобных, розоликая, вовек,
Стан твой — диво совершенства в цветнике любви и нег,
За твою любовь и ласку жизнь положит человек,
В стан рабов твоих влюбленных совершаешь ты набег,
С трона красоты даруешь власть всем странам ты сама!

Видя стан твой, все деревья вмиг согнулись до земли,
И, к устам твоим ревнуя, розы кровью истекли!
Не найти ни уст, ни стана, как искать их ни вели, —
Как бы люди ссор и распрей из-за них не завели —
Так славна устами-точкой, тонким станом ты сама!

Перед зубками твоими жемчугам в Адене — стыд,
Пред рубинами-устаами яхонтам в Йемене — стыд,
Перед томными очами затаят олени стыд,
Попугаям сладкогласным от твоих речений — стыд, —
Ведь славна наречьем сладким и медвяным ты сама!

Кипарис мой! Ты лукаво мне твердишь: «Не прекословь,
Только млеть, Фуркат, ты можешь, жизнь не отдал
за любовь!»

Полно! Лживым порицаньем не терзай мне сердце
в кровь,
Ты сама обеты рушишь, изменяя вновь и вновь, —
Не любя, жестоко мучишь злым обманом ты сама!

281. НИКТО

Не снесенных мной страданий в мире не найдет никто,
Мной не веданных не сыщет бедствий и невзгод никто,
Расскажу — моих мучений, верно, не поймет никто, —
Ведь не стерпит из влюбленных столь же тяжкий гнет
никто,
Даже слов об этих бедах не перенесет никто!

В горестях любви вращаться, как небесный круг, я стал,
Неприкаянным скитальцем всех земных округ я стал,
Я от горя умираю, пленником разлук я стал,
Напролет все ночи плачу, изнывать от мук я стал, —
Не идут друзья проведать, как наперечет — никто!

Рать печали набежала, плоть мою лишила сил,
Гнет разлуки жилу жизни в тонкий прутик превратил,
От набегов войска скорби сердце потеряло пыл,
Гнёт лихих мучений стан мой, словно букву «даль»,
Мысли тонки, как ресницы, — их не разберет никто!

Как ночами я томился, в горе одиноком был,
В кровь изранен, вечной жертвой я людским попрекам
Мало этих двух напастей, — я раздавлен роком был,
Ах, да что там — я в несчастье, горьком и жестоком, был!
Но со мной, как друг, не ведал тех моих забот никто!

Радостно бродить по свету тихим долом я хотел,
Жить беспечно, ставши другом всем веселым, я хотел,
С ними быть, цепляясь крепко к их подолам, я хотел,
Помогать другим в уделе их тяжелом я хотел, —
Всем мечтам моим напрасным не изведал счет никто!

Все, кому я полюбовно доброй верностью радел,
Мне любовью не платили, мук без счета дав в удел,
Нету равных мне в злосчастье, кто бы столько бед
Все, кому я стоكرат был верен, клали верности предел, —
Видно, верных в мире нету, верность не блюдет никто!

Сколько мыкался по свету, день и ночь сбивался с ног,
Сколько дел я переделал, сколько бед я превозмог,
На любой служил с усердьем, сколько ни было дорог!
Хоть сложил и жизнь и душу я у многих на порог,
Всё напрасно: не увидел этот мой извод никто!

Долго в мире я метался, одержимый суетой,
На беду себе сгубил я жизнь бездумностью пустой,
Благ смирения не знал я, занят глупой маемой!
Шел я гибельной дорогой, а уйти с дороги той
Не помог, пока не подал руку доброхот, никто!

Так вот жил я, неразумьем годы меряя, увы,
Не сберег себя от скверны лицемерия, увы,

Мне просветом и не брезжил мрак безверия, увы,
Жизнь прошла, и горько каюсь в той потере я, увы!
Жаль, не смог мне в той гордыне указать исход никто!

Помышлял я днем и ночью лишь о зле мирских сует,
Доброго служенья старцам не исполнил я обет,
Так вот — в безысходном сраме, — я влачился много лет!
Мне б о вечной жизни думать, совершать добро, —
так нет!
Зло вершил, с каким не знался — знаю наперед — никто!

Все заблудшие — мне братья, все злосчастные — друзья,
Все, кому мечи страданий в грудь вонзили острия;
В прах унижен, приклонился головой на камень я,
Я — родня в пустыне бедствий всем, кто бродит без
жилья, —
Слезы лью в приюте горя, как вовек не льет никто!

В мире каждый, кто спознался с муками и злом любви,
Кто благой душою принял тяжкий гнет истом любви,
Шагом красоты обласкан, будет позван в дом любви,
Будто милостыней нищий, наделен добром любви, —
Я ж у милой двери счастлив, где не знал щедрот никто!

Сломлен страстью к дивной пери, я томлюсь в плену,
Фуркат,
Словно горлица, стенаю, люб мне томных песен лад,
Жала стрел — ее ресницы, брови саблями разят,
Я, как сыч среди развалин, скорбной думою объят,
Но ко мне из всех красавиц гостей не придет никто!

282. УВИДЕВ

Мухаммас на газель Навои

На тюльпаны грех смотреть, твой румяный лик увидев,
Не смотрел бы на нарцисс, взор твой хоть на миг
увидев,
Гиацинт хвалить грешно, кос твоих тайник увидев,
Разве вспомнишь райский дуб, стройный стан-тростник
увидев,
Позабудешь райский сад, чар твоих цветник увидев!

Ах, какую красоту я узрел, о дева, разом:
Лишь взглянула, лик открыв, — отняла и речь и разум!
Не подумай, что сей вид подсмотрел я черным глазом:
Вижу, будто бы Биляль — у ручья, под райским вязом, —
Так и обмер, мушек чернь, уст живой родник увидев!

Луноликая, яви лик свой дивный ради бога,
Мне, несчастному, — тоска, и сомненье, и тревога:
Как увижу свет красы — плачу, словно от ожога,
Будто прямо на меня солнце катится полого,
И дивлюсь я, в небесах отраженный блик увидев!

Страж мирского цветника сгинул в небыль в гнев
рьяном,
Кипарисов не найдя на тебя похожих станом!
Розы кинул соловей, вдохновлен лицом румяным,
Даже ангелы в раю разбежались по полянам,
Сколько прелести твой стан в грации достиг, увидев!

От печали по тебе сердце угнетенно сжалось,
Тень от стана твоего в добрый час согнала вялость,
Я по родинкам рыдал, роза уст твоих смеялась,
Томный взор твой ворожил, речь твоя явила жалость,
Разум понял их обман, всё коварство вмиг увидев!

А от кос твоих душе каждый миг страданья люты,
Не дохнет их аромат — нет покоя ни минуты,
Мне судьбою суждены помраченья злые пути,
Новолунье — всем в добро, ну а мне — одни лишь смуты:
Я безумьем одержим, серполунный лик увидев!

У тебя от мук, Фуркат, — не холодный вздох, а пламя,
Желт лицом ты, истомлен, плачешь красными слезами,
Не лежи здесь, рухнув ниц, мук своих не множь
во сраме!

Навои, ступай и ты, будет милосердьё с вами,
Может, сжалится она, муки горемык увидев!

283. СДРУЖИТЬСЯ

Мухаммас на газель Навои

Сердце хочет с той прекрасной гурней живой
сдружиться,
С красотой ее лукавой, светло-заревой сдружиться,
А от страсти обезумев, с мудрой головой сдружиться!
Диво ль, что я смог с любимой, осужден молвой,
сдружиться, —
Ведь безумному Меджнуну с пери не впервой сдружиться!

Тщетно точку уст ищу я, нет покоя никакого,
И доколе жив — не жду я ни о чем другом ни слова,
Пусть умру — любовь не выдам, не исторгну даже зова,
Любы мне уста-рубины, хоть и губит взор сурово, —
Смерть не в грех, когда с Мессией человек живой
сдружится!

Нет ни горя, ни убытка мне в глухом углу притона,
Черепок мне — кубок Джама, жбан пустой — моя корона,
Мне похмелье — вместо друга, страх забыт во время оно,
А подаст вино святоша, мне и лихо — не препона, —
Смог я с тем, кто хмель дарует чашей круговой,
сдружиться!

Если слёз от крови сердца в помраченных взорах много,
Это слезы — от каменьев злой судьбы, которых много!
Не корите, что со мною — сплошь безумцы, хворых
много, —
Ведь всегда в кудрях безумцев — буйных прядей ворох,
много!
Кто безумен, тот с безумным — со своим же свой —
сдружится!

Пусть настанут сотни весен в цветнике мирского сада, —
Коль рейхан и гиацинты не цветут, не тешат взгляда,
То не лучше ль жить в темнице, где печаль — и то
отрада!
Мне вовек ни кипарисов, ни цветущих роз не надо,
Коль нельзя с тем кипарисом, с розой огневой
сдружиться!

Пред лицом ее ничтожно даже яркое светило,
Высь небес пред ней всю землю поцелуями покрыла,
Для очей моих иссохших прах пред ней — и свет, и сила,
Мир в разлуке с нею темен, в нем и солнце не светило,
Если та краса не может с горней синевою сдружиться!

Нету доли, чем недужить у ее порога, лучше,
Пусть не чтит, — с ее презреньем жизнь влачить убого —
лучше,

Не со мной добра — с другими, — право, нет залога
лучше:

Сотен солнц и чаши Джама для меня намного лучше
С той, что льет хмельной осадок муки горевой,
сдружиться!

Не марай себе подола: жадность — хуже грязной лужи,
Столь презренного порока не бывало в мире хуже,
Будешь в суетных заботах да еще в беде к тому же;
Не дружи с мирской тщетою, чтоб тебе не стало туже,
Лучше с теми, кто отвержен, — вот что ты усвой! —
сдружиться!

О Фуркат, и чаша яда не всегда худа от друга,
Не таи, — мол, я обижен, — сердце никогда от друга,
Не уважит друг — и в этом нет подчас вреда от друга!
Навои, коль друг враждебен — не страшись суда
от друга, —
Там, где друг, там есть надежда, — значит, жребий
твой — сдружиться!

284. КОГДА ПРИЙТИ БЫЛА ГОТОВА

Мухаммас на газель Навои

Когда она, смягчась душой, ко мне прийти была готова,
В разлуке я изнемогал, всечасно мучился сурово.
И вдруг она в мой дом пришла — под сень заброшенного
кровы, —
Витки кудрей спустив на лик как бы завесою покровы,
Зардевшись розой, и спеша, и раздумяившись пунцово.

Грозил мне казнию меч ее — бедой отточенное жало,
А очи — будто мир пленить внезапно войско набежало,
Жестокий взор чреда ресниц, как будто стража,
И в каждой, как коварный враг, таилось острое
И косы обвивали стан, светясь от мускуса лилово.

Когда я разум потерял и речь мне немотой томило,
А сердце и душа навзрыд стонали горько и уныло, —
Ты, чаровница, мне в ночи зажглась, как яркое светило,
Как будто в мрачный мой приют, пылая, солнце вдруг
И я пылинкою дрожал в лучах сиянья золотого!

О, как тот вечер светел был, каким тогда я был
Когда моя отрада вдруг вбежала, дверь открыв порывом,
И я сказал: «О, снизойди к моим безропотным призывам!»
И улыбнулась мне она, дыша участием терпеливым,
И было краше перлов мне в ее речах любое слово!

«Поверь мне, — молвила она, — ведь я тебе верна, —
Ведь я, разлукой истомясь, теперь к тебе нежна, —
Ведь верностью подобных мне не знали времена, —
О горький воздыхатель мой, — сказала мне она, —
А я, растерянный, молчал, не в силах молвить
и полслова!

Мой горький дом узрев, она скорбела, всей душой
И сжалилась, и завлекла, и понял, как она добра, я!
Ей внятн стал мой скорбный хмель, что пил я, в горе
И мне она вина дала, наполнивши бокал до края,
А хмель испив, она меня стократ гнула лукавством
снова!

«Что, видно ветер ласк и нег волненью твоему
причиной, —
Не расцвела ль твоя мечта в ответ на стон твой
соловьиный?
С чего ж ты так внезапно смолк, как будто сломленный
кручиной?
Эх ты, Меджнун! Узрел меня — весь ум утратил в миг
единый!
Хоть слово молви, будь смелей хотя бы от вина
хмельного!»

Ее лицо, ее глаза так властно звали к поцелуям:
«Не отрывай от уст уста, лобзанья страстные даруй им!»
И я не смог сдержать себя, словами нежными волнуем,
Я пал без чувств и застонал, как стонем мы, когда
горюем, —
Нет, не вином я был сражен, а негой ласкового зова!

Когда любимая придет, Фуркат, где ж быть тут
сновиденьям?
В любую пору ночь встречай всечасным неусыпным
бденьем,
Внемли наставникам любви, урокам их и наставленьям!
И да изгонит муку сна навек ночным увеселеньем, —
Ты сна не знай, как Навои, вплоть до судилища
земного!

285. ЖИЗНЬ ОТДАМ

Мухаммас на газель Физули

Жизнь свою за гибкий стан твой вместо дани я отдам,
За твои слова дар речи как даяние отдам,
Сто сердец тебе как жертву я заранее отдам,
За глаза твои, за мушки кровь рыданий я отдам,
Я за лик твой алый слезы — нет багрянее — отдам!

Я совсем сгорел в разлуке — весь, от головы до ног,
Я — Меджнун в степи безумья, гол, оборван, одинок,
От огня любви я гибну — так огонь мне тело сжег,
Почернев от скорбных стонов, стал я жалок и убог, —
Пусть себя за жаркий лик твой на страдания отдам!

Жарки стоны у влюбленных — нет суровее огня,
Даже самый жгучий пламень этим стонам — не родня!
Будь, шахиня, милосердна, нищих гневом не казня, —
Стал я как ущербный месяц, страсть к тебе сожгла
меня, —
Солнце ты, тебе я душу за сияние отдам!

Пусть твоей паду я жертвой, — тело муки не снесет,
С каждым часом мук всё больше, силам наступил исход,
Лишь мучения разлуки мне дарует небосвод!
Пусть душа моя погибнет, ей не вынести невзгод,
Жизнь я за одно лишь слово о свидании отдам!

Истекли в тоске ручьями очи на твоём пути.
Сжался! Ведь тебе не в тягость хоть бы раз ко мне
прийти.

Как Якуб, в лачуге скорби я томлюся взаперти,
Где ж подобного Юсуфа сможешь ты еще найти?
За твою красу себя я на заклятие отдам!

Если к шейхам-лицемерам в ханаку хоть раз пойдешь,
Сердцу в их обмане — гибель, душу изведет их ложь!
Люб Фуркату винный погреб, только там покой найдешь,
Послужи хмельным утехам, все печали уничтожь!
Физули! Всю жизнь за это в воздаяние отдам!

286. ПРО ЛЮБОВЬ НЕ ПЫТАЙ

Мухаммас на газель Машраба

Я влюблен, околдован страстью, про любовь мою
не пытай,
Опален я любовным жаром, а кого люблю — не пытай!
Где скитался — в морях, на суше, жил в каком краю —
не пытай.
Ветер! В горе я, путь-дорогу к моему жилью не пытай.
Как, дотла огнем опаленный, вновь и вновь горю, —
не пытай!

От коварств неверного рока было бедствий немало мне,
От рыданий по скорбной доле все глаза застилало мне,

Тешить сжатое мукою сердце лишь мечтами пристало
мне!
Если ж вспомнит Лейли скитальца, — сколько б писем
ни слала мне,
Ты вовеки не гож в Меджнуны, — что́ я в них таю, —
не пытай!

Лишь свободный от мук страданья счастье радостной
воли знал.
Разве кто-нибудь из бездольных о властительной доле
знал?
Кто ж из тех, кто мудр разуменьем, мрак простецкой
недоли знал?
Только тот, кто бродил без крова, жизнь скитальческой
голи знал!
Если ты — не собрат в несчастье, — что за слезы лью,
не пытай!

Страсть любви повергла в безумье, мне с дороги бед
не свернуть,
В сокрушенном от горя теле дух мой мечется, словно
ртуть!
Счет потерян печалям сердца, — свой укор, отшельник,
забуди, —
У не ведавших этой муки не дымилась от жара грудь, —
Если сердцем не знал ты скорби, про беду мою не пытай!

Только с диким зверьем да с птицей я дружу, оборван
и гол,
И не знаю, тропой ли доброй или злою стезей я брел!
Я по свету бродягой маюсь от набега невзгод и зол,
Я отторгнут в страну бездомных, стал мне люб
бесприютный дол, —
Джебраилом любви парю я, где полет взовью —
не пытай!

Но прошел я огонь и воду, не пытаюсь с пути свернуть,
Времена мне дарили милость, не карая меня ничуть,
Чтил всегда закон шарията, только праведный знал я
путь,
В море милости растворил я тленной плоти земную суть.
Если истины ты не ведал, что за перл таю — не пытай!

Коль на эту стезю вступил ты, все возьми, что тебе
 далось,
 Будь доволен смиренной долей, испытанья пройди
 насквозь,
 А назвался, Фуркат, скитальцем — не рыдай и стенанья
 брось!
 Если жемчугом стать Машрабу в море мудрости
 довелось,
 Ты о перлах, добытых мною, если чужд чутью, —
 не пытай!

МУСАДДАСЫ

287. ОТПУСТИ НЕВОЛЬНИЦУ

О, вызволи лань, зверолов, ей любо на воле, как мне,
 Скинь сети, ведь ей нелегко в сиротской юдоли,
 как мне,
 Без друга бродить суждено и ей поневоле, как мне,
 Ей счастья в удел не дано в злосчастной доле,
 как мне!
 Впились в нее стрел остря, ей трудно от боли,
 как мне,
 Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли,
 как мне!
 Обрежь ей тенета, пусти — помчится прыжок за прыжком,
 Чужбина ей — мука и гнет, смертельный недуг ей
 знаком,
 Пускай она в дальних горах резвится с любимым вдвоем!
 Что сто́ит тебе? Отпусти, не мучь ее тесным силком!
 Впились в нее стрел остря, ей трудно от боли, как мне,
 Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли,
 как мне!

И пусть лишь в недолгом плену побудет с тобою она,
 Пусть в играх-забавах подруг бежит с их гурьбою она,
 Напьется из горных цветов водой дождевою она,
 И в смертный свой час о тебе вспомянет с мольбою она!

Впились в нее стрел острия, ей трудно от боли, как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли,
как мне!

Скитальцев бездомных не счесть, а ты — одного пощади,
Из бедных собратьев твоих одно существо пощади,
От слез твоя жертва дрожит, и всё в ней мертво, —
пощади!

Не жаль тебе? Это — твой друг, — хоть ради того
пощади!

Впились в нее стрел острия, ей трудно от боли,
как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли,
как мне!

Весной по зеленым холмам тюльпаны меж гор зацветут,
И тесно ей станет от уз в плену у безжалостных пут,
Не вырвется — так и умрет в лихом одиночестве тут,
А вырвется — снова ловец на шее затянет ей жгут!
Впились в нее стрел острия, ей трудно от боли, как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли,
как мне!

Ведь ты приневолил ее, аркан свой сумел затянуть,
Ты жертву волок на убой, тащил, не жалея ничуть,
Тюльпанами рдеющих ран, как клеймами, сжег ее грудь,
А хочешь продать — лучше мне продай ее, милостив
будь!

Впились в нее стрел острия, ей трудно от боли, как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли,
как мне!

Она помраченным в уме, от мук бесноватым сродни,
И чаще, исполненной слез по скорбным утратам, сродни,
Погибшим в потоке сердцам, на части разъятым, сродни,
Ей павший от мук Сагдулла, воспетый Фуркатом, сродни!
Впились в нее стрел острия, ей трудно от боли, как мне,
Всё сердце у ней сожжено, всю грудь ей вспороли,
как мне!

288. ИНЫХ ЖЕЛАНИЙ НЕТ

Трое нас — гуляк бездомных, кабачок нам — целый свет,
У кувшинов мотыльками вьемся, трое непосед,
Одержимы и хмельны мы, от вина впадаем в бред,
Мы забыли кров родимый и мирских не знаем бед!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое горемык, мы бродим за любимую вослед,
Мы за ней идем до дома — от людей на нас навет!
Опьянеем, захмелеем — от ума пропал и след,
Не боимся мы ловушек, и приманка — нам не вред!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое нас, мы — каландары, нас связал один обет,
А к другим, увы, не вхожи, дом чужой для нас — запрет!
Где вино, где наши чаши? Не осталось и примет,
В кабачке хозяин гневен, к нам учащем не согрет!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое братьев, всех зовем мы с нами обрести покой,
Каландарами скитаясь, обойти весь мир мирской,
Пред наставником склониться со смиренностью такой,
Чтобы вытерпеть все муки, данные его рукой!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое странников, зовем мы всех поведать, кто — какой,
На врагов излить обиду, поделаясь своей тоской,
С нами тишь найти в смиренье, что дается ханакой,
Или в кабачке укрыться, мир закрыв дверной доской!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое бедняков, зовем мы с нами плакать день-деньской:
Кто печален, кто обижен — с нами сердце успокой!
Мы мирским пренебрегаем, не блюдем закон людской,
Воспарим мы соловьями, нам заботы — никакой!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое скорбных, в сад с собою — кто не горд, того зовем,
С соловьями порезвиться на простор того зовем,
Мы из листьев, роз и веток жечь костер того зовем,
Сорок присных нам не надо, мы четвертого зовем!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое нас — скитальцев, всех мы выйти в сад гурьбой
зовем,
С соловьями потягаться всех, кто смел, с собой зовем,
С кипарисами повздорить — «Выходи любой!» — зовем,
Горлинок стыдить стенаньем мы наперебой зовем!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое верных, всех, кто хочет, выйти в сад гулять зовем,
Разделить в саду любимой с нами благодать зовем.
Спать любимой не давая, «Время зря не трать!» —
зовем,
То мы сами засыпаем, то ее вставлять зовем!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое горемык, мы вместе чудной девой пленены,
День и ночь в мечтах мы с тою, чьи слова как мед
вкусны.
Как-то раз мы к ней приходим, смотрим — спит
и видит сны,
Видим: с нею врач-целитель — в изголовье той луны!

Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое грустных, мы приходим — с ней соперники-лгуны, —
Не от этой ли причины перн спит и видит сны?
Мускусом благоухая, пряди кос расплетены,
Блеск испарины подернул щеки томной белизны.
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Трое нас — кутил, пришли мы — видим: спит и видит
сны, —
Знать, от муки и страданий плотно очи смежены,
На постели распростерта, и все члены холодны, —
Видно, мы пришли напрасно из далекой стороны!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Ах, зачем пришел к подруге ты, неумный, вздорный врач?
Ты — наш недруг и соперник, в глупостях упорный врач!
Отойди, ты здесь не нужен, лживый и притворный врач!
Лишь вздохнем мы — ты погибнешь, кончишь смертью
черной, врач!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Ах, зачем же сел ты рядом с ней — с такой красивой,
врач?
Мало сделал, а желаешь быть с большой поживой, врач!
Не подмешивай подруге зелье в пищу, лживый врач!
Лишь застонем мы — сгоришь ты, — отойди, спесивый
врач!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

Ах, зачем сюда пришел ты — по какой причине, врач?
Сам ты всех погубишь жаром, в самозванном чине врач!

Отойди, ты здесь не нужен, в сладостной личине врач!
Эй, остерегись Фурката, ты — как ни лечи — не врач!
Кто любим — тот будет с нами, кто красив — тот наш
сосед,
Если так прожить удастся, то иных желаний нет!

289. Я НЕ МОГ

В зимний холод тепла никогда отыскать я не мог,
Яд усладой запить никогда я, о братья, не мог,
Сладким хмелем любви горький разум попать я не мог,
Сколько было мне мук — я забыть их проклятья не мог!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Небосвод не радел мне ни разу во все времена,
Сколько я ни стонал, а судьба была злобе верна,
Мир меня не щадил, уж, казалось, измучив сполна,
Спало счастье мое, не очнувшись от тяжкого сна!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Жизнь проходит, увы, подневолен утратам я был,
Хоть бы раз на земле счастьем жизни богатым я был,
Под поклажею мук непрестанно горбатым я был, —
О, когда б среди людей их достойным собратом я был!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Кто — утечи в любви с девою, дивно красивой, обрел,
Кто — плоды всех услад в кущах жизни счастливой
обрел,
Кто — раденьем судьбы свой удел справедливый обрел,
Кто — в Ташкенте, в торгах, свое счастье наживой
обрел!

Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Горько юность прошла — лишь утратами срок ее мерь,
Как ни тщился, не смог отпереть я заветную дверь,

Дом надежд моих пал под ударами бед и потерь,
От огня моих мук стало сердце кебабом теперь!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Жизнь летела стремглав, и в душе мне изъяны не счесть,
На груди моей язв, что от крови багряны, не счесть,
А на теле моем сколько горестных ран — и не счесть,
В сердце — ноющих клейм, что цветут, как тюльпаны,
не счесть!

Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Для чего же я жил, так страдая жестоко, — увы,
Для чего свет очей был мне дан волей рока, — увы,
Вот и жизнь прожита без удач и без прока, — увы,
Сколько горестных дней прожил я одиноко, — увы!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

На мирском торжестве я душою горел, как свеча, —
Чадом горе вилось, боль рыданий была горяча,
Каждый день, каждый миг был я жертвой в руках
палача,

Весь истерзанный, я изнывал, свою муку влача!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

Ах, лишили меня всех веселых услад небеса,
Затемнили мне свет горькой ночью утрат небеса,
Не на миг — навсегда мне страданья сулят небеса,
Даже пользу во вред обернули, Фуркат, небеса!
Я подругу найти, разделить с ней объятья не мог,
И в ночной тишине с ней отрады познать я не мог!

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи Мукими и Фурката уже при их жизни широко распространялись как среди читателей, так и (еще шире) среди слушателей, многие были тогда же записаны, в частности самими авторами, включены в рукописные сборники (диваны и баязы), из которых немалое количество сохранилось либо было найдено в последующие годы; такие рукописные собрания ныне хранятся в фондах научных учреждений, вузов Ташкента и Коканда, а также у частных лиц. Работа по выявлению доселе неизвестных произведений обоих поэтов никогда не прекращалась и постоянно приносила плодотворный результат (см. вступительную статью, с. 10, также примечания).

Еще при жизни Мукими и Фурката отдельные их произведения печатались на узбекском языке в «Туркестанской туземной газете», в научных изданиях того времени (см. примечания).

В период 1907—1917 гг. выходили в свет скудными тиражами небольшие сборники стихотворений Мукими и Фурката, как печатные, так и литографированные; до и после революции отдельные их произведения публиковались в узбекских журналах, антологиях и т. п.

В советское время, начиная с 1942 г., произведения Мукими издавались на языке оригинала отдельными книжками 10 раз. Последнее по времени, а также наиболее полное по объему и авторитетное по научному оформлению издание появилось в 1960 г. (Мукими, Собрание произведений в 2-х томах, Ташкент). Его подготовил доктор филологических наук Гулам Каримов, которому принадлежит больше всего заслуг в разработке вопросов жизни и творчества Мукими.

Первое советское издание стихов Фурката увидело свет в 1940 г., с тех пор его произведения выходили на узбекском языке отдельными книжками еще 5 раз. Последнее, наиболее полное, издание (Фуркат, Избранные произведения в 2-х томах) появилось в Ташкенте в 1960 г. Подготовил его, как и многие предшествующие, кандидат филологических наук Халид Расулев, много труда приложивший к разработке вопросов творчества поэта.

Некоторые стихи Фурката и — единичные — Мукими еще при жизни того и другого были опубликованы Н. П. Остроумовым в его дословном переводе на русский язык (см. вступительную статью и примечания). Работа по переводу произведений обоих поэтов по-настоящему развернулась лишь в советское время, начиная с 40-х годов. С тех пор вышло в свет несколько сборников стихотворений Мукими¹

¹ Лирика и сатира, Ташкент, 1943; Лирика и сатира, М., 1950; Избранные произведения, Ташкент, 1951; Избранные произведения, Ташкент, 1953; Лирика и сатира, М., 1957; Избранные произведения, Ташкент, 1959.

и Фурката,¹ помимо неоднократных публикаций отдельных произведений в антологиях, в периодической печати и т. д.

Предлагаемое издание впервые представляет русскому читателю воедино творчество обоих выдающихся поэтов узбекского народа. При этом сборник дает в переводе на русский язык больше произведений Мукими, чем любое из предшествующих переводных изданий: сюда, кроме большинства стихотворений издания 1959 г., вошло еще более сорока стихотворений, которые переведены и публикуются на русском языке впервые. Из стихотворений Фурката многие публикуются в новом переводе. Произведений Фурката, прежде в переводе не публиковавшихся, в настоящем сборнике девять.

Тексты стихотворений Мукими и Фурката,² а также — в значительной части — материалы для их биографий, характеристики творчества, для комментариев и др. заимствованы нами из последних и наиболее полных узбекских изданий (1960), другие источники указаны во вступительной статье, в которой дан краткий обзор жизни и деятельности обоих поэтов.

Внутри каждого из двух разделов книги стихотворения Мукими и Фурката сгруппированы по тематическому признаку: лирика в обоих случаях вынесена на последнее место. В пределах каждого из тематических разделов произведения расположены с возможным учетом имеющихся — далеко не полных и не безусловно достоверных — сведений о времени их создания либо предполагаемой первой публикации; эти сведения каждый раз воспроизводятся в примечаниях (в конце книги). Только при наличии таких хронологических данных указано, где находится подлинник произведения. В примечаниях также даны пояснения частного порядка — текстологические, исторические и т. п. Имена и названия, характерные для истории, культуры и быта узбекского народа в прошлом и мусульманского Востока в целом, а также термины, оставленные без перевода, разъясняются в Словаре.

Многие стихотворения как Мукими, так и Фурката, согласно литературной традиции своего времени, не были озаглавлены. У нас воспроизводятся заглавия, данные либо самими авторами, либо издателями, современными и позднейшими, либо даваемые переводчиками на основе содержания (такие заглавия нередко представляют собой реди́ф или, частично или полностью, начальную строку стихотворения).

В подготовке сборника ценную помощь нам оказали: кандидат филологических наук Эргаш Умаров, заместитель директора Литературного музея им. Навои в Ташкенте, Ахмед Мадаминнов, заместитель директора Литературного музея в Коканде, и К. Н. Феноменов, ленинградский журналист и литературовед.

¹ Лирика, Ташкент, 1949; Избранные произведения, Ташкент, 1951; Избранные произведения, Ташкент, 1958; Избранное, Ташкент, 1963.

² Только на узбекском языке; оба поэта писали также на таджикском.

МУКИМИ

Сатира, юмор

1. О возможном времени создания этого стихотворения, а также о событиях, описываемых в нем, см. вступительн. статью, с. 11. *Нур-Мухаммад* — вероятно, Нормат-дадха, крупный сановник Кокандского ханства, в 40—50-х годах занимавший пост хакима в Ташкенте. *Захожих персов не щадят*. Здесь «персы» — в характерном для того времени значении «бедняки-чужестранцы».

2. О газели кокандского поэта Махмура, послужившей основой для этого мухаммаса Муками, см. вступительн. статью, с. 12.

3. Перепелиные бои — традиционное развлечение. Может быть, это сатирическое стихотворение — отклик на событие, ставшее широко известным в последний период (1865—1875) правления хана Худояра. Этот хан был страстным любителем перепелиных боев, и однажды некий бедняк принес и за большие деньги продал ему перепела, якобы искусного в бою, а на самом деле необученного. Обманутый хан был взбешен, однако найти и схватить ловкого обманщика не удалось (см.: В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, с. 211—212). Возможно, *Рустам* — имя того самого бедняка. *Ключом репу бьет с размаху... свечи жгу, чтоб злее стал*. Здесь, по-видимому, говорится о приемах тренировки перепела для состязаний.

5. Самый ранний текст этого стихотворения содержится в баязе, составленном в Ташкенте в 1892 г. *Али-ходжа, Хакимджан* — чиновники созданного после присоединения к России Кокандского уездного управления, в обязанности которых входило проведение ежегодного обмера сельскохозяйственных угодий с целью определения налогов. *Шахлик-мазар — мой дед*. Шахлик-мазар — очевидно, гробница некоего мусульманского святого, именуемая Шахлик (т. е. Рогатая), возможно, потому, что согласно обычаю, верующие приносили к ней головы жертвенных овец, коз и т. п. и возле нее скопилось множество рогов. Перечисляя здесь и далее своих вымышленных предков (*Эр-Хубби, Нур-ата* и др.), завравшийся чиновник, следовательно, включает в их число... гробницу. *Им два за десять, аксакал, считай* — т. е. записывай десять танапов там, где в действительности два.

6. *Мой араб*. В данном случае имеется в виду арабский скакун. *На тюркском, на таджикском ли их слов трезвон* — т. е. на языках узбекском и таджикском, почти в равной степени распространенных в то время среди горожан и земледельцев Ферганской долины.

7. Должности *эликбаши, мингбаши, кази* в колониальном Туркестане формально считались выборными, фактически исход выборов зависел от взяток, интриг и т. п. Избранные на должность беззастенчиво обогащались за счет населения — этим объясняется предвыборный ажнотаж.

8. В оригинале — обращение к дадха (см. Словарь). Относительно принадлежности этого стихотворения Мукими полной уверенности среди исследователей не существует.

9. Прототип того, кто здесь высмеян, остается пока неизвестным.

10. Объектом сатиры Мукими в данном случае послужил, очевидно, один из представителей местной администрации (до или после присоединения Коканда к России). *Ты халат смени на саван. По мусульманскому обряду хоронят в саване, без гроба. Пусть с веревкою на шею тебя гонят.* С веревкой на шею ведут преступников, осужденных на казнь. *Гератская чалма* — от названия города Герат, на западе Афганистана.

11. Стихотворение содержится в рукописном баязе, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Известно, что баяз был составлен в феврале 1892 г., следовательно стихотворение написано не позже; по другим сведениям, оно создано в 1887—1888 гг. во время пребывания поэта в Ташкенте. *Как знаменитый козлодер.* См. Словарь: улакчи. *Нет рукавицы у тебя, нет сокола на ней.* Ловчий сокол обычно сидит у охотника на руке, на которой надета специальная рукавица. *Уличный сапожник стал твоим дружкойм* — намек на низкое положение в обществе.

13. В строфах 4-й и 5-й этого стихотворения поэт намекает, что женщина не стала бы вести себя столь бесцеремонно, как участники гапа. *Убежит в Халаб* — т. е. обанкротится и поспешит скрыться. *Газыяглыкский* — от: Газы-Яглык, название местности.

14. Здесь высмеивается ажиотаж, вызванный семенами американского хлопчатника, который внедрялся в Туркестане по инициативе предпринимателей и властей.

15. Поэт высмеивает «распорядительность» местной администрации в борьбе с одной из нередких в Туркестане эпидемий. *Кандалупку отвергай.* Кандалупка — искаженное «хандаляк», название местного сорта скороспелой дыни. *Хлопка семечко дороже груш и яблок.* См. примеч. 14.

16. Имеется в виду пиршество по случаю ритуального обрезания сына приказчика. Хозяин — ташкентский купец, — очевидно, запретил своему приказчику устраивать пиршество, и оно было подготовлено и проведено тайком.

17. *Вексель* — в оригинале по-русски (см. примеч. 42). *Ишан в Алты-Арыке.* Возможно, имеется в виду ишан Хадид-ходжа (см. примеч. 18). *Велят нам пять копеек отдать с любой тениги.* Речь идет о процентах в пользу займодавца.

18. Стихотворение содержится в рукописном диване Мукими, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Уз-

бекской ССР, предположительное время его написания — начало 90-х годов. Других списков не обнаружено. Возмoжно, распространению этой остро-социальной сатиры препятствовали власти, а также влиятельные люди, по заказам которых, в частности, составлялись сборники стихов. *Ишан Хади-ходжа*, неоднократно становившийся объектом сатиры Мукими, — один из крупных кокандских баев, владелец хлопковых плантаций, хлопкоочистительных заводов и магазинов в разных городах Ферганской долины. *Все батраки от бая за порог... Рабочих след простыл*. Речь идет, по-видимому, о стихийном протесте рабочих.

19. Стихотворение на родном языке было напечатано в петербургских «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» (1896, т. IX, с. 87—92) как публикация Н. П. Остроумова, вместе с его заметкой, а также его дословным переводом стихотворения на русский язык. (В 3-й строфе отсутствует 4-я строка). Как явствует из заметки, Остроумов записал стихотворение в 1891 г. в Коканде от народных певцов, исполнявших его как песню, по их словам, весьма популярную. «Героем» сатиры является реально существовавший Виктор Дмитриевич Ахматов, приказчик торговой фирмы купцов и предпринимателей братьев Каменских, подвизавшийся в Коканде еще с ханских времен. В конце 80-х годов Ахматов разного рода обещаниями выманил у местных богачей свыше 200 тысяч рублей и с ними скрылся, но впоследствии, когда был арестован его сообщник, вернулся в Коканд, сам был арестован и приговорен к тюремному заключению за мошенничество. Стихотворение Мукими появилось и получило широкое распространение еще до суда над Ахматовым. Прodelки «Виктор-бая» стали темой целого цикла сатирических стихов Мукими, из которых у нас публикуется еще одно (№ 20).

20. См. примеч. 19. *Не давай им ни копейки... Ты держись от них подальше*. Поэт, злорадствуя над бедами обманутых баев, как бы становится на сторону «Виктор-бая».

21. *Лахтин* — по-видимому, С. И. Лахтин, один из русских предпринимателей, ведших дела в городах Ферганской долины (он же владелец типографии в Ташкенте). *Касым-даллал*, *Карим-ахун* — кокандские богачи, неоднократно становившиеся объектами сатиры Мукими.

22. *Мой ахун* — кокандец Мулла-Юлдаш, сопровождавший Мукими в его поездке в Ташкент в 1887 г. По приезде туда Юлдаш, устыдившись, что дружба с бедняком-поэтом уронит его во мнении состоятельных ташкентцев, поспешил отделаться от Мукими, что и явилось поводом для написания сатиры. Строфа 4, содержащая не вполне пристойные намеки, у нас опущена. *Что же плакать, как сапожник, он пустился*. Уличный кустарь-сапожник — символ низкого положения в обществе.

23. Эта сатирическая газель (как и ряд последующих, №№ 48, 60, 78) — из той части поэтического наследия Мукими, которая выяв-

лена только в самые последние годы (см. вступительн. статью, с. 17). Она направлена против поэта Мухи. *Вы пьяны*. В оригинале видоизмененное русское: «фиён».

25. Стихотворение известно в двух, несколько различающихся, вариантах; здесь переведено по тексту варианта из рукописного баяза, хранящегося в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Как предполагают исследователи (см.: Мукими и, Избранные произведения, Ташкент, 1959, с. 200 — примеч. составителя Г. Каримова), Мукими написал это стихотворение во время своей поездки вдвоем с поэтом Завки в кишлак Анм, в район, который был центром антиправительственного народного восстания, подготовленного и поднятого весной 1898 г. Дукчи-ишаном (иначе: Мадали-ишан, настоящее имя: Мухаммад-Али-хальфа Сабир-суфи) и группой его единомышленников (восстание было сразу же подавлено царскими войсками, руководителей казнили). Мукими, как и некоторые его современники, резко отрицательно относился к личности и деятельности Дукчи-ишана и, как предполагают, высмеял его в цикле стихотворений. К этому циклу исследователи относят и предлагаемую сатирическую газель, где в образе «детей зла» (лягушек) поэт выводит ближайших сторонников Дукчи-ишана, в большинстве принадлежавших к духовенству. Представляется сомнительным, чтобы Мукими, один или вдвоем с Завки, мог совершить поездку в самый центр только что подавленного восстания, в условиях усиленной охраны, когда каратели свирепствовали по всей Ферганской долине и за ее пределами (см.: История Узбекской ССР, т. 2, Ташкент, 1968, с. 84—86). *У меня сегодня гости. . . Гости это городские*. Возможно, это относится к чиновникам, офицерам, прибывшим для следствия по делу о восстании. *Ваши ни к чему раденья. . . Дервишам не подражайте, не скачите*. Имеются в виду ритуальные радения, пляски (зикр) дервишей. *Твари в тубетейках белых* — возможно, намек на белые турбаны, носимые теми, кто совершил хадж (см. Словарь: хаджи).

26. «Безбородый» — известный в конце XIX в. в Коканде народный музыкант (найчи — флейтист) Исмаил-ата, друг Мукими (см. вступительн. статью, с. 25). Безбородый (коса) — традиционный комический персонаж фольклора среднеазиатских народов. *Крепостца Махрам, Разоренная, пустая*. Махрам — см. Словарь. Известно еще одно стихотворение на ту же тему, как бы от имени того же лица (см. № 27).

27. Это стихотворение также написано как бы от лица Исмаила-ата (см. примеч. 26).

28. *Будто дервиши в день Судный*. Имеется в виду предсказываемый Кораном день Страшного суда. *Ястребом среди развалин меня гибель стережет*. Ястреб (или сова, филин) на развалинах — традиционный поэтический образ. *Наш высокий покровитель* и т. д. — возможно, обращение к влиятельному лицу, по заказу или просьбе которого было сочинено стихотворение.

31. *Найми рессорный тарантас.* Автор противопоставляет неуклюжей арбе европейскую пролетку как несравненно более удобную.

32. *Одни дувалы с двух сторон.* Вдоль улиц старинных среднеазиатских городов тянутся глинобитные заборы (дувалы) и глухие — без окон — стены строений.

36. *Приехал милый мой москвич... Гостит племянник у меня.* См. примеч. 54.

37. Стихотворение, вероятно, было написано в Намангане, где жил поэт Надим (в диване Надима, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, содержится его единственный известный текст) и где Мукими гостил у него.

41. Это произведение под заглавием «Стихотворение, рассказанное поэтом Мукими в честь некоего кокандского бая» было напечатано в «Туркестанской туземной газете» (№ 2 от 15 января 1903 г.). Других его текстов не сохранилось.

42. Стихотворение является откликом на землетрясение, разразившееся в Андижане 16 декабря 1902 г. (Мукими был очевидцем этого события). Оно было опубликовано в «Туркестанской туземной газете» (№ 15 от 22 апреля 1903 г.). В тексте — фонетически видоизмененные русские слова: «завод», «машина» («машинный котел» — вероятно, походная воинская кухня), «доктор», «вагон». Это вообще характерно для сатиры и юмора Мукими: русского языка он, по-видимому, не знал, однако ему было известно большое количество русских слов, которые он свободно употреблял в стихах, чем (как и Фуркат, поступавший подобным же образом) способствовал их укorenению в узбекском языке.

43—46. Здесь упоминаются селения и городки (например, *Канибадам*, *Шахимардан* — ныне Хамзабад) в Ферганской долине и в предгорьях окаймляющих ее хребтов. Поездку по этим местам поэт совершил, очевидно, до 1892 г. Также названы, по-видимому, реально существовавшие люди. Наименование «От Коканда до Ферганы» дано составителями современных сборников (см. в Словаре: Фергана) и сохраняется по традиции. «Новый отрывок...» был впервые на родном языке опубликован в 1955 г. (см.: Х. З а р и ф о в, Мухаммад-Амин Мукими. Материалы, относящиеся к его жизни и творчеству, Ташкент, 1955, с. 41—42, на узбекск. яз.). *За каждую скалой Разбойничий таился стан.* Поэтическое преувеличение (в описываемое время на дорогах Ферганской области было спокойно).

Послания

47. Стихотворение, судя по содержанию, было написано в 1887—1888 гг., когда Мукими приезжал в Ташкент; оно представляет собой послание друзьям и знакомым в Коканд. *Мулла-Юлдаш* — см. примеч. 22. *Шейх ученый из ученых.* Имеется в виду Хазрат-Сатвалды,

кокандский покровитель поэта (см. вступительн. статью, с. 15). *Миян-ходжа* — брат вышеупомянутого Сатвалды, известный также под именем Хазрат-Юнус-хан, близкий к реакционным кругам Коканда. В стихотворении упоминаются кокандские и ташкентские знакомые и родственники поэта.

48. См. примеч. 23. Газель была обращена к кому-то из друзей поэта, очевидно во время отсутствия его самого в Коканде.

49. Содержание этого стихотворного послания указывает, что оно было направлено Фуркату в Коканд из Ташкента в 1887—1888 гг., в ответ на какое-то из посланий Фурката: оба поэта постоянно переписывались. *Печень истерзало горе*. В восточной поэзии печень символизирует то же, что сердце — в западной. *Косы милой мусульманки* — и дальше: *Ульфатхон, моей любимой*. Кто такая Ульфатхон, установить не удалось.

50. Стихотворение найдено в личном архиве Н. П. Остроумова (см. вступительн. статью, с. 30, также Словарь). Оно направлено из Коканда в Ташкент, где Фуркат поселился с 1889 г., и представляет собой еще одно свидетельство тесной дружбы между обоими поэтами. *Вы пишете, что вы в газет-хане, Что переводите*. Очевидно, имеется в виду сотрудничество Фурката в «Туркестанской туземной газете» (см. вступительн. статью, с. 35).

51. Послание написано поэтом в Ташкенте в 1887—1888 гг. Как видно из содержания, поэт Надим навестил Мукими в Ташкенте. Примечательно до известной степени критическое отношение автора к соблюдению поста — одного из важных мусульманских обрядов.

52. Стихотворение написано в Коканде, по-видимому в 1889 г., после возвращения поэта из Ташкента, и адресовано Махмуд-ходже, новому ташкентскому другу Мукими, состоятельному человеку (он был подрядчиком строительных работ) прогрессивных взглядов, поддерживавшему поэтов, ученых и т. д. *Погостили вы в Коканде*. Махмуд-ходжа приезжал в Коканд и гостил у Мукими.

54. Послание написано в 1898 г. Незадолго до этого в Коканд приезжал и гостил у поэта его племянник, сын одной из младших сестер, Розимухаммад Досматов (1889—1966), учившийся в то время в Москве, в Лазаревском восточном институте. Этот мальчик был воспитан в семье А. Д. Левицкого, бывшего русского консула в Джедде в Аравии (отец Розимухаммада с сыном отправился паломником в Мекку и умер в пути; осиротевшего мальчика подобрал и приютил у себя русский консул). Когда Розимухаммад летом 1898 г. гостил в Коканде, Мукими часто беседовал с ним, с живейшим интересом расспрашивал о Москве, о русской культуре и т. п. Начиная с 1959 г. и до своей смерти Р. Досматов был сотрудником Литературного музея в Коканде.

55. Речь идет об обычае устраивать дружескую пирушку, приурочиваемую к выпадению первого снега.

57. Это — подражание газели поэтессы Махзуны. Упоминание студента, а также опущенных в переводе «медресе» и «каникул» дает основание относить эту газель Мукими к раннему периоду его творчества. *Увидев твой милый базилик*. См. Словарь: рейхан.

60. См. примеч. 23.

62. Газель содержится в рукописном сборнике, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР; сборник составлен в 1882 г. *Милая, лицо открой* — намек на паранджю (накидка с волосяной сеткой, закрывающей лицо), которую женщина обязана была надевать вне дома или даже дома при посторонних мужчинах, согласно требованиям религии, а также по обычаю среднеазиатских горожан и земледельцев.

63. *Я в винной лавке пью вино*. См. вступительн. статью, с. 33.

64. *Мне печень невниманием сожгла*. См. примеч. 49. *Мухи* — поэт, современник Мукими (см. Словарь).

68. Газель содержится в диване поэта Надима, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР; диван составлен в 1315 г. хиджры, т. е. в 1897—1898 гг. *Лицо открой*. См. примеч. 62.

76. *Если бы увидел постник брови милые* и т. д. — традиционное в поэзии уподобление бровей красавицы михрабу (см. Словарь).

78. См. примеч. 23. *Купцы в одежде черной*. В оригинале видоизмененное русское: «купас». Имеются в виду русские торговцы.

85. *Скворцом щедрот ты надо мною стань!* Скворец — поэтический символ добра.

86. См. № 79 («Ты, роза, — красота сама...»). Использование одного и того же рифма (*Куда, измученный, пойду?*) естественно в классической поэзии.

87. *Открыв михраб крутых бровей*. См. примеч. 76.

88. *Ты полагаешь — Мукими торгует каждый день*. Традиционное для классической поэзии образное упоминание о торговле, лавке и т. п., в данном случае не имеющее ничего общего с обстоятельствами жизни поэта.

89. *Павлин вздыхает и фазан*. Фазан — символ красоты, как и павлин, пава.

92. *Базилик ли это*. См. Словарь: рейхан. *Я с товарами поехал на базар*. См. примеч. 88. *Без твоих газельих взоров*. Газель (также — лань, олень) — традиционный в поэзии символ красоты.

95. *Ферганца Муками тебе индус милей*. Индус, индеец — традиционное в среднеазиатской поэзии олицетворение зла, коварства и т. п.

97. *Базилик волос*. См. Словарь: рейхан. *Видя свод твоих бровей*. См. примеч. 76.

98. *Гуль-яр, коча-баг* — названия мелодий.

99. *Адхам-скиталец* — Адхам-дивана, полулегендарный отшельник из Балха.

102. *Бежит серебряный фазан*. См. примеч. 89.

103. Эта газель была при жизни поэта напечатана в «Туркестанской туземной газете» (№ 41 от 26 октября 1891 г.), однако без имени автора, в качестве образца народного песенного творчества, что свидетельствует о ее широкой популярности уже в то время. *В горы уходи*. Традиционный в среднеазиатской классической поэзии мотив отречения от мира.

106. Газель, очевидно, написана поэтом во время одной из поездок в Наманган, к своему другу, поэту Надиму.

107. Одна из чрезвычайно популярных газелей, зафиксированная в одиннадцати рукописных и литографированных сборниках. Один из рукописных сборников, датированный 1898 г., хранится в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

108. *Амир* (иначе: Амири) — поэтический псевдоним кокандского хапа Умара (см. вступительн. статью, с. 6).

111. Газель содержится в рукописном баязе, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР и датированном 1883 г. *В Янги-Кургане жил*. Здесь, возможно, образное выражение: жил в уединении, в добровольном изгнании.

ЖУРАВВА

113. О популярности этого стихотворения и о предположительном времени его создания см. вступительн. статью, с. 12.

114. *Семь небес*. Семь небесных сфер (кругов), согласно мусульманской мифической космографии.

115. *Не знаю, Дарий или Искандер.* Образное представление двух противоположностей («Огонь иль вечный лед...»). Искандер (Александр Македонский) — в классической поэзии мусульманского Востока образ положительный; Дарий, как образ обобщенный, — антипод Искандера.

116. *И душа на развалинах будто сова.* См. примеч. 28.

118. *Родинки индийские.* Имеется в виду косметическое украшение («мушка»).

МУХАММАСЫ

123. *Олень китайский.* См. примеч. 92.

127. *Сова среди развалин.* См. примеч. 28.

129. *Меня поместья не манят, охота не влечет.* Традиционно-поэтический оборот, образное выражение мысли об отречении от земных благ.

131. *Стал я фонарем волшебным* и т. д. Имеется в виду праздничное развлечение, когда артисты показывают игру с фонарем, оклеенным разноцветной бумагой с различными изображениями.

132. Относительно возможного адресата этого стихотворения — девушки по имени *Офарин* — см. вступительн. статью, с. 19. Исследователи также выражают мнение (см.: Мукими, Собрание произведений, Ташкент, 1960, т. 2, с. 358, примеч. 14, составителя Г. Каримова; на узбекск. яз.), что среди поэтов XIX столетия существовала традиция состязаться в написании стихотворений с редифом *офарин* (букв.: «хвала!», «браво!»); в частности, предполагается, что основой данного мухаммаса Мукими послужила газель Шавки — кокандского поэта первой половины XIX в.

133. Мухаммас содержится в рукописном баязе, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР и датированном 1883 г. *Это базилик бесценный.* См. Словарь: рейхан.

134. *Мой попугай.* Попугай — один из традиционных поэтических образов, символизирующий красноречие.

135. *Олень хотанский.* См. Словарь: Хотан.

136. Газель Фурката, очевидно послужившую основой этого мухаммаса, см. здесь, № 263. В мухаммасае Мукими отсутствуют 2-е и 3-е двустушия газели; 7-е двустушие — у Мукими в 4-й строфе, а в 3-й строфе мухаммаса — двустушие, которого у Фурката нет вовсе. Газель Фурката насчитывает 9 двустуший; в мухаммасае Мукими

только 7 стрóf (следовательно, 7 двустийши́й, составляющих основу каждой строфы). *Бровь и родинка над бровью* букве «нун» равны одной и т. д. См. Словарь. Знаком «нун» обозначена одна из сур (глав) Корана. *Письмена твои — отрада*. Ортодоксальный ислам отвергал и запрещал живопись, отсутствие которой в какой-то степени в некоторых сферах возмещали различные виды декоративного прикладного искусства и, в частности, каллиграфия, развившаяся в мусульманских странах до уровня высокого совершенства. Отсюда традиционное в поэзии уподобление черт лица красавицы письмам, буквам.

РУБАИ, ФАРДЫ

142. Это двустийшие — из письма Мукими, адресованного в Ташкент, его другу Махмуд-ходже (см. примеч. 52) и поэту Ками. В письме содержится жалоба Мукими на его кокандское окружение, а также просьба помочь ему перебраться в Ташкент.

ФУРКАТ

Сатира, публицистика в стихах

144. *Вы в руках у фабрикантов ситцевых или суконных*. В оригинале этого стихотворения упоминаются Захаров и Морозов — московские фабриканты, владевшие хлопкоочистительными заводами и торговыми предприятиями в Ферганской долине.

145. *Был приглашен достойным я лицом В гимназию*. Согласно автобиографии Фурката, это Ходжа-Мухаммад Зухур, мираб (см. Словарь) из Исфары. С Фуркатом они встретились в Ташкенте весной 1890 г. и вдвоем посетили мужскую гимназию в русской части города (после революции — главное здание университета). Дирекция гимназии предоставила гостям возможность ознакомиться с ходом преподавания в классах, а также со специальными кабинетами, действием различных приборов и т. п. (некоторые исследователи предполагают, что Фуркат и его спутник также посетили женскую гимназию, находившуюся неподалеку от мужской). *Полдень наступил — Об этом нам напомнил пушки гром*. До революции в Ташкенте ежедневно в полдень раздавался пушечный холостой выстрел с вала крепости, находившейся на стыке русской и узбекской частей города. *Наука их Джамшида чаши явится творцом*. Имеется в виду чаша Джама (см. Словарь). Стихотворение было опубликовано в «Туркестанской туземной газете» (№ 15 от 17 апреля 1890 г.) под заголовком «Стихотворение Закирджана Фурката».

146. Это стихотворение (его более точное заглавие «О собрании акта», то есть посвященное акту — выпускному экзамену в Ташкентской мужской гимназии, — см. примеч. 145) было написано, очевидно,

весной 1890 г. и, по некоторым сведениям, тогда же дословно переведено на русский язык Н. П. Остроумовым (опубликовано: Сарты, Ташкент, 1896, с. 115—116). *В кругу гостей им место отвели*. После этого выпущены, как и в современных изданиях на узбекском языке, строки о прибытии на экзамен генерал-губернатора А. Б. Вревского. *Представлен мусульманский наш народ Был там учеными людьми*. Кроме Фурката, на экзамене присутствовало несколько учеников медресе.

147. *Претворен был им в явь Искандера наказ: Сделал зеркало он*. По-видимому, одна из легенд, которыми на Востоке окружены личности как Аристотеля (Арасту), так и Александра Македонского (Искандера). В образе «зеркала», очевидно, запечатлелась легенда о чаше Джама (см. Словарь).

148. Стихотворение создано под впечатлением концерта, состоявшегося 1 июля 1890 г. в концертном зале (существующем и поныне). При жизни поэта было опубликовано в дословном переводе на русский язык Н. П. Остроумовым (Сарты, с. 116—118). *В русском городе был я* — т. е. в русской (новой, восточной) части города Ташкента. Следующая строка оригинала имеет смысл: «Однако испытывал добрые чувства» (хотя и находился среди иноверцев). *О ярмарке вести*. Поэт, очевидно, направлялся на Воскресенский базар (в центре Ташкента, где теперь театр им. Навои); концертный зал находится на одной из улиц, ведущих к базару.

149. *О зрелищах, что выше всех похвал, В газетах я для вас уже писал*. Возможно, имеется в виду стихотворение о концерте 1 июля 1890 г. (см. примеч. 148), сведениями о публикации которого в газетах мы не располагаем.

150. Эти и два последующих стихотворения созданы Фуркатом после посещения выставки народного хозяйства, ремесел, искусств и т. д., которая была открыта осенью 1890 г. в Ташкенте на территории городского Сада отдыха (теперь Парк культуры и отдыха им. М. Горького). Все три стихотворения были опубликованы, очевидно, вскоре после их написания, под заглавиями, которые здесь воспроизведены в переводе.

151. См. примеч. 150. *Сабля ардаванского металла*. Ардаванский — от: Ардаван, имя мифического царя древнего Ирана. *В ургенчском видел я отделе*. Ургенчский — от: Ургенч (см. Словарь).

152. См. примеч. 150. *Здесь были, например, два фонаря*. Речь идет об электрическом освещении, в те годы в Туркестане еще не получившем широкого распространения. *Одни фонарь считали польским тазом*. В оригинале букв.: «таз из Польши» (т. е., очевидно, изготовленный в польских губерниях России). *Тот же самый телеграф*. В оригинале — телеграмма. Поэт правильно распознает электрическую природу диковинного для посетителей выставки способа освещения. *Кусали пальцы все от удивленья*. Выражение, традиционное в поэзии Востока.

153. На спектакле, о котором идет речь, была сыграна пьеса Н. Куликова «Суворов в деревне, в Милане и в обществе хорошеньких женщин». *Пошел войной на Австрию, на Рим*. Здесь, как и в дальнейшем, в оригинале: Рум (см. Словарь). Это стихотворение было переведено на русский язык еще при жизни автора.

154. *«И от грома копыт вся пустыня окрест В шесть земель превратилась и в восемь небес!»* В оригинале эти строки — на персидском языке. Смысл гиперболы следующий: по мусульманской мифологии, как земля, так и небо подразделяются на семь сфер; здесь от грома копыт одна сфера земная превратилась в небесную.

155. В оригинале это стихотворение озаглавлено: «Легенда в Греческой стране. Одно из 24-х походов кокандца Закирджана Фурката». В Греции поэт, во время своего заграничного путешествия, побывал в 1891 г. Стихотворение было им переслано в Ташкент и опубликовано в «Туркестанской туземной газете» (№ 5 от 7 февраля 1896 г.).

156. *Газеты Индии оставь, поэт, Для туркестанских потрудись газет*. Написать это стихотворение Фурката побудило чтение издававшихся в Индии и распространявшихся за ее пределами проанглийских газет и журналов (в частности, «Хаблул-Матин», «Пайсан-Ахбар», очевидно на языке фарси), которые в невыгодном свете представляли русские войска и их действия в ходе русско-японской войны. Стихотворение было из Яркенда переслано в Новый Маргелан и затем в сокращении напечатано в «Туркестанской туземной газете» (№ 34 от 27 августа 1905 г.), для чего, очевидно, и предназначалось. Оно озаглавлено по-русски: «Стихи из Яркента» (русские заглавия были в газете обычными). *На крыльях дум в Маньчжурию лети. Т. е. на поля сражений русско-японской войны 1904—1905 гг. Собака лает — караван идет*. Народная пословица. *Знакомься с англо-бурскою войной*. Имеется в виду захватническая война Великобритании против бурских республик Трансвааль и Оранжевая в Южной Африке в 1899—1902 гг., в ходе которой ополчение буров нанесло регулярным английским войскам ряд поражений.

Послания

157. Стихотворение, как полагают исследователи, написано не позже 1889 г.

158. Стихотворение содержится в рукописном сборнике, хранящемся в Институте востоковедения Академии наук Узбекской ССР, оно написано не позже 1889 г. *«Свод событий» читаем, сойдясь влятером*. В оригинале — «Шархи викая», комментарий на арабское сочинение XIV в. по мусульманскому праву, донныне используемый как пособие на высшей ступени обучения в медресе. *И к издателям здешних газет я хожу*. В оригинале: «Хожу работать туда, где издают газету», т. е. в редакцию «Туркестанской туземной газеты» (см. вступительн. статью, с. 35).

159. Послание к В. П. Наливкину (см. вступительн. статью, с. 30, также Словарь), с которым Фуркат был, возможно, знаком еще в Коканде, относится, очевидно, ко времени пребывания поэта в Ташкенте, куда Наливкин, начавший свою научную деятельность в Ферганской долине, в 1884 г. был приглашен на службу преподавателем русско-туземного училища.

160. Стихотворение было написано в 1891 г. в Константинополе и переслано в Ташкент друзьям поэта; большинство лиц, здесь упоминаемых, насколько можно судить, известностью не пользовалось. *Благодатной Хотанской землею зовут*. Хотанский — от: Хотан (см. Словарь). *Дано ему имя Закир*. Это основа личного имени поэта (Закирджан); -джан — слово-частица ласкательного значения. *Фарзинхан иногда там проводит досуг*. Фарзинхан, или Фарзинча, — молодой кокандский музыкант и шахматист (основа его имени, скорее прозвища, — слово, соответствующее русскому «ферзь»), друг и ученик Мукими.

161. Стихотворение содержится в рукописном баязе, хранящемся в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР, оно было опубликовано в «Туркестанской туземной газете» (№ 17 от 30 апреля 1893 г.). *Фарзинхан* — см. примеч. 160.

162. *Ташбалтú* — см. Словарь. *А Мухи и Завки в добром здравии?* Об этих двух поэтах см. Словарь, вступительн. статью, с. 21—22; Фуркат в своем послании вспоминает обоих как своих прежних друзей, невзирая на различие общественно-политических взглядов того и другого. *Эрмухаммад, Асамиддин* — знакомые Фурката, жители Нового Маргелана. *Халмухаммад-хаджи* — близкий друг поэта, житель Нового Маргелана, переселившийся, как и Фуркат, в гор. Яркенде. *Назимджан, Хакимджан* — сыновья поэта; об остальных упоминающихся здесь лицах сведений нет. *Хотанская лань* — от: Хотан (см. Словарь). *С родней у меня получился тяжелый разлад*. Намек на какие-то неприятности, возможно и не семейного порядка.

Лирика

Г А З Е Т Ы

163. Седьмое двустиише, не поддающееся прочтению в рукописном оригинале, в переводе опущено.

164. *Коль Мессии дыханья... не будет?* Мессия — Иисус Христос (мусульманская форма имени: Иса), почитаемый мусульманами как один из пророков, канонизированный Кораном, наделенный, в частности, чудодейственной силой возвращать жизнь умершим.

169. *Взор твой ланей хотанских навек посрамит!* Хотанский — от: Хотан (см. Словарь).

171. *Как индусы, очи ее* и т. д. См. примеч. 95.

186. *У него в руках твоя пола!* «Уцепиться за полу» — образное выражение, означающее: не расставаться, противиться разлуке.

189. Первая строка заключительного двуступия в рукописном оригинале не поддается прочтению и в переводе опущена.

191. Первая строка этой газели является первой строкою последнего пятистишия в стихотворении Физули. Газель, построенная на таком заимствовании, называется: тазмин.

192. *Как мог писать гяур-художник* и т. д. Живопись была, с точки зрения ортодоксального ислама, запретным занятием (практически этот запрет не соблюдался в Иране).

195. *Бровям — и Марс сродни.* Планета Марс символизирует гнев, несчастья.

196. *Хотанскую газель.* См. примеч. 92.

205. *В развалинах живу, сосед совы.* См. примеч. 28.

207. Имеется в виду праздник разговенья после мусульманского поста (ураза́ — см. Словарь).

210. *Зачем тебе павлином красоваться* и т. д. См. примеч. 89.

214. *Истекает кровью печень.* См. примеч. 49.

219. *В книге сердца был алифом* и т. д. В оригинале смысл этого двуступия приблизительно таков: «На страницах сердца, о возлюбленная, в слове «душа» твой стан был выписан, подобно алифу, и пал обезумевший». Обычная для поэзии Востока игра слов, точнее, их графической формы: узбекские слова «душа» («жон», по-русски обычно читается: «джан») и «одержимый, обезумевший» («жин», читается «джин») различаются в написании арабской графикой тем, что первое имеет букву «а» (алиф — см. Словарь) после «дж», второе — не имеет этой буквы.

220. *Газель из хотанских сторон.* См. Словарь: Хотан.

221. *Очам твоим — индусам.* См. примеч. 95.

226. *Попугаям и терпеть свой стыд.* См. примеч. 134. *Венера... в небесах напев выводит.* В мифологии Востока Венера обладает искусством пения, игры на музыкальных инструментах.

235. *С клеймом от кадиевой длани.* См. Словарь: кадий.

240. *То не чудо ли Мессии?* См. примеч. 164.

242. *Ты превыше попугаев в сладкоречии быстра!* См. примеч. 134.

243. *Замучишь ревностью фазана!* См. примеч. 89.

249. *Он желанней, чем угод мне.* Птица угод в поэзии почитается главою птиц, также благим вестником.

250. *Одну лишь букву счастью отсекут* и т. д. В оригинале смысл этого двуступишия приблизительно таков: «Они (вероломные красавицы) отсекали букву «х» моей жизни острием мученья». «Жизнь» по-узбекски «хаёт»; если у этого слова, в написании арабской графикой, убрать первую букву, останется: «ёт» — «чуждый», исторически: «враждебный».

252. *Сурьюмо Сулеймана.* Сулейман (см. Словарь) считался всемогущим умельцем, волшебником.

255. *Два индуса.* См. примеч. 95.

263. Стихотворение написано в 1892 г. во время пребывания поэта в Кашмире. *Кладезь той красы узрев.* В оригинале: ямку на подбородке (увидав ее, *Харут* и *Марут* — см. Словарь, — изумившись, удалились обратно в свой *Вавилонский кладезь*, т. е. в бездонный колодец, в яму, куда прежде были низвергнуты велением бога). Об использовании этой газели поэтом Мукими см. примеч. 136.

265. *Речь твоя попугаев повергнет в беду!* См. примеч. 134. *Лицо приоткроешь.* См. примеч. 62.

266. *Марс измены.* См. примеч. 195. *Воссиял Юпитер счастья.* В противоположность Марсу Юпитер символизирует доброе начало.

270. Первые три строфы этой газели принадлежат перу поэтессы Надиры (см. Словарь); это — особый вид поэтического заимствования.

МУХАММАСЫ

272. Жанр и тематика подобных произведений («желает сердце, душа» и т. д.) — традиционны для среднеазиатской классической поэзии. *Пойти к святым могилам.* Имеется в виду паломничество ко гробницам мусульманских праведников.

274. *Лицо откроет.* См. примеч. 62.

276. *Посрамила попугая.* См. примеч. 134.

278. *А меня по этой причине жертвой бед — Фуркатом зовут.* Намек на значение слова «Фуркат» (см. вступительн. статью, с. 27).

279. «И „Фуркат“ его имя в людях — за такое злосчастье!» — скажут. См. примеч. 278.

280. Попугаям сладкогласным и т. д. См. примеч. 134.

281. С ними быть, цепляясь крепко к их подолам, я хотел. См. примеч. 186. Сыч среди развалин. См. примеч. 28.

282. Биляль — по преданию, эфиоп, слуга Мухаммеда.

283. Смерть не в грех, когда с Мессией и т. д. См. примеч. 164.

МУСАДАСЫ

287. Согласно рассказу одного из современников и близких знакомых поэта, ташкентца Салиха-ходжи Инамова, поводом к написанию этого стихотворения послужил следующий случай: брат певца Абдуллы-Бульбуля, по имени *Сагдулла* (упоминаемый в последней строфе), поссорился с тремя горожанами (один — лошадиный барышник), которые убили его — накинули на шею аркан, затянули в речку Салар и утопили. Впрочем, тема: «Охотник, отпусти газель (лань и т. п.)» является для среднеазиатской поэзии традиционной.

288. *Сорок присных нам не надо.* Имеются в виду мифические сорок мусульманских праведников (чильтán), неразлучных и бессмертных, обладающих способностью помогать людям, попавшим в беду.

СЛОВАРЬ

- Абай Кунанбаев* (1845—1904) — выдающийся казахский прогрессивный поэт, просветитель, родоначальник новой письменной казахской литературы.
- Абрамов А. К.* — русский генерал, участник завоевательных походов в Средней Азии, впоследствии занимал военно-административные должности.
- Авлони, Абдулла* (1878—1934) — выдающийся узбекский поэт, просветитель, публицист, после революции член Коммунистической партии, деятель народного образования.
- Адрас* — полушелковая узорчатая материя кустарного производства.
- Азраил* — ангел смерти.
- Аим* — кишлак в районе Минг-Тепе (или другое наименование кишлака Минг-Тепе).
- Айван* — род веранды.
- Айни, Садриддин* (1878—1954) — выдающийся таджикский писатель, был также одним из родоначальников узбекской советской литературы.
- Акмаль* — кокандский ученый и поэт XVIII—XIX столетий.
- Аксакал* — букв.: «белая борода»; старик, старейшина, уважаемый человек; в Туркестане одно время — официальное наименование сельского старосты, а также одного из чинов полиции (из местных жителей).
- Алиф* — первая буква арабского алфавита, в виде вертикальной прямой черты; поэтический символ стройности, прямизны стана.
- Алты-Арык* — селение в Ферганской долине, неподалеку от Коканда.
- Альмаи, Кари-Фазлуллах* (1852—1891) — современник и друг Мукими, ташкентский поэт и ученый, перевел на узбекский язык индийскую легенду «Калила и Димна»; жил и умер в бедности.
- Анаша* — наркотик, обычно из зерен мака.
- Андижан* — город, расположенный в Ферганской долине.
- Анка* — сказочная птица (феникс), живущая в горах Каф (отождествляются с Кавказом). По преданию, обладает способностью при приближении смерти сгорать и вновь возрождаться из пепла.

- Араван** — селение на востоке Ферганской долины.
- Арасту** — Аристотель.
- Арба** — одноосная телега.
- Арганун** — орган (музыкальный инструмент).
- Арык** — оросительный канал, канава.
- Аттар**, Фаридуддин Мухаммед — видный персидско-таджикский поэт XII века.
- Афгани** — см. Шейх-Сулайман.
- Афлатун** — Платон, древнегреческий философ.
- Ахмад Дониш** (Ахмади Қалла, настоящее имя Ахмад-махдум, 1827—1899) — выдающийся таджикский ученый, просветитель и поэт, сторонник прогресса.
- Ахматов В. Д.** — см. вступительн. статью и примеч. 19.
- Ахтар** — звезда первой величины (любая); также название созвездия.
- Ахун** — мусульманское духовное лицо, знаток богословия.
- Ахундов**, Мирза Фетх-Али (Фатали) (1812—1878) — выдающийся азербайджанский ученый, просветитель, поэт и драматург, сторонник прогресса и сближения с Россией.
- Аяз** — мифический царь, прославленный мудростью, родом простой пастух.
- Бадахшан** — область на Памире, где издревле добывались драгоценные камни.
- Бай** — богач, городской либо сельский (кулак).
- Балх** — область (и в старину город) в верхнем течении Аму-Дарья, в древности центр высокоразвитого государства Бактрии (Бактрианы).
- Барбат** — музыкальный инструмент, наподобие лютни или арфы.
- Батыр** — богатырь.
- Бахрам** — царь Ирана, персонаж «Шах-наме» Фирдоуси.
- Баяз** — антология, рукописный сборник поэтических произведений различных авторов.
- Бедиль**, Мирза-Абдулькадыр (1644—1721) — поэт и мыслитель, жил в Индии, писал на языке фарси.
- Бек** — представитель родо-племенной знати, также глава местной администрации (губернатор); это слово употребляется и с именами незнатных людей, чтобы выразить уважение, отметить выдающиеся качества человека и т. д.
- Бехзад** — знаменитый средневековый художник-миниатюрист, его называют «Рафаэлем Востока», прославился также гостеприимством, хлебосольством.
- Беш-Агач** — район «старого города» в Ташкенте, также название улицы и — в старину — городских ворот в южной стороне стены.
- Брахман** — человек, принадлежащий к высшей касте (первоначально к касте жрецов) в добуддийской Индии, также у современных индуистов; брахманы носят одежду оранжевого цвета.
- Будкабаши** — будочник, стражник.
- Буза** — алкогольный напиток из проса, мелкого риса и т. п.
- Бустан** — плодовый сад; символ плодородия, а также счастья, исполнения желаний.

Вакуф (вакф) — имущество, завещанное мусульманскому духовному учреждению (медресе, мечети и т. п.), на содержание которого шли доходы с вакуфа.

Валиханов, Чокан Чингисович (1835—1865) — выдающийся казахский ученый, просветитель, демократ, сторонник сближения казахского народа с русским.

Габдулла Тукай (1886—1913) — выдающийся татарский поэт-демократ.

Газель (газелла) — стихотворная строфическая форма; стихотворение обычно любовно-лирического содержания, размером от пяти до пятнадцати двустопий, где строки зарифмованы по схеме: а — а, б — а, в — а и т. д.; редиф (см.) не обязателен.

Гап — мужская вечеринка, устраиваемая еженедельно по очереди каждым из участников компании.

Гиджак — струнный смычковый музыкальный инструмент, наподобие скрипки.

Гуландам — букв. «роза-стан (тело)»: поэтический образ.

Гулистан — розарий, цветник, сад цветов; поэтический образ; райский уголок, благодатная земля.

Гульхани, Мухаммад-Шариф — популярный кокандский поэт начала XIX века, выходец из народа.

Гурия — в мусульманской мифологии райская дева.

Гяз — мера длины, аршин.

Гяур (возможно, от «гебр») — огнепоклонник; иноверец, немусульманин.

Дадха — один из высших придворно-административных чинов в Кокандском ханстве.

Дал — буква арабского алфавита в виде крюка; символ согбенности, угнетенности каким-нибудь горем.

Даллал — маклер, посредник в торговых операциях.

Дара — среднеазиатская форма имени Дарий, которое носили персидские цари династии Ахеменидов (Дарий I, Дарий II, Дарий III).

Дархан — канал, в старину также улица в черте города Ташкента.

Дастархан — скатерть, расстилаемая для трапезы; переносно: обильное угощение.

Дервиш — букв. персидск.: «открывающий дверь» (т. е. путь к богу); странствующий монах, исповедующий ислам; переносно: нищий странник, скиталец.

Дестан — литературный жанр: лирическое или эпическое повествование в прозе, где речь действующих лиц передается в стихах.

Дехканин (множ.: дехкане) — в древности полунезависимый феодал; современное значение: крестьянин, земледелец.

Джам — см. Джамшид.

Джами, Абдуррахман-Нуриддин (1414—1492) — выдающийся персидско-таджикский поэт.

Джамшид (Джемшид), или Джам, — мифический царь древнего Ирана, обладатель сказочной чаши (Джами-Джем), глядя в кото-

рую, якобы можно было видеть все происходящее в мире. Этот царь правил, согласно преданию, 700 лет, научил народ ремеслам, время его правления было золотым веком человечества. За обоготворение себя подвергся нашествию иноземцев и был казнен их царем Заххаком.

Джантак — колючая трава, также называемая верблюжьей колючкой.

Джебраил — мусульманская форма имени архангела Гавриила.

Джейхун — древнее название Аму-Дарьи, также образное наименование всякой бурной, многоводной реки.

Джизак — город к северо-востоку от Самарканда.

Джинн — дух, демон, иногда — добрый покровитель человека.

Диван — в области литературы: рукописный сборник поэтических произведений, обычно одного автора.

Диванá — юродивый, «блаженный», пользующийся почетом со стороны верующих; в поэзии — обезумевший от любви.

Дойра — музыкальный инструмент, бубен.

Дониш — см. *Ахмад Дониш*.

Дувал — глинобитный забор.

Дульдуй — имя легендарного коня (или мула), на котором, согласно преданию, ездил Али, четвертый халиф, племянник и зять пророка Мухаммеда (Магомета).

Дутар — двухструнный щипковый музыкальный инструмент.

Завки, Убайдулла (1853—1921) — кокандский поэт-демократ, современник и друг Мукими.

Зиндан — тюрьма, темница.

Зулейха — героиня мусульманской версии сказания об Иосифе Прекрасном (Юсуфе); в библейской версии — жена Пентефрия; образ страстно и безрассудно влюбленной женщины, чрезвычайно широко и многообразно использованный в классической поэзии Востока.

Зулькарнайн — букв. «Двурогий»; прозвище Александра Македонского, основанное на том, что после завоевания Египта жрецы объявили его сыном бога Амона, которого изображали с рогами на голове.

Зуннар — от греч.: ζωνή, дзонарнон; первоначально пояс христианских монахов, впоследствии пояс, который в мусульманских государствах обязаны были носить евреи, христиане и зороастрийцы.

Икан — селение неподалеку от г. Туркестана (на юге Казахстана).

Ильяс — мусульманская форма имени Ильи, библейского пророка, в мифологии народов Ближнего Востока и Средней Азии отождествляемого с Хызром (см.).

Имам — священнослужитель, под его руководством совершается богослужение в мечети.

Ирам — райский сад, по преданию возвращенный на земле демонами по приказу тирана-богборца Шеддада, которого бог поразил

на смерть у входа в этот сад, после чего к семи отделениям рая (неземного) прибавилось восьмое.

Искандер — Александр Македонский.

Исфаган — город в Иране, славился выделкой холодного оружия — сабель, кинжалов, также луков.

Исфара — местность в Ферганской долине, близ Коканда.

Ишан — духовный наставник мусульманской общины верующих, в частности — дервишей.

Кавсар — согласно мусульманской мифологии, ручей, протекающий в раю.

Кадакчи — уличный мастер, чинящий фарфоровую и стеклянную посуду.

Кадий (кази) — мусульманский духовный судья.

Кази — см. *Кадий*.

Кайс — см. *Меджнун*.

Каландар — нищий; бродячий мусульманский монах-аскет.

Ками, Каримбек (1865—1923) — ташкентский поэт, просветитель, в поздние годы жизни был близок к националистическим кругам.

Камча — плеть, нагайка.

«*Канон*» — медицинский трактат выдающегося среднеазиатского ученого Авиценны (Абу-Али Ибн Сина, 980—1037).

Канун — музыкальный инструмент, наподобие цитры, гуслей.

Карнай — музыкальный инструмент: большая длинная медная труба.

Карун — мусульманская форма имени библейского персонажа Корея, обладателя несметных богатств, прославившегося скупостью и жадностью; согласно преданиям, Корей был проклят пророком Моисеем и поглощен землей вместе со всеми богатствами.

Кашгар — город в Синьцзяне (Западный Китай, Китайский Туркестан).

Кашмир — княжество на северо-востоке Индии; согласно преданиям, в Кашмире жили особенно искусные волшебники.

Кебаб — жаркое.

Кийгирчи — охотник с ловчим ястребом, соколом.

Кипчаки — тюркское племя, сближаемое с куманами, или половцами, русских летописей и европейских хроник; начиная с XI века часть его обосновалась в степях к северу от Ферганской долины, постепенно оседала на землю в пределах долины; в XVIII—XIX веках в отдельные периоды кипчаки, умелые, отважные воины, сильные своей сплоченностью, устанавливали безраздельное политическое господство над Кокандским ханством.

Кишлак — селение.

Кокельташ — медресе в старом Ташкенте.

Кокнар — наркотик из коробочек мака, употребляется в жидком виде.

Кошма — войлок из овечьей шерсти.

Кулах — высокий головной убор конической формы.

Кунанбаев — см. *Абай*.

Кяфир — иноверец, немусульманин.

Лал — рубин.

Лейли — от арабск. «лейл» — «ночь»; имя героини сказания о Лейли и Меджнуне (см.); образ влюбленной девушки, чрезвычайно широко использовавшийся в поэзии мусульманского Востока.

Лукман — мифический мудрец, врач, отождествляемый с Эзопом, Гиппократом; согласно преданию, жил 400 лет.

Лютфи (1369—1415) — выдающийся среднеазиатский поэт-дервиш.

Мавераннахр — букв. арабск. «Междуречье»; местность между реками Аму-Дарья и Сыр-Дарья; это наименование порой распространялось и на левобережье Аму-Дарьи, вплоть до Хорасана (северный Иран).

Маджлиси — видный узбекский поэт XVI века.

Майдан — площадь, обычно базарная.

Мактаб — низшая школа у мусульман.

Марут — см. *Харут и Марут*.

Мастава — рисовая густая похлебка с бараниной.

Махзуна — видная кокандская поэтесса первой половины XIX столетия, была дочерью ученого, получила разностороннее образование, стихи ее пользовались большой популярностью.

Махлар-аим — см. *Надира*.

Махмур — крупный кокандский поэт XVIII—XIX веков (см. вступительн. статью, с. 12), сын ученого и поэта Акмаля; других сведений о его жизни не сохранилось.

Махрам — селение и крепость на западе Ферганской долины, здесь 24 августа 1875 года произошло кровопролитное сражение между русскими и кокандскими войсками; кокандцы были разбиты.

Машраб, Бабарахим (1657—1711) — выдающийся узбекский поэт, дервиш; вольнодумец и обличитель социальной несправедливости, за что сперва был изгнан из родного города Андижана, а затем повешен в Балхе.

Меджнун — букв. арабск. «одержимый»; прозвище Кайса, героя чрезвычайно распространенного на мусульманском Востоке (арабского по происхождению) сказания о Лейли и Меджнуне; образ безрассудно и страстно влюбленного юноши. Обезумев от несчастной любви, Меджнун долго скитался в пустыне. Этот эпизод сделался одним из распространеннейших мотивов восточной любовной лирики.

Медресе — мусульманское духовное училище средней и одновременно высшей ступени.

Медынский — начальник Кокандского уезда в 90-е годы.

Минарет — башня, входящая в архитектурный комплекс мечети.

Мингбаши — тысяцкий; в Кокандском ханстве — главный министр; в Туркестане так именовался выборный волостной старшина.

Минг-Тепе — селение на востоке Ферганской долины (см. примеч. к № 25).

Мир — сокращенное от арабск.: «эмир»; повелитель, наставник. См. *эмир*.

Мираб — должностное лицо общины, ведающее распределением воды для полива, в старину причастное также к определению размеров податей с сельскохозяйственных угодий.

- Мирза* — от арабско-персидск.: «эмир-заде» — «потомок, сын эмира»; представитель привилегированного сословия, впоследствии также секретарь, писарь.
- Мирза-Бухари* (Бухарин) — самаркандский купец (жил в конце XIX века), придерживался прогрессивных воззрений, друг и покровитель Фурката (см. вступительн. статью, с. 38).
- Мискин*, Кошак Ташмухаммад (1880—1937) — узбекский поэт, после революции активный сторонник советской власти.
- Михраб* — свод в мечети, указывающий направление на Мекку; к михрабу во время молитвы обращены лица молящихся; в классической поэзии с ним сравниваются брови красавицы.
- Мохаррам* — первый месяц мусульманского лунного года.
- Мударрис* — преподаватель медресе (см.).
- Мулла* — человек, окончивший медресе (см.), получивший высшее духовное образование и потому имеющий право занять должность учителя в мактабе (см.), священнослужителя и т. п.
- Мулла-Ташбалта* (псевдоним: Раик) — поэт из Нового Маргелана, друг Фурката.
- Мунис Хорезми*, Шермухаммад (1778—1829) — видный хивинский поэт и историкограф.
- Мурабба* — строфическая форма: стихотворение из строф, каждая из которых включает четыре строки; в первой строфе все строки обычно зарифмованы по схеме: а — а — а — а или б — а — б — а; в последующих три строки имеют единую рифму, четвертая рифмуется со строками — всеми или четными — первой строфы (в — в — в — а, г — г — г — а и т. д.).
- Мусаддас* — строфическая форма: стихотворение из строф, каждая из которых включает шесть строк; обычная схема рифмовки: а — а — а — а — а — а, б — б — б — б — а — а, в — в — в — в — а — а и т. д., последние две строки могут повторяться без изменения в каждой строфе.
- Мусаллас* — виноградное вино домашнего приготовления.
- Муфтий* — мусульманский законовед, толкователь шариата (см.), духовное лицо высокого ранга.
- Мухаммас* — строфическая форма: стихотворение из строф, каждая из которых включает пять строк; в первой строфе все строки зарифмованы одинаково (а — а — а — а — а), в последующих четыре строки имеют единую рифму, пятая рифмуется со строками первой строфы (б — б — б — б — а, в — в — в — в — а и т. д.).
- Мухи*, Хаджи-Мухиддин Мухаммад Риза-ахун-оглы (1835—1911) — кокандский поэт, принадлежавший к реакционному крылу.
- Мюрид* — послушник, последователь духовного наставника (ишана, шейха, пира, — см.).
- Навои*, Низамуддин Мир Алишер (1441—1501) — великий узбекский поэт и мыслитель.
- Надим*, Сулайман-ходжа Улуг-ходжа-оглы (ум. 1923) — узбекский поэт, жил в Намангане, принадлежал к демократическому течению (см. вступительн. статью, с. 17).
- Надира* (настоящее имя Махлар-аним) — жена кокандского хана Ума-

ра, видная поэтесса, убита в 1842 году эмиром бухарским Насруллоем, вторгшимся с войсками в Коканд.

Назр — приношение согласно обету; взятка.

Най — музыкальный инструмент наподобие свирели.

Наливкин В. П. (1852—1918) — ученый-востоковед, этнограф и историк, начиная с 1905 года политический деятель буржуазно-либерального толка, после февраля 1917 года активный проводник политики Временного правительства в Туркестане.

Наманган — город на севере Ферганской долины.

Нард — ароматическое растение.

Нисбати — кокандский поэт XIX века, современник и друг Фурката и Мукими.

Нишалда — лакомство: янчные белки, взбитые с сахаром и мыльным корнем.

Новруз — новогодний праздник, приходится на весеннее равноденствие.

Новый Маргелан — см. *Фергана*.

Нун — буква арабского алфавита, в виде незамкнутого овала с точкой над ним; в поэзии с этой буквой сравнивается бровь красавицы.

Нух — мусульманская форма имени Ноя.

Остроумов Н. П. (1843—1930) — востоковед, православный миссионер, деятель народного просвещения в Туркестане с 1877 года, с этого же времени бессменно осуществлял издание «Туркестанской туземной газеты» (ликвидирована весной 1917 года); см. вступительн. статью, с. 30.

Ош — город на востоке Ферганской долины.

Падишах — государь, монарх.

Пэри (правильнее: перй) — фея, райская дева; поэтическое олицетворение женской красоты.

Пиала — сосуд, чаша.

Пир — старец, духовный наставник.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста (ураза — см.).

Редиф — слово или группа слов, без изменения повторяющаяся в конце стихотворной строки после рифмы, которая поэтому называется предредифной.

Рейхан — базилик, ароматическая трава; с рейханом в поэзии сравнивается пушок на лице красавицы.

Рубаб — струнный музыкальный инструмент наподобие лютни, бандуры.

Рубай — четверостишие, имеющее самостоятельный (законченный) смысл; схема рифмовки: а — а — б — а.

Руд — струнный музыкальный инструмент.

Руза — см. *Ураза*.

Рум — Византия, также — страны к западу от нее; Европа в целом.

Рустам — мифический герой древнеиранского эпоса (поэмы «Шахнаме» Фирдоуси); образ неустранимого, всепобеждающего богатыря.

Саади, Муслихиддин (ум. в 1291) — великий персидско-таджикский поэт.

Сабахиль — квартал в старом Ташкенте.

Сагайдак — чехол для лука, также снаряжение лучника (колчан, лук, стрелы)

Саз — струнный музыкальный инструмент; поэтический символ таланта, вдохновения поэта, певца.

Салам — привет.

Сандал — жаровня: углубление в глиняном полу, наполненное горячими угольями, сверху прикрытое деревянным столиком и ватными одеялами; служит для обогрева рук и ног.

Сарбаз — солдат регулярной пехоты в среднеазиатских государствах и в Иране.

Сеид (узб. «саид») — представитель привилегированного сословия, тех, кто считает себя потомками первых халифов (см. *Ходжа*) от браков с дочерьми пророка Мухаммеда, также потомками арабских воинов, вторгшихся в Среднюю Азию в VII веке.

Сим — см. *Фергана*.

Ситар — трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Суvara (Сувари) — название народной мелодии, напева.

Судный день — по религиозным представлениям, день Страшного суда, воскресения мертвых.

Сулейман (узб. «Сулайман») — мусульманская форма имени библейского царя Соломона, в поэзии — олицетворение мудрости, могущества, богатства.

Сумалак — кисель из пшеничного солода.

Суpa — род топчана.

Суpa — глава Корана.

Сурьма — черная краска для ресниц.

Суфий, суфи — последователь суфизма, возникшего в средние века религиозно-философского течения в мусульманстве. Суфизм был в известной степени оппозиционным ортодоксальному исламу (суфии нередко преследовали и даже казнили), проповедовал аскетизм, утверждал возможность прямого, без посредства служителей культа, общения с божеством, которое в суфийской поэзии аллегорически представлялось как «друг», «возлюбленная» и т. д. Слово «суфи» употребляется также в значении: низший служитель мусульманского культа.

Танап — веревка или шнур для обмера полей, также мера площади, в различных районах Средней Азии от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{2}$ гектара.

Танапчи — землемер (от *танап* — см.).

Танбур — музыкальный инструмент наподобие гитары, лютни.

Ташбалта — поэт, современник Фурката.

Теньга (правильнее: танга) — мелкая серебряная монета, имевшая до революции хождение по всей Средней Азии (в Бухаре досто-

ниство ее оценивалось на русские деньги в 15 копеек, в Ташкенте и Фергане — в 20 копеек).

Той — празднество, пиршество.

Токкуз — букв. «девять»; традиционное угощение: гостям подают на подносе девять видов яств и, кроме того, каждому из гостей по девять лепешек, которые уносятся ими домой.

Толмач — устный переводчик.

Тукай — см. *Габдулла Тукай*.

Турды (другое имя: *Фараги*) — среднеазиатский поэт XVII века, писал на узбекском и персидско-таджикском языках.

Туркестан — город к северу от Ташкента, ныне на территории Казахской ССР.

Увайса (настоящее имя: *Джахан*) — кокандская поэтесса начала XIX столетия.

Уд — музыкальный инструмент наподобие арфы.

Улакчи — участник традиционного конно-спортивного состязания, устраиваемого во время празднеств: всадники на конях вырывают друг у друга тушу козленка (*улак*), победителем считается доставивший ее к финишу.

Улус — государство, удел у кочевников, тюрков и монголов.

Ураза (*руза*) — мусульманский пост, соблюдается в месяц рамазан (см.).

Ура-Тюбе — город к северо-востоку от Самарканда.

Ургенч — в древности Гургандж, центр государства Хорезм, ныне в развалинах, близ которых находится город Куны-Ургенч (Старый Ургенч), в пределах Туркменской ССР; несколько дальше, к юго-востоку, находится город Новый Ургенч, ныне центр Хорезмской области Узбекской ССР.

Урда — резиденция хана, правителя; также административный центр города, селения.

Урюк — абрикос.

Усма — краска для бровей.

Фагфур — так на мусульманском Востоке называли китайского императора.

Фазли — видный кокандский поэт начала XIX века, составитель антологии (см. вступительн. статью, с. 6).

Фард — двуступенчатое, связанное единой рифмой, имеющее самостоятельный (завершенный) смысл.

Фархад — герой среднеазиатского сказания о Фархаде и Ширин, многократно использованного поэтами; образ влюбленного, свершающего титанические подвиги во имя своей любви.

Фергана — город в Ферганской долине, в настоящее время центр Ферганской области Узбекской ССР, основан в 1876 г. на местности, носившей название Сим, или Саму-Чармкон; при основании назван Новый Маргелан, в 1907 г. — Скобелев. Словом «Фергана» нередко называли и называют всю Ферганскую долину.

- Физули*, Мухаммед Сулейман-оглы (1498—1556) — азербайджанский поэт-классик, чрезвычайно популярный в Средней Азии.
- Фирдоуси*, Абулькасым (934 или 941 — ок. 1020) — великий персидско-таджикский поэт, автор эпической поэмы «Шах-наме».
- Френги* (ед. и множ.) — европейцы.

Хабаш — Абиссиния, Эфиопия.

Хаджи — тот, кто совершил хадж — паломничество в Мекку, к мусульманским святыням.

Хазрат — титул духовных и светских властителей, со значениями: высочество, степенство и т. п.

Хазрат-Сатвалды — кокандский богач, меценат, покровитель Мукими (см. вступительн. статью, с. 15).

Хакан — повелитель, хан (см.).

Хаким — губернатор, правитель области в Кокандском ханстве; в колониальном Туркестане местные жители так зачастую называли уездного начальника (всегда назначавшегося из русских офицеров).

Халаб — арабское название города Алеппо в Сирии.

Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929) — выдающийся узбекский просветитель, поэт, драматург, после революции член Коммунистической партии, основоположник узбекской советской поэзии и драматургии; убит контрреволюционерами.

Хан — титул правителя либо независимого властителя; употребляется также с именами собственными, выражая ласкательность, уважение.

Ханака — молельня в мечети; также странноприимный дом, обитель дервишей (см.).

Харут и *Марут* — два ангела, владевшие искусством колдовства; согласно мусульманским мифам, были изгнаны из рая и низвергнуты в бездонную пропасть («Вавилонский колодец»).

Хафалак — селение вблизи Коканда.

Хафиз Шемседдин Мухаммед (1300—1389) — выдающийся иранский поэт.

Хиджра — исходная дата мусульманского летосчисления, бегство в 622 году н. э. пророка Мухаммеда от своих политических противников из Мекки в Медину.

Хиндустан — полуостров Индостан, Индия.

Хирман — ток, гумно; место, где складывают убранный с поля урожай, обмолачивают колосья.

Хна — красно-желтая краска для ногтей, волос и др.

Ходжа — представитель привилегированного сословия — тех, кто считает себя потомками четырех первых халифов — Абу-Бекра, Омара, Османа и Али (но, в отличие от сендов — см., — не от браков с дочерьми пророка Мухаммеда), также потомками арабских воинов, вторгшихся в Среднюю Азию в VII веке.

Ходжент — город на западе Ферганской долины (теперь — Ленинабад, на территории Таджикской ССР).

Хорезми — см. *Мунис*.

Хотан — область в Синьцзяне (Западный Китай, Китайский Туркестан), славилась мускусом, драгоценными тканями, а также кра-

сотою женщин, вследствие чего наименование «Хотан», очевидно, получило в поэзии переносное, образное употребление.

Худжра — келья в медресе (см.).

Худояр — кокандский хан (годы правления: 1845—1858, 1862—1863, 1865—1875), прославился насильями и вымогательствами, в результате всенародного восстания был вынужден отказаться от власти и удалиться в русский Туркестан. Впоследствии бежал из Оренбурга, умер в 1886 году вблизи Герата (Афганистан).

Хум — вместительный шарообразный кувшин из обожженной глины, для хранения продуктов.

Хумаюн, Хумай — сказочная птица; гриф; согласно поверью, человек, на которого пала ее тень, должен стать царем; Хумаюново перо — поэтический символ красоты.

Хызр — мифический пророк, бессмертный хранитель источника живой воды, наделенный способностью обращать пустыню в долину плодородия.

Хырка — одежда дервиша (см.) из грубой ткани.

Чайхана — чайная.

Чанг — музыкальный инструмент наподобие цимбал.

Чарык, чарыки — обувь из сыромятной кожи, формой напоминающая лапти.

Чин — наименование Китая (обычно — южного).

Шайдан — название местности.

Шайтан — дьявол, сатана.

Шамшад — дерево (вечнозеленый самшит, кавказская пальма).

Шариат — свод опирающихся на Коран мусульманских юридических законоположений и житейских правил.

Шах-заде — шахский сын, потомок шаха.

Шахимардан — букв. персидск. «повелитель отважных», эпитет халифа Али; поэтический образ.

Шейх — старейшина, глава религиозной мусульманской общины.

Шейхантаур (от имени Шейх-Хавенди-Тухура, мусульманского святого в Ташкенте, XIV век) — медресе (см.) и квартал в старом Ташкенте.

Шейх-Сулайман Афгани — кокандский богач, покровительствовал поэтам реакционного толка (см. вступительн. статью, с. 21).

Ширин — букв. персидск.: «сладостная»; героиня сказания о Фархаде (см.) и Ширин, Хосрове и Ширин; образ верной, прекрасной возлюбленной.

Эликбаши — пятидесятник, в старину один из низших административных чинов; в Туркестане — низшая административная должность: выборщик (от 50-ти домохозяев), участник выборов кази и аксакалов (см.), также разверстки податей по налогоплательщикам.

Эмир — независимый властитель, князь.

Юсуф — мусульманская форма имени Иосифа Прекрасного, героя библейского сказания, исключительно популярного у всех народов Ближнего Востока.

Якуб — мусульманская форма имени библейского Иакова, отца Иосифа Прекрасного (*Юсуфа* — см.); образ Якуба олицетворяет в поэзии терпеливость, покорность перед лицом бедствий.

Янги-Курган — селение в Ферганской долине, неподалеку от Коканда. *Яркент* — город в Синьцзяне (Западный Китай, Китайский Туркестан), где прошли последние годы жизни Фурката, где он умер и похоронен.

Ясави, Ходжа-Ахмед (ум. в 1166 г.) — среднеазиатский поэт-суфий.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

МУЖИКИ

- А ты ушла («Ты нанесла мне сотни ран...») 122
Арба («Вновь о дрянной арбе рассказ...») 79
Асаркул («Убирайся! Мною ты понят...») 56
- «Беда! Шипы судьбы моей...» (От Коканда до Шахимардана) 89
«Без вина, увя...» 175
Без памяти влюблен («Олень в кудрей твоих каскад без памяти влюблен...») 172
«Без солнца лика твоего...» (Гнетет печаль) 122
«Без сурьмы — и так прекрасны...» (Твои глаза) 127
«Без тебя цветник богатый...» (Не понравится) 147
Безбородый («Я о бороде мечтаю...») 74
«Бесконечно дороге, да хранит вас бог!...» (Друзьям в Ташкент) 106
Боевой перепеленок («Он к зерну бежит без страха...») 47
Бродячий музыкант («Помогите, — я бродячий, некрасивый музыкант!...») 74
- В город, милая, приходи... 114
«В Коканде тяжело в жару...» (Новый отрывок из путешествия в Исфаху) 96
«В одно мгновенье ветер налетел...» (Ветер налетел) 85
В плаще из роз («Ветерок молю, чтобы он донес...») 113
В саду вселенной... 148
В саду красот («Меня ты опьянила лунным ликом...») 117
«В тебя влюблен олень степной...» (Не только я один) 149
«В твой сад спешу...» (Спешу в твой сад) 140
«Вас теперь почти не видно...» (Что случилось?) 72
Ваш конь («Эй, господин, куда как плох...») 77
Вексель («О векселе такое болтают языки...») 65
Ветер налетел («В одно мгновенье ветер налетел...») 85
«Ветерок молю, чтобы он донес...» (В плаще из роз) 113
Влюбилась Фергана («Не только я в тебя влюблен...») 116

Влюбленный в тебя («Не мучь того, на ком печать...») 144
«Вновь о дрянной арбе рассказ...» (Арба) 79
«Волшебница! Влюбленный друг скорбит...» (Из-за тебя) 134
Вторая сатира на Виктора («Повсеместно разговоры, пересуды...») 69

Вы... 128

«Вы не долго собирайтесь...» (Приезжайте) 123

Выборы («Когда хаким отдаст приказ...») 52

Где же ты? 71

Гнетет печаль («Без солнца лик твоего...») 122

Горе нашему краю («О, горе нашей стороне...») 48

Гранат («Много есть плодов на свете...») 145

Грязь («Не выберешься за порог...») 80

Девушке из Кашмира («Мир своим пренебреженьем ты в смятенье привела...») 174

«Для чего же о свиданье мне упоминать...» (Ответ Фуркату) 101

«Достопочтеннейшие, вам в ответ...» (Ответное письмо Фуркату) 103

«Достопочтенным мудрецам шлю в Андижан привет...» (Знакомым в Андижан) 107

«Другу просьбу я пишу...» (Привет) 101

Друзьям в Ташкент («Бесконечно дорогие, да хранит вас бог!...») 106

Душа полна («Слезы пусть не иссякают...») 173

Ее лицо... 147

«Если б лик ты приоткрыла...» (Твой лик) 126

«Если изменять исламу не хотят твои глаза...» (Твои глаза) 159

Есть ли? («Ты идешь так плавно...») 140

Еще никто («Я люблю. Такой любовью...») 165

Жалоба на Лахтина («Правоверные в смятенье, жалуясь на Лахтина...») 70

Жалобы на лихорадку («Ты всех других недугов злей...») 82

Желанный лик 134

«Жемчуг гордости рассыпать ты боишься не к добру...» (Моя красавица) 157

«Жестокой быть такую перестань!...» (Помилосердствуй) 132

Жизнь за тебя отдам («Могу я только повторять...») 131

«Закадычным другом брошен...» 176

Землетрясение в Андижане («На Андижан обрушилась беда...») 88

«Злобный человек гонит...» 175

Знакомым в Андижан («Достопочтенным мудрецам шлю в Андижан привет...») 107

«Зреют, сладость обещая, года этого плоды...» (Плоды этого года) 60

И всё! («Моя любовь, передо мной ты мчалась на коне...») 129

И ты («Тебя я видел только раз...») 135

«Идешь на вечеринку — чадит дурной фонарь...» (Фонарь) 84

- Из-за тебя («Волшебница! Влюбленный друг скорбит. . .») 134
 «Искать заставит падишах. . .» (Ищите) 125
 Ищите («Искать заставит падишах. . .») 125
- «К нашим воплям. . .» 176
 «Какие были времена! . .» (Племяннику в Москву) 108
 Кийгирчи («Трое суток пробродили, птиц набили кийгирчи. . .») 83
 «Когда б не приходила ты. . .» (Твое письмо) 160
 «Когда в саду лицом своим. . .» (Прогулка в саду) 143
 Когда так быстро ты идешь. . . 146
 «Когда ты павой входишь в сад. . .» (Я — Фархад) 124
 «Когда хаким отдаст приказ. . .» (Выборы) 52
 «Кравчий, дай побольше чашу! . .» (Эй, вина!) 120
 Красавица, красавица («Ты не взглянула, ты ушла. . .») 119
 «Кровавою плачу слезой. . .» (Сто тысяч мучений) 123
 «Кто в твой силок не попадал? . .» (Хаджи-кадакчи) 56
 «Кто живет не по карману, быстро убежит в Халаб. . .» (Слово о гапе) 58
 «Кто прочитал немало книг. . .» (Кто человеком назовет?) 149
 Кто скажет обо мне? («Незримой тени я бледней. . .») 167
 Кто человеком назовет? («Кто прочитал немало книг. . .») 149
 Куда, измученный, пойду? («Моя красавица, мой рай. . .») 133
 «Кудаш оставлен мною был. . .» (От Коканда до Ферганы) 91
- «Лелея в сердце милый образ твой. . .» (Я вспомнил) 156
 Лучше бы не видеть 130
 Люблю тебя («Тебя люблю, люблю. . .») 138
 «Люблю тебя, и велика моя любовь. . .» (Моя любовь) 121
 «Любовь — не рай, не благодать. . .» (Я от тоски горю) 166
- «Меня ты опьянила лунным ликом. . .» (В саду красот) 117
 Месяцеликязя 151
 Месяцеликой передай. . . 142
 «Месяцу меж звезд-сендов. . .» (Привет) 98
 Милая («Помнишь, что за встречи были. . .») 130
 Мингбаш («Ты, мингбаш мой, «правильно» живешь. . .») 53
 «Мир своим пренебреженьем ты в смятенье привела. . .» (Девушке из Кашмира) 174
 Мне лекарства не помогут. . . 161
 «Мне удачи, к сожаленью. . .» (Моя судьба) 138
 «Мне шлет рубины Бадахшан. . .» (Уж если правду говорить) 145
 «Много есть плодов на свете. . .» (Гранат) 145
 «Могу я только повторять. . .» (Жизнь за тебя отдам) 131
 «Моей сулганше и царнице. . .» (Тебе привет) 126
 Моя красавица («Жемчуг гордости рассыпать ты боишься. . .») 157
 «Моя красавица, мой рай. . .» (Куда, измученный, пойду?) 133
 Моя любовь («Люблю тебя, и велика моя любовь. . .») 121
 «Моя любовь, передо мной ты мчалась на коне. . .» (И всё!) 129
 «Моя свобода пери мне вручена опять. . .» (Опять) 118
 Моя судьба («Мне удачи, к сожаленью. . .») 138
 Мухаммас о жителях Акджара («Расвастались акджарцы. . .») 51
 Мухи («Сто тысяч мух. . .») 81

- «На Андижан обрушилась беда...» (Землетрясение в Андижане) 88
 На сердце хорошо («Ты страдальца посетила...») 115
 «Написан золотым пером закон...» (Так заведено) 109
 «Небо — милости твердыня, милосердия оплот...» (Сатира на коня)
 75
 «Не выберешься за порог...» (Грязь) 80
 «Не крась бровей...» (Твои глаза) 152
 «Не мучь того, на ком печать...» (Влюбленный в тебя) 144
 Не понравится («Без тебя цветник богатый...») 147
 «Не похожи на людей...» (Улакчи) 83
 «Не только я в тебя влюблен...» (Влюбилась Фергана) 116
 Не только я один («В тебя влюблен олень степной...») 149
 «Незримой тени я бледней...» (Кто скажет обо мне?) 167
 Новоявленный бай («О наших богачах рассказ начну...») 66
 Новый отрывок из путешествия в Исфару («В Коканде тяжело в жару...») 96
 «Ночей моих мученье...» (Тебя б не видеть лучше) 112
 «Ну и делец! Бухгалтер был...» (Сатира на Виктора) 68
 «Ну кто ж отрадой не считает печь?...» (Похвала печи) 82
 «Ну что за люди, что за времена!...» (Случай с одноглазым Ашурбаем-хаджи) 86
 Нужна («Обо мне, посланник добрый...») 164
 «О векселе такое болтают языки...» (Вексель) 65
 «О, горе нашей стороне...» (Горе нашему краю) 48
 О достоинствах коня, хозяин которого — Таджи — развизит телеграммы («Хотите возраст знать его...») 78
 О достоинствах любимой («Сколько мне ночей бессонных...») 170
 «О наших богачах рассказ начну...» (Новоявленный бай) 66
 «Обо мне, посланник добрый...» (Нужна) 164
 «Обращенья в письме в начале стоят...» (Ответ Надиму из Намангана) 104
 «Олень в кудрей твоих каскад без памяти влюблен...» (Без памяти влюблен) 172
 «Он к зерну бежит без страха...» (Боевой перепеленок) 47
 Опять («Моя свобода пери мне вручена опять...») 118
 «Опять весна, и зелен сад...» (Ранняя весна) 144
 От Коканда до Исфары («Судьба не жалует меня...») 93
 От Коканда до Ферганы («Кудаш оставлен мною был...») 91
 От Коканда до Шахимардана («Беда! Шипы судьбы моей...») 89
 Ответ Надиму из Намангана («Обращенья в письме в начале стоят...») 104
 Ответ Фуркату («Для чего же о свиданье мне упоминать...») 101
 Ответное письмо Фуркату («Достопочтеннейшие, вам в ответ...») 103
 Офарин («Ты павой выступаешь...») 169
 Пери, ты лицом светла 155
 Письмо по случаю первого снега («Примите поздравленья, — выпал снег...») 109
 Племяннику в Москву («Какие были времена!...») 108
 Плоды этого года («Зреют, сладость обещаю, года этого плоды...») 60

- «Повсеместно разговоры, пересуды...» (Вторая сатира на Виктора) 69
- Поговорим («Приди, приди, друг несравненный мой...») 113
- Помилосердствуй («Жестокое быть такую перестань...») 132
- «Помнишь, что за встречи были...» (Милая) 130
- «Помогите, — я бродячий, некрасивый музыкант!...» (Бродячий музыкант) 74
- Порицание времени («Разбой, насилье — сущий ад!...») 45
- Порицание лягушкам («Я оглох от вас, лягушки...») 73
- Порицание москиту («Что за странное создание по названию москит?...») 80
- Порицание псу, называемому элликбаши («Я — старостью раздавленный старик...») 53
- «Посторонний между вами...» (Умираю от любви) 139
- Похвала печи («Ну кто ж отрадой не считает печь?...») 82
- «Правовверные в смятенье, жалуясь на Лахтина...» (Жалоба на Лахтина) 70
- «Прекрасней розы, госпожа, твой лик...» (Я вспоминаю) 154
- Привет («Другу просьбу я пишу...») 101
- Привет («Месяцу меж звезд-сендов...») 98
- «Приди, приди, друг несравненный мой...» (Поговорим) 113
- Приезжайте («Вы не долго собирайтесь...») 123
- «Примите поздравленья, — выпал снег...» (Письмо по случаю первого снега) 109
- Приходи («Свет для меня стал тьмою!...») 162
- Пришел («Я с тобою поделиться...») 137
- «Пришел о тебе рассказать черед...» (Той) 61
- Прогулка в саду («Когда в саду лицом своим...») 143
- Продавец чая («Стал юношею снова...») 57
- Прошение хану от жителей селения Хафалак («Ханов хан, владык владыка...») 46
- «Прямая, стройная, — таких немного...» (Таких немного) 135
- Пускай она придет хоть раз! («Скажи ей, ранний ветерок...») 142
- Пусть тюльпан не увядает 168
-
- «Разбой, насилье — сущий ад!...» (Порицание времени) 45
- Ранняя весна («Опять весна, и зелен сад...») 144
- «Расхвасталсь акджарцы...» (Мухаммас о жителях Акджара) 51
- Ремесло мое — влюбленность 136
-
- «С другим мила, а вот со мной...» (Сколько лет) 119
- Сатира на Виктора («Ну и делец! Бухгалтер был...») 68
- Сатира на коня («Небо — милости твердыня, милосердия оплот...») 75
- «Свет для меня стал тьмою!...» (Приходи) 162
- Святой («То шапку носит, то чалму...») 72
- Семена хлопчатника («Шайтан, как видно, расхвалил вот эти семена...») 59
- «Скажи ей, ранний ветерок...» (Пускай она придет хоть раз!) 142
- Сколько лет («С другим мила, а вот со мной...») 119

«Сколько мне ночей бессонных. . .» (О достоинствах любимой) 170
«Слезы пусть не иссякают. . .» (Душа полна) 173
Слово о гапе («Кто живет не по карману, быстро убежит в Халаб. . .») 58
Случай с одноглазым Ашурбаем-хаджи («Ну что за люди, что за времена! . .») 86
«Смеется надо мной судьба. . .» (Я позабыт) 158
Смейся, друг, и пляши («Эй, приятель, для души гости очень хороши! . .») 115
Спешу в твой сад («В твой сад спешу. . .») 140
«Стал юношею снова. . .» (Продавец чая) 57
«Сто тысяч мух. . .» (Мухи) 81
Сто тысяч мучений («Кровавою плачу слезой. . .») 123
«Стройная и молодая, ты по улице идешь. . .» (Ты по улице идешь) 141
«Судьба не жалует меня. . .» (От Коканда до Исфары) 93

Так заведено («Написан золотым пером закон. . .») 109
Таких немного («Прямая, стройная, — таких немного. . .») 135
Твое письмо («Когда б не приходила ты. . .») 160
Твои глаза («Без сурьмы и так прекрасны. . .») 127
Твои глаза («Если изменять исламу не хотят твои глаза. . .») 159
Твои глаза («Не крась бровей. . .») 152
Твой лик («Если б лик ты приоткрыла. . .») 126
Твоя красота («Увлекла, истомила твоя красота. . .») 153
Тебе привет («Моей султанше и царице. . .») 126
Тебя б не видеть лучше («Ночей моих мученье. . .») 112
«Тебя люблю, люблю. . .» (Люблю тебя) 138
«Тебя я видел только раз. . .» (И ты) 135
«То шапку носит, то чалму. . .» (Святой) 72
Той («Пришел о тое рассказать черед. . .») 61
«Трое суток пробродили, птиц набили кийгирчи. . .» (Кийгирчи) 83
«Ты всех других недугов злей. . .» (Жалобы на лихорадку) 82
«Ты всех прекрасней. . .» (Я далеко) 150
«Ты идешь так плавно. . .» (Есть ли?) 140
«Ты, мингбаши мой, «правильно» живешь. . .» (Мингбаши) 53
«Ты нанесла мне сотни ран. . .» (А ты ушла) 122
«Ты не взглянула, ты ушла. . .» (Красавица, красавица) 119
«Ты ни разу не спросила. . .» (Что произошло?) 154
«Ты павой выступаешь. . .» (Офарин) 169
Ты по улице идешь («Стройная и молодая, ты по улице идешь. . .») 141
Ты, роза, — красота сама. . . 128
«Ты страдальца посетила. . .» (На сердце хорошо) 115

«Убирайся! Мною ты понят. . .» (Асаркул) 56
«Увлекла, истомила твоя красота. . .» (Твоя красота) 153
Уж если правду говорить («Мне шлет рубины Бадахшан. . .») 145
Улакчи («Не похожи на людей. . .») 83
Умираю от любви («Посторонний между вами. . .») 139

Фонарь («Идешь на вечеринку — чадит дурной фонарь. . .») 84

- Хаджи-кадакчи («Кто в твой силоч не попадал? . .») 56
 «Ханов хан, владык владыка. . .» (Прошение хану от жителей селения Хафалак) 46
 «Хотите возраст знать его. . .» (О достоинствах коня, хозяин которого — Таджи — развозит телеграммы) 78
- «Что за странное создание по названию москит? . .» (Порицание москиту) 80
 Что произошло? («Ты ни разу не спросила. . .») 154
 Что случилось? («Вас теперь почти не видно. . .») 72
 «Что Страшного суда страшней? . .» 176
- «Шайтан, как видно, расхвалил вот эти семена. . .» (Семена хлопчатника) 59
- Эй, вина! («Кравчий, дай побольше чашу! . .») 120
 «Эй, господин, куда как плох. . .» (Ваш конь) 77
 «Эй, приятель, для души гости очень хороши! . .» (Смейся, друг, и пляши) 115
 «Этот новый дом. . .» 175
- Я вспоминаю («Прекрасней розы, госпожа, твой лик. . .») 154
 Я вспомнил («Лелея в сердце милый образ твой. . .») 156
 «Я грущу, причиной грусти. . .» 175
 «Я люблю. Такой любовью. . .» (Еще никто) 165
 Я далеко («Ты всех прекрасней. . .») 150
 «Я о бороде мечтаю. . .» (Безбородый) 74
 «Я оглох от вас, лягушки. . .» (Порицание лягушкам) 73
 Я от тоски горю («Любовь — не рай, не благодать. . .») 166
 Я позабыт («Смеется надо мной судьба. . .») 158
 Я разум потерял 139
 «Я с тобою поделиться. . .» (Пришел) 137
 «Я — старостью раздавленный старик. . .» (Порицание псу, называемому элликбаши) 53
 Я — Фархад («Когда ты павой входишь в сад. . .») 124

ФУРКАТ

- Андижан («Нет, тот не был человеком. . .») 291
 Аромат («Пусть другим зелень сада. . .») 275
 «Ах, вверх меня в смятенье. . .» (В смятенье ввергнут я) 253
 «Ах, увидел я пери. . .» (Увидел я пери) 255
- «Багряный тюльпан в степи. . .» (Смилуйся!) 242
 «Без моей луны во мраке. . .» (По ночам) 303
 «Берегись любимой, сердце. . .» (Она резвится) 318
 «Блеском чудного виденья. . .» (Ночью) 243
 Бог любимую послал мне 250
 Будто ветка розы («Стан твой — будто ветка розы. . .») 262
 «Был приглашен достойным я лицом. . .» (Гимназия) 180
 «Был сентябрь. . . Восемьсот девяностый год. . .» (О выставке) 195

- «В зимний холод тепла. . .» (Я не мог) 343
 «В пору роз в цветнике со мною. . .» (Что сто́ит тебе?) 307
 В разлуке («Плачу горлицей я. . .») 289
 В разлуке с пери 301
 В садах красы нетленной («Ты в садах красы нетленной. . .») 298
 В саду («Вышла пери моя. . .») 238
 В смятенье свергнут я («Ах, сверг меня в смятенье. . .») 253
 В цветнике красы 272
 «В чем виновен я пред нею. . .» (Не внемлет) 309
 Верных нет («Среди красавиц — верных нет как нет. . .») 299
 Весною соверши прогулку 269
 «Весь народ наш в день урочный. . .» (Мой праздник) 267
 «Взор безверием позоря. . .» (Не ты ли?) 292
 «Взор ее меня невольно к ней, как ворожкой, влечет. . .» (Влечет) 304
 «Взором я твоим измучен. . .» (Тобою) 265
 «Влачась в кромешной тьме разлук. . .» (Во прахе) 249
 Влечет («Взор се меня невольно к ней, как ворожкой, влечет. . .») 304
 «Внемлите гласу разума, друзья. . .» (О музыке, музыкантах, их инструментах, а также о производимом музыкою впечатлении) 192
 Во прахе («Влачась в кромешной тьме разлук. . .») 249
 Впору лоб разбить 293
 «Всё ж пришла моя отрада. . .» (Славно) 310
 «Выйдет в сад та дева-роза. . .» (Если приоткроет лик) 278
 «Вышла пери моя. . .» (В саду) 238
 Вышла с улыбкой («Розоликая с улыбкой вышла. . .») 252
- «Где еще такая пери. . .» (Где такая пери?) 305
 Где ж твоя луна? 245
 «Где краса моя? Побывать бы. . .» (Побывать бы вдвоем) 271
 Где найдется? 279
 Где такая пери? («Где еще такая пери. . .») 305
 Гимназия («Был приглашен достойным я лицом. . .») 180
 «Глаза окрашены сурьмой. . .» (Отнимающая разум) 255
 Греческая легенда («Прошу послушать, милые друзья. . .») 209
- «Да будет пищею для вдохновенья. . .» (О выставке в Ташкенте) 200
 Девушке из Кашмира («Я в Кашмире увидал. . .») 308
 Добро! («Ты помучила влюбленных. . .») 277
 «Добро пожаловать, друзья! . .» (Пришла весна) 302
 Доколе? («Луноликая! Ждать мне свиданья. . .») 247
 «Друзья, забрел я в погребок. . .» (Забрел я в погребок) 247
 «Друзья, приятели, шлю вам привет. . .» (Послание Фурката Мукинми)
 «Дух и тело мне любят терзать. . .» (Твои косы) 266
- Едва раскроешь уста 273
 Если не будет («Станет жизнь не красна. . .») 236
 Если приоткроет лик («Выйдет в сад та дева-роза. . .») 278
 Если пройдет («Солцеподобная моя по улице пройдет. . .») 295
 «Если речь вести намеком. . .» (Нет!) 311
 «Если розам весной хорошо средь цветущего луга. . .» (Цветенье весны) 235

- «Жаркий лик твой я не видел. . .» (Я не видел) 291
 Жслает сердце («О друзья, услад и счастья. . .») 315
 Жизнь отдам («Жизнь свою за гибкий стан. . .») 335
 Жизнь печаль и огорчения мне приносит («Мне печаль и огорченья
 жизнь приносит. . .») 240
 «Жизнь свою за гибкий стан. . .» (Жизнь отдам) 335
- «За тебя, кипарис мой, я жертвой паду. . .» (Мой кипарис) 309
 За что? («Красавица, за что ко мне ты зла? . .») 252
 Забрел я в погребок («Друзья, забрел я в погребок. . .») 247
 Захмелев 258
 «Здесь, в саду, овеваемом благостью божьей. . .» (Просьба
 к ветру) 222
 «Знать, излом бровей дал хитрость. . .» (Излом бровей) 297
- Излом бровей («Знать, излом бровей дал хитрость. . .») 297
 Иных желаний нет («Трое нас — гуляк бездомных. . .») 340
 Ищу лекарства от скорбей 253
- «К счастью, нынче в Коканде я жив и здоров. . .» (Письмо к Му-
 кими) 219
 «Как вспомню пушок благовонный. . .» (Лишь вспомню) 276
 «Как соловья колючки роз. . .» (Терзался я) 263
 Каких не претерпел невзгод («О, каких от той неверной. . .») 293
 «Кипарисы и жасмины, люди говорят. . .» (Прелестны) 282
 «Когда она, смягчась душой. . .» (Когда прийти была готова) 333
 Когда прийти была готова («Когда она, смягчась душой. . .») 333
 Когда ты поёшь 284
 Кокандским богачам («Посмотрите на кокандских богачей. . .») 179
 «Красавица, за что ко мне ты зла. . .» (За что?) 252
 «Кровавой раной сердце мне. . .» (Так жестоко) 264
 «Кровожадным терзаньем мучат. . .» (Очи твои) 258
 «Круговращеньем дней меня отторгло. . .» (Меня отторгло) 313
 «Кто бы мне помог в несчастье. . .» (Кто стал бы другом?) 287
 Кто стал бы другом? («Кто бы мне помог в несчастье. . .») 287
- «Лик твой, кудри я не вижу. . .» (Не вижу) 260
 Лишь вспомню («Как вспомню пушок благовонный. . .») 276
 «Лишь приметив твой лик. . .» (Твой лик приметив) 239
 Лунолика 261
 «Лунолика! Ждать мне свиданья. . .» (Доколе?) 247
 Любимая 246
 «Люд вселенский в день урочный. . .» (Мой праздник) 267
 Люди не поймут («Не поймут моих бедствий люди. . .») 323
- Меня («Ты изменишь — му́ка в горле. . .») 261
 Меня отторгло («Круговращеньем дней меня отторгло. . .») 313
 Мечом твоих измен 288
 «Мне печаль и огорченья жизнь приносит. . .» (Жизнь печаль и огор-
 ченья мне приносит) 240
 Мой кипарис («За тсбя, кипарис мой, я жертвой паду. . .») 309

- «Мой поклон вам, о верные в дружбе друзья...» (Письмо Фурката к Мукимн) 220
- Мой праздник («Люд вселенский в день урочный...») 267
- Моя перн 251
- «Мы — народ неприхотливый...» (Не идем) 268
- На лике румяном («То ль испарина хмеля...») 237
- На твоём пути («Поутру стою несмело...») 248
- «На тюльпаны грех смотреть...» (Увидев) 330
- Не вижу («Лик твой, кудри я не вижу...») 260
- Не внемлет («В чем виновен я пред нею...») 309
- Не идем («Мы — народ неприхотливый...») 268
- Не навестила («Я красавицу напрасно ожидаю...») 241
- Не найду («Ох, я друга по сердцу себе...») 285
- Не обижусь («О, побудь только мнг!...») 317
- «Не поймут моих бедствий люди...» (Люди не поймут) 323
- «Не снесенных мной страданий...» (Никто) 328
- Не сразу, не сразу («Ты мне стала навеки мила...») 236
- Не ты ли? («Взор безверием позоря...») 292
- Не уходите! («Опять красавица, меня рыдать заставив...») 263
- Не щадит («Ох, она не щадит...») 280
- Недобрая 306
- Нет! («Если речь вести намеком...») 311
- Нет благой («Нет в мире благой...») 265
- «Нет в мире благой...» (Нет благой) 265
- «Нет! Не гурии и перн...» (Приятней) 280
- «Нет, тот не был человеком...» (Андижан) 291
- Никто («Не снесенных мной страданий...») 328
- Ночью («Блеском чудного виденья...») 243
- «О, вызволи лань, зверолов...» (Отпусти невольницу) 338
- О, выйди! 294
- О выставке («Был сентябрь... Восемьсот девяностый год...») 195
- О выставке в Ташкенте («Да будет пищею для вдохновенья...») 200
- О выставке в Ташкенте («Я выставку осматривал три дня...») 198
- О, доколе ж? 269
- О достоинствах науки («Эту речь поведу я о пользе наук...») 185
- «О друзья-острословы, ценители слова...» (О музыкальном вечере в Ташкенте) 188
- «О друзья, услад и счастья...» (Желает сердце) 315
- «О, как много испытаний...» (Судьба) 319
- «О, каких от той неверной...» (Каких не претерпел невзгод) 293
- «О лукавая, глянь...» (Хоть немного) 250
- О музыкальном вечере в Ташкенте («О друзья-острословы, ценители слова...») 188
- О музыке, музыкантах, их инструментах, а также о производимом музыкою впечатлении («Внемлите гласу разума, друзья...») 192
- «О, побудь только мнг!...» (Не обижусь) 317
- О поэзии и поэтической гиперболе («О поэтах пишу я вот этот мой стих...») 207
- «О поэтах пишу я вот этот мой стих...» (О поэзии и поэтической гиперболе) 207

- О русских солдатах («Цветенье слов дари весне...») 216
 О Суворове («Эй, музыкант, начни играть для нас...») 201
 «О, твоей небесной сутью...» (Огорчен я) 295
 О торжественном акте («Сегодня с вами поведу я речь...») 182
 «Обещала прийти, а томишь...» (Томишь ожиданьем) 274
 «Огненные муки страсти...» (Пламень страсти) 275
 Огорчен я («О, твоей небесной сутью искорной...») 295
 Она идет («Прихода милой мусульманки...») 305
 Она резвится («Берегись любимой, сердце...») 318
 «Опять красавица, меня рыдать заставив...» (Не уходит!) 263
 «Остробровая! Проведать, как я хил...» (Приди скорее) 312
 От ее глаз («От истомных глаз-нарциссов...») 296
 «От истомных глаз-нарциссов...» (От ее глаз) 296
 От любви к тебе сгорел 286
 Отнимающая разум («Глаза окрашены сурьмой...») 255
 Отпусти невольницу («О, вызволи лань, зверолов...») 338
 «Ох, она не щадит...» (Не щадит) 280
 «Ох, я друга по сердцу себе...» (Не найду) 285
 Очи кровью плачут («Что ни ночь, то очи кровью...») 272
 Очи твои («Кровожадным терзаньем мучат...») 258

 Письмо из Бомбея («Привет вам, мудрые мужи!...») 229
 Письмо из Яркенда, обращенное к Ташбалту («Я у ветра спросил,
 залетевшего в утренний сад...») 232
 Письмо к Мукими («К счастью, нынче в Коканде я жив и здоров...») 219
 Письмо Фурката к Мукими («Мой поклон вам, о верные в дружбе
 друзья...») 220
 Пламень страсти («Огненные муки страсти...») 275
 «Плачь горлицей я...» (В разлуке) 289
 По ночам («Без моей луны во мраке...») 303
 Побывать бы вдвоем («Где краса моя? Побывать бы...») 271
 «Посмотрите на кокандских богачей...» (Кокандским богачам) 179
 «Поутру стою несмело...» (На твоём пути) 248
 Прелестней розы («Ты прелестней розы ранней...») 322
 Прелестны («Кипарисы и жасмины, люди говорят...») 282
 «Привет вам, мудрые мужи!...» (Письмо из Бомбея) 229
 Приди скорее («Остробровая! Проведать, как я хил...») 312
 Приоткрыв лицо 277
 «Прихода милой мусульманки...» (Она идет) 305
 Пришла весна («Добро пожаловать, друзья...») 302
 «Пришли, настали дни весны...» (Страстью обуян) 297
 Приятней («Нет! Не гурии и пери...») 280
 Про любовь не пытай («Я влюблен, околдован страстью...») 336
 Просьба к ветру («Здесь, в саду, овеваемом благостью божьей...») 222
 «Прошу послушать, милые друзья...» (Греческая легенда) 209
 «Пусть другим зелень сада...» (Аромат) 275
 Пылать меня ты научила 270

 «Раб глазам твоим оленьим...» (Разве я один?) 311
 Разве я один? («Раб глазам твоим оленьим...») 311

«Розоликая с улыбкой вышла...» (Вышла с улыбкой) 252
 Рядом с розой («Твой лик все розы пристыдит...») 281

«Сад вселенной обыскал я...» (Такой, как ты, нет) 308
 Сдружиться («Сердце хочет с той прекрасной...») 332
 «Сегодня с вами поведу я речь...» (О торжественном акте) 182
 «Сердце хочет с той прекрасной...» (Сдружиться) 332
 «Силу тайных чар явили...» (Твои глаза) 259
 «Сколько мне досталось, братья...» (Сколько тревог!) 313
 Сколько тревог! («Сколько мне досталось, братья...») 313
 Славно («Всё ж пришла моя отрада...») 310
 Смилуйся! («Багряный тюльпан в степи...») 242
 «Солнцеподобная моя по улице пройдет...» (Если пройдет) 295
 Соловей («Ты бубенчиком розу на шею надел...») 283
 «Среди красавиц — верных нет как нет...» (Верных нет) 299
 «Стал людям, дерзкая шалунья...» (Твой образ) 256
 «Стан твой — будто ветка розы...» (Будто ветка розы) 262
 «Станет жизнь не красна...» (Если не будет) 236
 Страстью обуян («Пришли, настали дни весны...») 297
 Судьба («О, как много испытаний...») 319

Так жестоко («Кровавой раной сердце мне...») 264
 Такой, как ты, нет («Сад вселенной обыскал я...») 308
 Твое платье («Твое розоцветное платье...») 274
 «Твое розоцветное платье...» (Твое платье) 274
 Твои глаза («Силу тайных чар явили...») 259
 Твои косы («Дух и тело мне любят терзать...») 266
 Твои косы («У розы твоего лица...») 320
 «Твой лик все розы пристыдит...» (Рядом с розой) 281
 Твой лик приметив («Лишь приметив твой лик...») 239
 Твой образ («Стал людям, дерзкая шалунья...») 256
 Терзался я («Как соловья колючки роз...») 263
 «То ль испарина хмеля...» (На лице румяном) 237
 Тобою («Взором я твоим измучен...») 265
 «Той жестокой я в прах сожжен...» (Я в прах сожжен) 241
 Томишь ожиданьем («Обещала прийти, а томишь...») 274
 «Трое нас — гуляк бездомных...» (Иных желаний нет) 340
 «Ты бубенчиком розу на шею надел...» (Соловей) 283
 «Ты в садах красы нетленной...» (В садах красы нетленной) 298
 «Ты изменишь — мука в горле...» (Меня) 261
 «Ты, казалось, и не знала...» (Ты не знала) 244
 «Ты мне стала навеки мила...» (Не сразу, не сразу) 236
 Ты не знала («Ты, казалось, и не знала...») 244
 «Ты помучила влюбленных...» (Добро!) 277
 «Ты прелестней розы ранней...» (Прелестней розы) 322
 Ты сама («Что мне розы!...») 327

У жилья твоего 290
 «У розы твоего лица...» (Твои косы) 320
 Уважаемому господину Наливкину («Хотел вас видеть Закирджан Фуркат...») 221
 «Увидав твой дивный лик...» (Увидав твой лик) 238

- Увидав твой лик («Увидав твой дивный лик...») 238
Увидев («На тюльпаны грех смотреть...») 330
Увидел я пери («Ах, увидел я пери...») 255
- «Хотел вас видеть Закирджан Фуркат...» (Уважаемому господину
Наливкину) 221
«Хоть единый раз подруга...» (Хоть бы раз пришла) 300
Хоть бы раз пришла («Хоть единый раз подруга...») 300
Хоть немного («О лукавая, глянь...») 250
- Цветенья весны («Если розам весной хорошо среди цветущего лу-
га...») 235
«Цветенья слов дари весне...» (О русских солдатах) 216
- «Чаровница! Всю боль разлук...» (Я покинут) 257
Черноокая 302
Что ж никто 300
«Что мне розы!..» (Ты сама) 327
«Что ни ночь, то очи кровью...» (Очи кровью плачут) 272
Что стоит тебе? («В пору роз в цветнике со мною...») 307
- «Эй, музыкант, начни играть для нас...» (О Суворове) 201
«Эту речь поведу я о пользе наук...» (О достоинствах науки) 185
- «Я в Кашмире увидал...» (Девушке из Кашмира) 308
Я в прах сожжен («Той жестокой я в прах сожжен...») 241
«Я влюблен, околдован страстью...» (Про любовь не пытай) 336
Я во сне увидел пери 244
«Я выставку осматривал три дня...» (О выставке в Ташкенте) 198
«Я красавицу напрасно ожидаю...» (Не навестила) 241
Я не видел («Жаркий лик твой я не видел...») 291
Я не мог («В зимний холод тепла...») 343
«Я от куш родимого сада...» (Я отторгнут) 325
Я отторгнут («Я от куш родимого сада...») 325
Я покинут («Чаровница! Всю боль разлук...») 257
Я стенаю навзрыд 284
«Я у ветра спросил, залетевшего в утренний сад...» (Письмо из
Яркенда, обращенное к Ташбалту) 232

СОДЕРЖАНИЕ

Мукими и Фуркат — выдающиеся поэты узбекского народа. <i>Вступительная статья А. А. Зырина</i>	5
---	---

МУКИМИ

Переводы Николая Ушакова

Сатира, юмор

1. Порицание времени	45
2. Прощение хану от жителей селения Хафалак. <i>Мухаммас на газель Махмура</i>	46
3. Боевой перепеленок	47
4. Горе нашему краю	48
5. Землемеры	49
6. Мухаммас о жителях Акджара	51
7. Выборы	52
8. Мингбаши	53
9. Порицание псу, называемому элликбаши	53
10. Асраркул	56
11. Хаджи-кадакчи	56
12. Продавец чая	57
13. Слово о гапе	58
14. Семена хлопчатника	59
15. Плоды этого года	60
16. Той	61
17. Вексель. <i>Мухаммас на газель Завки</i>	65
18. Новоявленный бай	66
19. Сатира на Виктора	68
20. Вторая сатира на Виктора	69
21. Жалоба на Лахтина	70
22. Где же ты?	71

23. Что случилось?	72
24. Святой	72
25. Порицание лягушкам	73
26. Безбородый	74
27. Бродячий музыкант	74
28. Сатира на коня	75
29. Ваш конь	77
30. О достоинствах коня, хозяин которого — Таджи — развозит телеграммы	78
31. Арба	79
32. Грязь	80
33. Порицание москиту	80
34. Мухи	81
35. Похвала печи	82
36. Жалобы на лихорадку	82
37. Кийгирчи	83
38. Улакчи	83
39. Фонарь. <i>Ответ Завки</i>	84
40. Ветер налетел	85
41. Случай с одноглазым Ашурбаем-хаджи	86
42. Землетрясение в Андижане	88
43—46. Путевые очерки	
1. От Коканда до Шахимардана	89
2. От Коканда до Ферганы	91
3. От Коканда до Исфары	93
4. Новый отрывок из путешествия в Исфару	96

Послания

47. Привет (Месяцу меж звезд-сендов от меня большой привет!)	98
48. Привет (Другу просьбу я пишу, шлю в стихах ему привет)	101
49. Ответ Фуркату	101
50. Ответное письмо Фуркату	103
51. Ответ Надиму из Намангана	104
52. Другам в Ташкент	106
53. Знакомым в Андижан	107
54. Племяннику в Москву	108
55. Письмо по случаю первого снега	109
56. Так заведено	109

Лирика

ГАЗЕЛИ

57. Тебя б не видеть лучше	112
58. В плаще из роз	113
59. Поговорим	113
60. В город, милая, приди.	114
61. На сердце хорошо	115
62. Смейся, друг, и пляши!	115

63. Влюбилась Фергана	116
64. В саду красот	117
65. Опять	118
66. Сколько лет	119
67. Красавица, красавица	119
68. Эй, вина!	120
69. Моя любовь	121
70. Гнетет печаль	122
71. А ты ушла	122
72. Приезжайте	123
73. Сто тысяч мучений	123
74. Я — Фархад	124
75. Ищите	125
76. Твой лик	126
77. Тебе привет!	126
78. Твои глаза	127
79. Ты, роза, — красота сама.	128
80. Вы.	128
81. И всё!	129
82. Милая	130
83. Лучше бы не видеть	130
84. Жизнь за тебя отдам	131
85. Помилосердствуй	132
86. Куда, измученный, пойду?	133
87. Желанный лик	134
88. Из-за тебя	134
89. И ты	135
90. Таких немного	135
91. Ремесло мое — влюбленность	136
92. Пришел	137
93. Моя судьба	138
94. Люблю тебя	138
95. Я разум потерял	139
96. Умираю от любви	139
97. Есть ли?	140
98. Спешу в твой сад	140
99. Ты по улице идешь	141
100. Пускай она придет хоть раз!	142
101. Месяцеликой передай.	142
102. Прогулка в саду	143
103. Ранняя весна	144
104. Влюбленный в тебя	144
105. Гранат	145
106. Уж если правду говорить	145
107. Когда так быстро ты идешь.	146
108. Ее лицо.	147
109. Не понравится	147
110. В саду вселенной.	148
111. Не только я один	149
112. Кто человеком назовет?	149

МУРАВБА

113. Я далеко	150
114. Месяцеликая	151
115. Твои глаза	152
116. Твоя красота	153
117. Что произошло?	154
118. Я вспоминаю	154
119. Пери, ты лицом светла	155
120. Я вспомнил	156

МУХАММАСЫ

121. Моя красавица. <i>Мухаммас на газель Навои</i>	157
122. Я позабыл	158
123. Твои глаза. <i>Мухаммас на газель Фурката</i>	159
124. Твое письмо. <i>Мухаммас на газель Навои</i>	160
125. Мне лекарства не помогут.	161
126. Приходи	162
127. Нужна. <i>Мухаммас на газель Навои</i>	164
128. Еще никто	165
129. Я от тоски горю	166
130. Кто скажет обо мне?	167
131. Пусть тюльпан не увядает	168
132. Офарин	169
133. О достоинствах любимой. <i>Мухаммас на газель Завки</i>	170
134. Без памяти влюблен. <i>Мухаммас на газель Физули</i>	172
135. Душа полна. <i>Мухаммас на газель Альмаи</i>	173
136. Девушке из Кашмира. <i>Мухаммас на газель Фурката</i>	174

РУВАН, ФАРДЫ

137. «Этот новый дом...»	175
138. «Без вина, увя...»	175
139. «Я грущу, причину грусти...»	175
140. «Злобный человек гонит...»	175
141. «Закадычным другом брошен...»	176
142. «Что Страшного суда страшней?...»	176
143. «К нашим воплям...»	176

ФУРКАТ

Сатира, публицистика в стихах

144. Кокандским богачам. <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	179
145. Гимназия. <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	180
146. О торжественном акте. <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	182
147. О достоинствах науки. <i>Перевод С. Иванова</i>	185
148. О музыкальном вечере в Ташкенте. <i>Перевод С. Иванова</i>	188

149. О музыке, музыкантах, их инструментах, а также о производимом музыкою впечатлении. <i>Перевод С. Иванова</i>	192
150. О выставке. <i>Перевод В. Липко</i>	195
151. О выставке в Ташкенте (1). <i>Перевод Н. Гребнева</i>	198
152. О выставке в Ташкенте (2). <i>Перевод Н. Гребнева</i>	200
153. О Суворове. О представлении, состоявшемся 5 октября 1890 года в Ташкентском городском театре. <i>Перевод В. Липко</i>	201
154. О поэзии и поэтической гиперболе. <i>Перевод С. Иванова</i>	207
155. Греческая легенда. <i>Перевод В. Липко</i>	209
156. О русских солдатах. <i>Сокращенный перевод В. Липко</i>	216

Послания

Переводы Сергея Иванова

157. Письмо к Мукими	219
158. Письмо Фурката к Мукими	220
159. Уважаемому господину Наливкину	221
160. Просьба к ветру	222
161. Письмо из Бомбея	229
162. Письмо из Яркенда, обращенное к Ташбалту	232

Лирика

ГАЗЕЛИ

163. Цветенье весны. <i>Перевод С. Иванова</i>	235
164. Если не будет. <i>Перевод С. Иванова</i>	236
165. Не сразу, не сразу. <i>Перевод С. Липкина</i>	236
166. На лике румянном. <i>Перевод С. Иванова</i>	237
167. Увидав твой лик. <i>Перевод С. Иванова</i>	238
168. В саду. <i>Перевод С. Иванова</i>	238
169. Твой лик приметив. <i>Перевод С. Иванова</i>	239
170. Жизнь печаль и огорченья мне приносит. <i>Перевод Э. Бабаева</i>	240
171. Я в прах сожжен. <i>Перевод С. Иванова</i>	241
172. Не навестила. <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	241
173. Смилуйся! <i>Перевод С. Иванова</i>	242
174. Ночью. <i>Перевод С. Иванова</i>	243
175. Я во сне увидел пери. <i>Перевод С. Иванова</i>	244
176. Ты не знала. <i>Перевод С. Иванова</i>	244
177. Где ж твоя луна? <i>Перевод С. Иванова</i>	245
178. Любимая. <i>Перевод С. Лиходзиевского</i>	246
179. Забрел я в погребок. <i>Перевод С. Иванова</i>	247
180. Доколе? <i>Перевод С. Иванова</i>	247
181. На твоём пути. <i>Перевод С. Липкина</i>	248
182. Во прахе. <i>Перевод С. Иванова</i>	249
183. Хоть немного. <i>Перевод С. Иванова</i>	250
184. Бог любимую послал мне. <i>Перевод С. Иванова</i>	250
185. Моя перн. <i>Перевод С. Иванова</i>	251

186. За что? <i>Перевод С. Иванова</i>	252
187. Вышла с улыбкой. <i>Перевод С. Иванова</i>	252
188. В смятение ввергнут я. <i>Перевод С. Иванова</i>	253
189. Ищу лекарства ст скорбей. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	253
190. Увидел я пери. <i>Перевод С. Иванова</i>	255
191. Отнимающая разум. <i>Перевод С. Иванова</i>	255
192. Твой образ. <i>Перевод С. Иванова</i>	256
193. Я покинут. <i>Перевод С. Иванова</i>	257
194. Очи твои. <i>Перевод С. Иванова</i>	258
195. Захмелев. <i>Перевод С. Иванова</i>	258
196. Твои глаза. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	259
197. Не вижу. <i>Перевод С. Иванова</i>	260
198. Меня. <i>Перевод С. Иванова</i>	261
199. Луноликая. <i>Перевод С. Иванова</i>	261
200. Будто ветка розы. <i>Перевод С. Иванова</i>	262
201. Терзался я. <i>Перевод С. Иванова</i>	263
202. Не уходите! <i>Перевод С. Липкина</i>	263
203. Так жестоко. <i>Перевод С. Иванова</i>	264
204. Тобою. <i>Перевод С. Иванова</i>	265
205. Нет благонаправной. <i>Перевод С. Липкина</i>	265
206. Твои косы. <i>Перевод С. Иванова</i>	266
207. Мой праздник. <i>Перевод С. Иванова</i>	267
208. Не идем. <i>Перевод С. Иванова</i>	268
209. Весною соверши прогулку. <i>Перевод С. Липкина</i>	269
210. О, доколе ж? <i>Перевод С. Липкина</i>	269
211. Пылать меня ты научила. <i>Перевод С. Липкина</i>	270
212. Побывать бы вдвоем. <i>Перевод С. Иванова</i>	271
213. В цветнике красы. <i>Перевод С. Иванова</i>	272
214. Очи кровью плачут. <i>Перевод С. Иванова</i>	272
215. Едва раскроешь уста. <i>Перевод С. Иванова</i>	273
216. Томишь ожиданьем. <i>Перевод С. Иванова</i>	274
217. Твое платье. <i>Перевод С. Иванова</i>	274
218. Аромат. <i>Перевод С. Иванова</i>	275
219. Пламень страсти. <i>Перевод С. Иванова</i>	275
220. Лишь вспомню. <i>Перевод Ю. Нейман</i>	276
221. Приоткрыв лицо. <i>Перевод С. Иванова</i>	277
222. Добро! <i>Перевод С. Иванова</i>	277
223. Если приоткроет лик. <i>Перевод С. Иванова</i>	278
224. Где найдется? <i>Перевод С. Иванова</i>	279
225. Не шадит. <i>Перевод С. Иванова</i>	280
226. Приятней. <i>Перевод С. Иванова</i>	280
227. Рядом с розой. <i>Перевод С. Иванова</i>	281
228. Прелестны. <i>Перевод С. Иванова</i>	282
229. Соловей. <i>Перевод С. Иванова</i>	283
230. Когда ты поёшь. <i>Перевод С. Иванова</i>	284
231. Я стенаю навзрыд. <i>Перевод С. Иванова</i>	284
232. Не найду. <i>Перевод С. Иванова</i>	285
233. От любви к тебе сгорел. <i>Перевод С. Иванова</i>	286
234. Кто стал бы другом? <i>Перевод С. Иванова</i>	287
235. Мечом твоих измен. <i>Перевод С. Иванова</i>	288
236. В разлуке. <i>Перевод С. Иванова</i>	289
237. У жилья твоего. <i>Перевод С. Иванова</i>	290

238.	Я не видел. <i>Перевод С. Иванова</i>	291
239.	Андижан. <i>Перевод С. Иванова</i>	291
240.	Не ты ли? <i>Перевод С. Иванова</i>	292
241.	Каких не претерпел невзгод. <i>Перевод С. Иванова</i>	293
242.	Впору лоб разбить. <i>Перевод С. Иванова</i>	293
243.	О, выйди! <i>Перевод С. Иванова</i>	294
244.	Огорчен я. <i>Перевод С. Иванова</i>	295
245.	Если пройдет. <i>Перевод С. Иванова</i>	295
246.	От ее глаз. <i>Перевод С. Иванова</i>	296
247.	Излом бровей <i>Перевод С. Иванова</i>	297
248.	Страстью обуян. <i>Перевод С. Иванова</i>	297
249.	В садах красы нетленной. <i>Перевод С. Иванова</i>	298
250.	Верных нет. <i>Перевод С. Иванова</i>	299
251.	Хоть бы раз пришла. <i>Перевод С. Иванова</i>	300
252.	Что ж никто. <i>Перевод С. Иванова</i>	300
253.	В разлуке с пери. <i>Перевод С. Иванова</i>	301
254.	Пришла весна. <i>Перевод С. Иванова</i>	302
255.	Черноокая. <i>Перевод С. Иванова</i>	302
256.	По ночам. <i>Перевод С. Иванова</i>	303
257.	Влечет. <i>Перевод С. Иванова</i>	304
258.	Где такая пери? <i>Перевод С. Иванова</i>	305
259.	Она идет. <i>Перевод В. Липко</i>	305
260.	Недобрая. <i>Перевод С. Иванова</i>	306
261.	Что стоит тебе? <i>Перевод С. Иванова</i>	307
262.	Такой, как ты, нет. <i>Перевод С. Иванова</i>	308
263.	Девушке из Кашмира. <i>Перевод С. Иванова</i>	308
264.	Не внемлет. <i>Перевод С. Иванова</i>	309
265.	Мой кипарис. <i>Перевод С. Иванова</i>	309
266.	Славно. <i>Перевод С. Иванова</i>	310
267.	Разве я один? <i>Перевод С. Иванова</i>	311
268.	Нет! <i>Перевод С. Иванова</i>	311
269.	Приди скорее! <i>Перевод С. Иванова</i>	312
270.	Меня отторгло. <i>Перевод С. Иванова</i>	313

МУХАММАСЫ

Переводы Сергея Иванова

271.	Сколько тревог!	313
272.	Желает сердце	315
273.	Не обижусь	317
274.	Она резвится	318
275.	Судьба	319
276.	Твои косы	320
277.	Прелестней розы	322
278.	Люди не поймут	323
279.	Я отторгнут	325
280.	Ты сама	327
281.	Никто	328
282.	Увидев. <i>Мухаммас на газель Навои</i>	330
283.	Сдружиться. <i>Мухаммас на газель Навои</i>	332
284.	Когда приятн была готова. <i>Мухаммас на газель Навои</i>	333
285.	Жизнь ждам. <i>Мухаммас на газель Физули</i>	335
286.	Про любовь не пытай. <i>Мухаммас на газель Машраба</i>	336

МУСАДАСЫ

Переводы Сергея Иванова

287. Отпусти невольницу	338
288. Иных желаний нет	340
289. Я не мог	343
Примечания	345
Словарь	365
Алфавитный указатель произведений	
Муками	378
Фуркат	384

Мукими. Фуркат

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель». 1972,
400 стр. План выпуска 1972 г. № 321.

Редактор *Т. А. Зарубина*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *И. Г. Клейнер*

Сдано в набор 21/VI 1972 г. Подписано в печать 24/X 1972 г. М 55088. Бумага 84×108¹/₃₂, № 1. Печ. л. 12¹/₂ (21,0). Уч.-изд. л. 16,95. Тираж 10 000 экз. Заказ № 883. Цена 82 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 5 Союзно-республиканского Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Красная ул., 1/3

